

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2020

Редакционная коллегия серии

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (главный редактор); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора); *М. А. Анишкин*, д-р социол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Эссексский университет, Великобритания; *М. В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *К. Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, директор центра моделирования социально-экономического развития региона, БФУ им. И. Канта; *Т. С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Юридический институт, БФУ им. И. Канта; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *А. Жуковски*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О. И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет; *Ю. В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического регионоведения, СПбГУ; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., СПбГУ; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов, СПбГУ; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Адрес редакции:
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Лисаускайте В.В. Международные организации как субъект международного механизма защиты от бедствий 5

Махмутова М.И. Специфика государственного функционирования Палестинской национальной администрации 18

Актуальные проблемы современной экономики

Неверов А.Н., Маркелов А.Ю. К проблеме моделирования стратегического поведения государств в геоэкономике 32

Лачининский С.С., Михайлова А.А., Сорокин И.С. К вопросу об инновационном развитии сельских поселений Ленинградской области 42

История. Исторические науки

Барахвостов П.А. Трансформация институциональной матрицы Великого княжества Литовского в составе Российской империи 53

Шустова Ю.Э. Кёнигсбергские кириллические издания календарей 1720-х годов в собрании Российской государственной библиотеки 65

Общество и политика

Ишукوف А.А., Бедрина Е.Б. Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия 80

Балабейкина О.А., Мартынов В.Л., Янковская А.А. Экономическая деятельность ведущих религиозных организаций Эстонии 96

Рецензии

Рец. на книгу: Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования) (Т.К. Примак, С.В. Лонская) 112

CONTENTS

State and law

<i>Lisauskaitė V. V.</i> International organizations as a subject of international disaster relief mechanism.....	5
<i>Makhmutova M. I.</i> On some particular functions of the Palestinian national administration.....	18

Current economic problems

<i>Neverov A. N., Markelov A. Yu.</i> On the problem of modeling the strategic behavior of states in geoeconomics.....	32
<i>Lachininskii S. S., Mikhaylova A. A., Sorokin I. S.</i> Innovative development of rural settlements of the Leningrad region.....	42

History. Historical sciences

<i>Barakhvostov P. A.</i> Transformation of the institutional matrix of the Grand Duchy of Lithuania within the Russian Empire.....	53
<i>Shustova Y. E.</i> Königsberg Cyrillic editions of the calendars of the 1720s in the collection of the Russian State Library.....	65

Society and politics

<i>Ishukov A. A., Bedrina E. B.</i> European and Eurasian integration: similarities and differences.....	80
<i>Balabeikina O. A., Martynov V. L., Iankovskaia A. A.</i> Economic activity of the leading religious organizations in Estonia.....	96

Reviews

Rev.: <i>Serkov P. P.</i> Jural relation (Moral norms of the current jural regulations) (<i>T. K. Primak, S. V. Lonskaya</i>).....	112
--	-----

В. В. Лисаускайте

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ
ОТ БЕДСТВИЙ**

5

Международная защита от бедствий представляет собой одно из активно развивающихся направлений межгосударственного сотрудничества как на универсальном, так и на региональном уровне. Представляет собой одну из целей устойчивого развития ООН (ЦУР ООН). Цель: анализ деятельности международных организаций в области защиты от бедствий, обобщение и формирование представления о создании глобального механизма такой защиты, одним из активных участников которого являются международные организации. В качестве методов исследования использованы: сравнительный, аналитический и исторический. Результаты: международные организации активно участвуют в защите населения и территорий от бедствий посредством реализации своих программ и деятельности своих специальных подразделений. Такая работа осуществляется на универсальном (в рамках ООН) и региональном (АСЕАН, СЕ и т.д.) уровнях. Однако регионы в данной сфере сотрудничества представлены неоднородно. Автор раскрывает особенности и преимущества некоторых из них. Деятельность международных организаций в целом в области защиты от бедствий способствует постепенному формированию самостоятельной отрасли международного права – международное право бедствий, посредством разработки базовых принципов и норм, и практики их применения.

The international disaster relief represents one of actively developing areas of interstate cooperation, both at universal, and the regional level. It represents one of sustainable development goals of the UN (UN SDGs). This article sees its purpose in the analysis of activity of the international organizations in disaster prevention, development of idea on what the global mechanism of such prevention is about, and the role of the international organizations. The research used comparative, analytical and historical analyses. The author states that the international organizations actively participate in protection of the population and territories against disasters while implementing various programs and certain activities. Such work is carried out on universal (within the UN) and regional (ASEAN, CE, etc.) levels. However, there are certain differences between the regions in this sphere of cooperation are presented is non-uniform. The author reveals features and advantages of some of them. Activity of the international organizations in general in the field of protection against disasters promotes gradual growth of the independent branch of international law – international disaster relief law, by means of development of the basic principles and norms and practice of their application.

Ключевые слова: международные организации по защите от бедствий, международная защита от бедствий, ООН, гуманитарная помощь, международная помощь, международное право бедствий.

Keywords: international disaster relief organizations, international disaster relief, UN, humanitarian aid, international aid, international disaster relief law.

Введение

В рамках научной статьи представлены анализ и результаты исследования, проведенные автором в рамках изучения роли международных организаций в становлении и развитии международного права бедствий как активного участника данных международных отношений. Целью является показать разнонаправленность деятельности международных организаций в области защиты от бедствий как на универсальном, так и на региональном уровне.

При написании были использованы методы исторического анализа, синтеза, сравнения. Автор делает самостоятельные выводы о важности участия различных международных организаций, их органов и программ в формировании международного механизма защиты от бедствий, их взаимодействие с государствами, разработка и принятие документов различной юридической силы в качестве регуляторов данных международных отношений.

Рассматриваемая тематика редко выступает в качестве объекта исследования для российских ученых. Как правило, дается общая характеристика их деятельности, в то время как зарубежные ученые проводят более глубокие исследования в рассматриваемой сфере.

Международные организации и их участие в международных отношениях в области защиты от бедствий

Международные организации являются активным участником различных международных отношений. Благодаря их деятельности эти отношения получают дополнительные возможности для своего развития, поскольку зачастую такая деятельность осуществляется в рамках специальных совместных программ и внеобязательственного сотрудничества. Активно развитый в XX в. международный организационный механизм по решению общих вопросов может эффективно работать, и его сущность позволяет достигать поставленных целей. Профессор Л. С. Воронков отмечает: «Постоянные международные межправительственные организации и правовые нормы, которыми они руководствуются в своей деятельности в соответствующих областях, стали превращаться в неотъемлемые элементы международного общения, без которых взаимодействие многих суверенных государств становилось куда более затруднительным» [3].

Приведем в качестве подтверждения нашей позиции несколько высказываний. Международные организации — это объединения госу-

дарств, созданные на основе международного межправительственного договора для выполнения определенных целей, имеющие систему постоянно действующих органов, обладающие международной правосубъектностью и учрежденные в соответствии с международным правом [11, с. 23]. Количество международных организаций за последние десятилетия активно увеличилось. По мнению немецких ученых, причина стремительного роста числа международных организаций заключается в том, что международные отношения невозможно представить без институциональной формы сотрудничества [22, с. 175]. Международные организации составляют ключевой элемент процесса институционализации постольку, поскольку они могут создаваться собственными ведущими членами по своему усмотрению и с любой целью, наделять адекватным функциям полномочиями. Устойчивая внутренняя структура и формирование собственной воли позволяет им обеспечивать бесперебойное выполнение масштабных задач [2, с. 345].

Развитие сотрудничества между государствами и другими субъектами международных отношений вызвало к жизни целую систему международных государственных и негосударственных организаций. Рост взаимозависимости государств, возникновение и обострение глобальных проблем обусловили объективные потребности в усилении многостороннего сотрудничества и способствовали расширению и углублению высшей формы сотрудничества — международной интеграции [4, с. 182].

Международные межправительственные организации вносят в хаотичную международную систему стабильный международный порядок в тех областях, в которых суверенные государства их учреждают, не посягая при этом на права государств, присущие их суверенитету. Чем шире сфера регулирования ими отдельных сегментов системы международных отношений, тем более организованный и структурированный характер приобретает сама система [3].

Таким образом, ученые едины во мнении о значимости деятельности международных межправительственных организаций как активного участника международных отношений, что способствует разнонаправленному развитию международного сотрудничества.

Долгое время к международным организациям как к субъекту международного права относились настороженно. Государства не спешили признавать их равными себе в качестве акторов международных отношений. Однако интенсивное развитие международного взаимодействия во 2-й половине XX в., увеличение количества сфер межгосударственного сотрудничества привели к росту количества международных организаций, а также увеличению их деятельности. Поэтому на сегодняшний день ни одна правовая школа не отказывает в признании международных межправительственных организаций субъектами международного права.

Международная защита от бедствий — сфера молодая. Эти отношения находятся на стадии становления. Однако их значимость для

мирового сообщества привела к активному интересу со стороны международных организаций. Они все активнее участвуют в совместных программах либо формируют свое направление деятельности по защите от бедствий с учетом уставных целей и задач.

Международная организация как субъект определенных международных отношений должна обладать соответствующей компетенцией в рамках своего учредительного договора. Функционируя, международная организация всегда исходит из своих целей и задач, закрепленных для нее государствами-учредителями. В тоже время она имеет возможность легитимно расширить свои полномочия.

Учитывая специфику и новизну рассматриваемых отношений, защита от бедствий не фигурирует в уставах международных организаций. Эта сфера деятельности в активности международных организаций была закреплена:

— посредством подписания договора (АСЕАН, после трагического цунами 2004 г. было заключило соглашение по борьбе со стихийными бедствиями и реагированию на чрезвычайные ситуации [20]);

— через внесение изменение и дополнений в учредительный договор (МОГО в 1972 г. включила в свой устав деятельность при бедствиях и катастрофах);

— посредством принятия внутреннего акта самой организации, наделяющего ее органы соответствующей компетенцией (в ООН в соответствии с резолюцией ГА ООН 46/182 был создан Департамент по гуманитарным вопросам [13]).

Таким образом, очевидно расширение компетенции деятельности организации с учетом активно развивающейся новой сферы международных отношений, необходимости решения различных вопросов в этой области, а также наличия у самой организации определенного потенциала в этой сфере.

История международных организаций представлена поиском оптимальных организационных форм международного сотрудничества; она составляет неотъемлемую часть общегражданской истории [12, с. 32]. Если применить данное суждение М. Ю. Прохоровой к анализируемой нами деятельности международных организаций в области защиты от бедствий, то можно сказать, что становление данного направления сотрудничества в рамках таких объединений непосредственно связано с развитием понимания и осознания со стороны общества потребности в данном взаимодействии. Проведенный анализ других научных статей автора свидетельствует о параллельном развитии науки, культуры безопасности в обществе и тех форматов межгосударственного сотрудничества, которые постепенно реализуются в рамках различных международных организаций на протяжении последних 30 лет. Следует отметить, что защита от бедствий выступает новой сферой деятельности международных организаций, не все применяемые средства дают результат или устраивают по своей эффективности государства-участники или саму организацию. Но работа по выбору форм, их совершенствованию и корректировке содержания применительно к международной защите от бедствий продолжается.

Особенности деятельности отраслевых международных организаций и специализированных учреждений ООН в области защиты от бедствий

Лидирующая роль в деле ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, а также в оказании чрезвычайной гуманитарной помощи населению пострадавших стран принадлежит ООН, накопившей за годы своей деятельности немалый опыт по координации операций оказания гуманитарной помощи в Европе в связи с разрушениями и массовым переселением людей во время Второй мировой войны [18, с. 16]. Следует согласиться с позицией немецких ученых, которые отмечают, что «несмотря на многие недостатки, присутствующие ООН, именно благодаря ее деятельности идея организованного сообщества государств, охватывающего весь мир, утвердилась окончательно» [2, с. 349].

Действительно, ООН старается учитывать недостатки и промахи своей деятельности. Подтверждением этого является принятие решения о создании Управления по оказанию помощи в случае стихийных бедствий (UNDRO, в 1972 г. вошедшее в состав Департамента по гуманитарным вопросам). Это структурное подразделение неоднократно прошло корректировку своей деятельности и ее организации. На сегодняшний день это целая система органов ООН, каждый из которых выполняет свою задачу: предупреждение, реагирование, ликвидация последствий [8].

Так, наиболее эффективным относительно оперативности в сфере реагирования на бедствия является осуществление поисково-спасательных работ, осуществляемых именно региональными международными организациями. Сей факт признается и ООН, поскольку именно проблема с оперативностью является одним из недостатков функционирующей системы гуманитарных органов универсальной организации. И именно поэтому была создана система международных поисково-спасательных групп с учетом их географического расположения относительно точки бедствия.

Общепризнанным является тот факт, что международная защита от бедствий представляет собой комплексную сферу сотрудничества. Для его большей эффективности участники данных международных отношений стараются включить именно те вопросы, решение которых необходимо в конкретный период. И если изначально защита от бедствий рассматривалась как гуманитарная сфера, то в настоящее время, она включает в себя вопросы безопасности, экологии, экономики, здравоохранения, культуры и т. д.

Тринадцать организаций ООН: ФАО, ПРООН, ЮНЭП, ЮНФА, UNHABITAT, ЮНИСЕФ, ЮНОПС, МПП, ВМО, ВОЗ, ЮНЕСКО, UNV и Всемирный банк — имеют приоритет по снижению риска бедствий в своих стратегических планах на 2014–2017 гг. Работы и снижение риска бедствий включены в их системы мониторинга [17].

Всемирная метеорологическая организация (далее – ВМО) изначально, по своей функциональной природе, имеет непосредственное отношение к защите от бедствий. Прогнозы различных природных явлений имеют важное значение для своевременного предупреждения бедствий природного характера. В то же время в современных условиях ВМО решила для себя эту задачу. Одной из программ данной организации является ГРОКО – Глобальная рамочная основа для климатического обслуживания. Программа направлена на формирование и эффективное использование рынка метеорологических услуг для частного потребителя в целях сокращения возможных расходов, вызванных последствиями опасных природных явлений и бедствий. Это может способствовать снижению рисков бедствий в отдельных сферах экономики. И данный механизм взаимодействия возможен благодаря деятельности Всемирной метеорологической организации (более подробно о реализации и проблемах [9]).

ЮНЕСКО – международная межправительственная организация, занимающаяся наукой, образованием и культурой. Роль этой международной структуры в сфере международной защиты от бедствий весьма велика. Именно благодаря научной деятельности национальных центров и институтов государств-членов осуществляется продвижение технологий и развитие механизма защиты от бедствий. Значимость такой работы, на наш взгляд, характеризуется наличием специальных подразделений в рамках ЮНЕСКО. Здесь функционируют Международная координационная группа по системе предупреждения о цунами в Тихом океане; Европейско-Средиземноморский сейсмический центр; Центр обсерваторий и исследовательского оборудования европейской сейсмологии [5, с. 77].

Другим направлением деятельности организации является реализация и продвижение международных программ. Одной из них стал «Глобальный альянс по уменьшению опасности бедствий и устойчивости в области образования (GADRRRES)». Это многосторонний механизм, состоящий из агентств ООН, международных организаций и региональных сетей. Его задача – усилить глобальную координацию, информацию и знания, пропагандировать меры по снижению риска бедствий и обеспечению безопасности образовательных учреждений.

Интересной, на наш взгляд, является деятельность Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО). Она составляет ежеквартальный прогноз основных рисков бедствий для продовольственной безопасности и сельского хозяйства, в котором особое внимание уделяется:

- потенциальным новым чрезвычайным ситуациям в результате неизбежных угроз стихийных бедствий;
- новым событиям в странах, уже затронутых затяжными кризисами, которые могут вызвать дальнейшее ухудшение продовольственной безопасности.

На основании этой информации предоставляются конкретные ранние рекомендации для каждой страны. Сам отчет направлен на то,

чтобы побудить ФАО и партнеров к активному смягчению или предотвращению стихийных бедствий, прежде чем они начнут оказывать негативное влияние на продовольственную безопасность [1].

Поэтому появление интереса со стороны специализированных учреждений ООН и международных организаций к рассматриваемой сфере вполне закономерно. Посредством реализации специальных программ они способствуют освещению узких аспектов. Именно данные организации обладают экспертными ресурсами, поскольку объединяют не просто государства, а их научные центры и специалистов. Своим участием в реализации Сендайской программы специализированные учреждения ООН и отраслевые международные организации способствуют достижению поставленных целей и задач.

Региональное институциональное сотрудничество по защите от бедствий

Региональные международные организации представляют собой один из тех механизмов международного сотрудничества, который позволяет объединить государства конкретного географического региона их общими проблемами и интересами. В большинстве случаев они относятся к международным организациям широкой компетенции. Региональные и субрегиональные объединения и организации могут иметь различные формы и охватывать самые разнообразные сферы, начиная от сотрудничества в отдельных областях и свободной торговли и заканчивая политическими союзами [4, с. 184]. Абсолютно по-разному в этих организациях появилось такое направление деятельности как международная защита от бедствий.

Регионализм опирается на межгосударственное и транснациональное сотрудничество в пределах международного региона. Он подчиняется логике установления институционализированных органов и выработке общей согласованной политики [6, с. 70].

АСЕАН, как и многие региональные организации, имеет широкую компетенцию. В то же время одним из новых направлений сотрудничества стало создание международного механизма взаимодействия в области защиты от бедствий. Такое решение стало результатом трагического события — цунами 2004 г. в Таиланде и его последствий. В итоге в 2005 г. было подписано соглашение между государствами — членами АСЕАН о сотрудничестве по защите от бедствий. В рамках закрепленного в документе механизма в том числе функционирует Координационный центр АСЕАН по оказанию гуманитарной помощи (АНА). Эта структура не только выполняет координацию, но и стоит во главе совместной системы реагирования. Совместными силами осуществляется экстренное реагирование по предоставлению помощи государствам, пострадавшим от того или иного бедствия.

Данное направление сотрудничества также реализует различные совместные программы с государствами, которые не являются членами АСЕАН, для обмена опытом и борьбы с трансграничными бедствиями. Такой формат позволяет учитывать опыт отдельных стран и разрабатывать совместные технологии.

Интересным, на наш взгляд, представляется механизм, функционирующий в рамках Совета Европы. Применительно к сфере защиты от бедствий был применен механизм частичных соглашений (ЧОС), активно развивающийся в рамках региональной организации. С 1987 г. на основании данного механизма стала осуществляться межгосударственная научная работа.

Частичное открытое соглашение Совета Европы по прогнозированию, предотвращению и оказанию помощи в случае стихийных бедствий и техногенных катастроф (EUR-OPA) [15]. Именно такое официальное название имеет документ, который много лет выступает в качестве правовой платформы сотрудничества, признаваемого одним из эффективных в области защиты от бедствий.

Сама структура ЧОС включает в себя 3 уровня: политический уровень (конференция министров); взаимодействие представителей профильных министерств, представленных Комитетом постоянных корреспондентов; специализированные центры государств.

Непосредственную работу осуществляют именно специализированные центры по разработке проектов на национальном и на региональном уровне, направленных на повышение осведомленности и устойчивости к основным рискам среди населения. Каждый специализированный центр определяет проекты [16], которые реализуются не только самостоятельно, в рамках национальной стратегии снижения риска бедствий, но и регионально, посредством совместного осуществления отдельных аспектов проектов в целях разработки единообразных подходов и технологий в области прогнозирования бедствий на территории стран-участниц.

Уникальной, по нашему мнению, является деятельность организации CDERA. Это фактически единственная региональная организация, созданная непосредственно в целях защиты населения государств-членов от бедствий и реагированию на них. Основной функцией CDERA является немедленное и координированное принятие мер в случае любых чрезвычайных ситуаций на территории государств-членов в случае получения соответствующего запроса об оказании помощи. Агентство также осуществляет оценку последствий таких ситуаций, предоставление необходимой информации, обучение персонала [5, с. 82].

Учитывая географические особенности региона CDERA, вполне логично создание оперативной международной организации. Многие страны Северной, Центральной и Южной Америки подвержены воздействию наиболее опасных природных явлений (землетрясений, наводнений, засухи, циклонов, оползней). Ожидать помощь от иных международных организаций при проявлениях этих бедствий может привести к увеличению количества пострадавших и общего ущерба.

Такая помощь, конечно, предоставляется ООН МККК и другими международными структурами. Но на это нужно время. Поэтому наличие своего регионального механизма оперативного реагирования позволяет сократить потери и своевременно предупредить территории об угрозе.

Представленные в качестве примера международные региональные организации далеко не единственные, осуществляющие сотрудничество в области защиты от бедствий. Их деятельность более подробно проанализирована в самостоятельных научных статьях автора.

На наш взгляд, именно благодаря деятельности международных организаций новые сферы международных отношений получают возможность своего развития. Определенные формы сотрудничества имеют больше возможностей на уровне региональных организаций, поскольку небольшое количество участников позволяет быстрее и эффективнее решать конкретные вопросы. Как правило, государства – члены региональных организаций объединены определенной общностью в виде географического региона, культуры, схожести правовых систем и инфраструктуры либо по другим критериям. В рамках универсальных организаций таких преимуществ нет. Наоборот, они объединяют в своем составе абсолютно разнонаправленные государства-члены. Поэтому в зависимости от уровня международной организации должны использоваться разные формы сотрудничества с точки зрения их успешности.

В международном гуманитарном сообществе уже давно сложился реестр национальных, региональных и международных центров кризисного управления, решающих задачи в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и защиты населения от бедствий и катастроф [7, с. 11].

Таким образом, деятельность международных организаций регионального характера в области защиты от бедствий является достаточно развитой и эффективной. В настоящее время наблюдается тенденция создания межрегиональных механизмов взаимодействия в рассматриваемой сфере. Это способствует обмену опытом, а также проведению учений на случай трансрегиональных чрезвычайных ситуаций.

Нормотворчество в области защиты от бедствий и международные организации

Участие в международном нормотворчестве – это деятельность международных организаций, направленная на создание, изменение, совершенствование или отмену международно-правовых норм. Большое значение для создания норм международного права имеет договорная инициатива межправительственных организаций, когда она предполагает заключение определенного межгосударственного договора [11, с. 31].

На международном уровне совместные усилия, связанные со смягчением бедствий и подготовлением к ним, сосредоточивались, в частности, на том, чтобы создать механизмы раннего оповещения, договориться о поисково-спасательных работах и сформировать запасной потенциал. Регулирование этих моментов достигалось с помощью конкретных международных соглашений или договоренностей, например, применительно к теме раннего оповещения, либо с помощью иных механизмов, устанавливаемых на международном уровне, в частности по линии ООН [10].

Ярким примером реализации функции нормотворчества международных организаций в области защиты от бедствий является совместная разработка ООН и Международного союза электросвязи, а затем и подписание Конвенции Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи 1998 г. Соглашение появилось именно благодаря совместной работе двух международных организаций, одна из которых обладала необходимым профессиональным опытом в области предмета регулирования, а другая использовала свою площадку для привлечения большого количества участников документа в целях его дальнейшего эффективного использования.

Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны 2000 г. была разработана и подписана в рамках Международной организации гражданской обороны. Это вполне закономерно, поскольку организация занимается, в том числе подготовкой поисково-спасательных групп государств для оказания помощи в случае чрезвычайных ситуаций различного характера. Поэтому, на наш взгляд, в соглашение вошли правила, отработанные на практике многими странами, в том числе государствами — членами МОГО. Согласно официальной позиции МОГО относительно содержания Конвенции, данный международный акт представляет собой всесторонний юридический инструмент, регламентирующий процесс оказания самой помощи [21]. По своему содержанию фактически договор закрепляет уже сложившиеся на практике правила поведения при оказании помощи, признаваемые и применяемые многими странами и международными организациями.

Другой формой определенного нормотворчества международных организаций является создание норм «мягкого права». Международные организации принимают решения, резолюции и рекомендации, которые содержат нормы международного права, большинство из которых составляют так называемое «мягкое право». Эти акты признаются вспомогательными нормами международного права и могут составлять хорошую основу для формирования международных обычных правовых норм [11, с. 31]. В области бедствий в настоящее время существует большое количество документов, принятых международными организациями. В первую очередь органами ООН. И лишь часть из них действительно содержит нормы международного права, активно применяемые на практике государствами и самими международными организациями.

Резолюцией ГА ООН №46/182 «Руководящие принципы укрепления координации чрезвычайной гуманитарной помощи» устанавливаются руководящие принципы координации чрезвычайной гуманитарной помощи, оказываемой системой ООН [13]. В документе определены основные элементы механизма представления помощи. Этот рекомендательный акт действительно является рабочим, поскольку применяется специальными органами ООН и национальными поисково-спасательными отрядами при оказании международной помощи. На его основе разрабатываются и применяются стандарты различных международных гуманитарных организаций.

Резолюция ГА ООН №57/150 от 16 декабря 2002 г. «Повышение эффективности и укрепление координации международной помощи при проведении поисково-спасательных операций в городах» [14] легла в основу технических инструкций МККК, INSARAG, UNDAC, CDERA.

Одной из ключевых особенностей актов «мягкого права» является факт его формирования на базе международных межправительственных переговорных форумов. Это позволяет государствам и международным организациям достичь консенсуса по вопросам, которые не могут быть разрешены в рамках принятия международно-правового акта обязательного характера [11, с. 93]. В области международной защиты от бедствий состоялись 3 всемирных конференции по снижению опасности бедствий, результатом деятельности которых стало принятие на 15 лет трех следующих друг за другом стратегий. Эти документы стали документационной платформой деятельности государств, международных организаций, неправительственных движений на всех уровнях взаимодействиях.

В настоящее время как государства, так и международные организации в целях регулирования международных отношений все чаще обращаются к нормам «мягкого права», которые, не создавая правовых обязательств, играют все более значимую роль в условиях сложных геополитических реалий, когда достижение консенсуса по политически значимым вопросам обусловлено трудностью принятия международных правовых актов обязательной юридической силы [11, с. 98].

Выводы

Несмотря на активную критику деятельности международных организаций, особенно ООН, существует определенный феномен этих структур с точки зрения объединения государств для реализации совместных целей. Заключается он в том, что механизм международной организации, ее природа, позволяет привлечь к решению нужного вопроса достаточное количество государств, иных международных организаций и структур. При этом само сотрудничество не носит обязательный характер (в контексте отсутствия договора, закрепляющего обязательство), не налагает на участников жестких правил. Все строится на инициативах сторон, объединенных нормами «мягкого права». И только когда государства будут готовы, появляется международное соглашение, объединяющее уже четко сложившиеся правила поведения, характерные для практики многих стран.

В рассматриваемой сфере защиты от бедствий таким примером является Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны 2000 г., разработанная и подписанная в рамках Международной организации гражданской обороны (МОГО). В компетенцию этой организации входит обучение поисково-спасательных подразделений стран-участниц, проведение учений. Эта организация разрабатывает технические стандарты в области поиска и спасания. Поэтому вполне закономерным было появление данного документа именно по инициативе МОГО. Следует отметить, что ООН в резолюциях ГА ООН рекомендует государствам присоединиться к Рамочной конвенции.

Все большее количество государств присоединяется либо к универсальному механизму, либо к соответствующим региональным механизмам сотрудничества по защите от бедствий. Неучастие в активно развивающихся сферах международного сотрудничества приводит к отставанию страны, невозможности развивать и совершенствовать определенную область национальной политики и инфраструктуры. Во-первых, государства обязаны сотрудничать в рамках исполнения общепризнанного принципа международного права [18]; во-вторых, несмотря на разноразное экономическое положение стран, посредством такого взаимодействия государства получают доступ к современным технологиям, обучению, участию в учениях и других формах совместного продвижения.

Конечно, все это работает при выполнении условия, которое лежит в основе всего международного взаимодействия: наличие воли государств, то есть желания и интереса решить ту самую насущную проблему мирового сообщества.

Список литературы

1. *Воздействие стихийных бедствий на сельское хозяйство: устранение информационного разрыва*. URL: <http://https://www.preventionweb.net/publications/view/54314> (дата обращения: 22.10.2019).
2. *Витцтум В.Г., Боте М., Кау М.* Международное право = Volkerrecht. М., 2011. С. 345.
3. *Воронков Л.С.* Международные организации в системе международных отношений: тенденции и перспективы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-organizatsii-v-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 29.10.2019).
4. *Досталенко Е.А.* Правительственные региональные организации в условиях глобализации и их влияние на международные отношения // Проблемы управления. №4 (33). 2009. С. 182–185.
5. *Елютина Е.В.* Деятельность международных организаций, связанная с оказанием помощи при природных чрезвычайных ситуациях // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2007. №1. С. 77–83.
6. *Ефремова К.А.* От регионализма к трансрегионализму: теоретические осмысления новой реальности // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, №2. С. 58–70.
7. *Кувшинов А.В.* К вопросу о деятельности международных гуманитарных организаций помощи населению и защите территорий от природных и техногенных катастроф в начале XXI века // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2016. №2 (29). С. 10–19.
8. *Лисаускайте В.В.* ООН и реагирование на бедствия: особенности становления механизма и его отдельные элементы // Международное право и международные организации. 2019. №2. doi: 10.7256/2454-0633.2019.2.29986.
9. *Лисаускайте В.В.* Всемирная метеорологическая организация и снижение опасности бедствий: деятельность и сотрудничество // Международное право и международные организации. 2018. №1. С. 1–8. doi: 10.7256/2454-0633.2018.1.24296.
10. *Защита людей в случае бедствий* : меморандум Секретариата Комиссии международного права ООН от 08.08.2006 г. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/annexes.pdf> (дата обращения: 08.09.2013).

11. *Право международных организаций* : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе. М., 2014.
12. Прохорова М. Ю. Поиски оптимальной организационной формы международного сотрудничества: от регионализма к универсализму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. 2015. Вып. 4. С. 31–43.
13. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации объединенных наций : резолюция ГА ООН 46/182. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/46/182> (дата обращения: 22.10.2019).
14. Повышение эффективности и укрепление координации международной помощи при проведении поисково-спасательных операций в городах : резолюция ГА ООН №57/150 от 16 декабря 2002 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/150> (дата обращения: 22.10.2019).
15. О частичных и расширенных соглашениях : резолюция Комитета министров Совета Европы 1993 г. №(93) 28. URL: http://www.coe.int/t/cm/home_en.asp/ (дата обращения: 10.02.2018).
16. Major hazards specialized centers European and Mediterranean major hazards agreement. URL: <https://europa-projects.ext.coe.int/en/> (дата обращения: 15.02.2019).
17. Устав ООН 1945 г. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 22.10.2019).
18. Чулков Н. В. Взаимодействующими гуманитарную деятельность при чрезвычайных ситуациях и в вооруженных конфликтах // Гуманитарные операции при чрезвычайных ситуациях и в вооруженных конфликтах : доклады и выступления Седьмой науч.-практ. конф. М., 2002. С. 16–20.
19. ASEAN Agreement on disaster management and emergency response 2005 y. URL: <https://www.asean.org/asean-agreement-on-disaster-managment-and-emergency-response-vientiane/> (дата обращения: 20.04.2018).
20. Framework Convention on Civil Defence Assistance, 22 May 2000 // МОГО : [офиц. сайт]. URL: <https://www.ifrc.org/Docs/idrl/I319EN.pdf> (дата обращения: 08.09.2013).
21. Mosler H. The International Society as a legal Community. Alphen aan den Rijn, 1980.

Об авторе

Валентина Влодо Лисаускайте – канд. юр. наук, доц., Иркутский государственный университет, Россия.
E-mail: vlado@mail.ru

The author

Dr Valentina V. LISAUSKAITE, Associate Professor, Irkutsk state university, Russia.
E-mail: vlado@mail.ru

М. И. Махмутова

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

18

Рассматриваются особенности государственного функционирования Палестинской национальной администрации, созданной в результате соглашения в Осло. Цель этого исследования состоит в уяснении практик работы государственных институтов, сил безопасности, формирования и расходования государственных финансов. Методология основана на системном подходе, демонстрирующем комплекс взаимосвязанных элементов и совокупности взаимодействующих субъектов политики. По результатам исследования были выявлены слабость государственных институтов Палестинской национальной администрации, значительное влияние исполнительной власти и силовых структур, которые поросли клиентарными связями и системной коррупцией. Отмечено, что государственный бюджет формируется не только из донорской помощи, но и из доходов, полученных внутри. Де-факто Палестинская национальная администрация стала системой, при которой свободно царствует плутократия. Взаимозависимость главы государства, монопольного бизнеса и силовых структур создали клубок, который невозможно распутать. Автор приходит к выводу, что многие действия руководства направлены на собственную защиту от оппозиционных сил и настроений, а также на сохранение власти. Подлинные реформы в текущих условиях осуществить практически невозможно, так как они способны привести к саморазрушению структуры Палестинской национальной администрации.

This paper considers the features of the governing in the Palestinian National Authority (PNA), resulted from Oslo agreements. The purpose of this study is to analyze how public institutions, security forces work in practice, and public finances are formed and spent. The methodology is based on a systematic approach in order to demonstrate the whole complex of interconnected elements and the totality of interacting objects. The findings revealed the weaknesses of state institutions of the PNA, the significant influence of the executive branch and power structures, which are overgrown with client relations and systemic corruption. It is noted that the state budget is formed not only from donor assistance, but also from income received internally. In fact, PNA has become a system in which plutocracy reigns supreme. The interdependence of the head of state, monopoly business and law enforcement agencies created a tangle that cannot be unraveled. The author points out that many actions of the leadership are aimed at protecting oneself from opposition forces and sentiments as well as maintaining power. Under current conditions, genuine reforms are almost impossible to implement since they can lead to self-destruction of the PNA structure.

Ключевые слова: Палестинская национальная администрация, государственные институты, Палестинский законодательный совет, оппозиция, монополии.

Keywords: Palestinian National Authority, public institutions, Palestinian legislative council, opposition, monopolies.

Мирные переговоры Израиля и Организации освобождения Палестины (ООП) в 1990-х гг. положили начало формированию палестинских государственных институтов, сил безопасности и бюджета. Однако их частичная реализация, неготовность обеих сторон конфликта к миру и повторная оккупация Израилем Западного берега и сектора Газа в 2002 г., фактически застопорили процесс государственного оформления независимой Палестины. На протяжении почти трех десятилетий Палестинская национальная администрация (ПНА) смогла создать самостоятельные институты, однако эффективность их функционирования далека от демократического идеала.

Традиционно ПНА называют частично признанным государственным образованием, которое пропитано клиентарными связями и неопатримониализмом. Она сталкивается с такими проблемами как оккупация, раздробленность территорий и постоянная конкуренция за скудные ресурсы. Когда власть ПНА начала распространяться на Западном берегу и в секторе Газа, то практически сразу стали очевидны такие проблемы, как неграмотное перераспределение государственных ресурсов, коррупция, клановые связи, неправовые аресты, задержания и обыски со стороны израильских и палестинских властей, возникновение и закрепление палестинских монополий и картелей.

Будучи созданной в 1994 г., ПНА имела ограниченную возможность внутри контролировать оккупированные Израилем территории, заниматься такими социальными вопросами как здравоохранение, образование, социальная поддержка населения. ПНА не осуществляла контроль за своими внешними границами, а палестинские земли, отошедшие под ее суверенитет на Западном берегу (всего 40 %) и в секторе Газа (75 %), представляли собой анклав из-за сохранения там израильских поселений. В результате Рамалла не получила должного суверенитета на земли, не могла контролировать сухопутные границы, водные ресурсы, воздушное пространство и доступ к Средиземному морю.

В то же время на палестинских территориях всегда процветал сильный национализм, который получил подтверждение в таких атрибутах, как государственный флаг, гимн, паспорта и т.д. Сохранение идеи освобождения Палестины от израильской оккупации способствовало выживанию сформированной системы, однако из-за наличия сильных оппозиционных ООП структур Палестина раскололась на два лагеря, в результате чего ПНА потеряла власть в секторе Газа и де-факто сохраняет ее только на Западном берегу.

Государственные институты

Норвежский исследователь И. Эмудсен и палестинский ученый В. Эзбиди классифицируют Палестину до 2000 г. как государство со смешанной формой правления, где все же большее влияние имел президент [3, р. 145–147]. Значительная часть власти в структуре ПНА принадлежала ООП. Кабинет ПНА и Исполнительный комитет ООП были едва различимы и во многом совпадали как по функциям, так и по членству. Исполнительная власть пользовалась фактически неогра-

ниченными полномочиями и имела крайне малое количество институциональных рычагов, способных ее ограничивать. По конституции судьбоносные решения должны были быть одобрены Палестинским законодательным советом (ПЗС), однако на практике это не соблюдалось. Ряд важных законов, прошедших одобрение в ПЗС, не были подписаны главой ПНА. Исполнительная власть игнорировала советы и предложения ПЗС в области развития демократии, формирования государственного бюджета и административного функционирования. Она контролировала политические, экономические, финансовые и административные аспекты, а также переговоры с Израилем и зарубежными странами, реализацию различных соглашений и договоров [14].

Например, Я. Арафат так и не представил в ПЗС протокол по Хеврону (1997) для обсуждения и утверждения. Когда правительство Б. Нетаньяху в 1997 г. одобрило строительство поселений в районе Абу Гна-им (Хар-Хома), то ПЗС принял решение о приостановке переговорного процесса, пока Израиль не осуществит первую и вторую фазы передислокации своих военных. Но идеи ПЗС были проигнорированы главой ПНА. Кроме того, исполнительная власть и ее аппарат безопасности иногда препятствовали работе ПЗС. А запрашивая документы для облегчения расследований в коррупции и других нарушений в работе исполнительного органа власти, ПЗС редко мог получить ответ от министров. В результате ПЗС имел мало рычагов влияния, не обладал возможностями установить надзор за исполнительной властью и контролировать принятие политических решений.

Вскоре и судебная власть оказалась зависима от главы ПНА. Он имел право назначать членов Верховного суда и генерального прокурора, издавать указы о создании местных и региональных судов. Ясир Арафат игнорировал ряд решений судебных органов, тех, например, которые касались нарушения прав человека силами безопасности и коррупционных обвинений в отношении чиновников ПНА. Ярким примером стал арест 11 студентов в 1995 г., которые находились под стражей два года без предъявления обвинений. В 1997 г. генеральный прокурор распорядился их освободить, но они были повторно арестованы силами безопасности. Инцидент подорвал доверие к институту, а генеральный прокурор вскоре ушел в отставку. Судебная власть оказалась практически полностью маргинализирована в системе ПНА. Вдобавок на практике она столкнулась с кадровым кризисом, поскольку не могла привлечь достаточного количества судей, прокуроров, администраторов. Силы безопасности нередко проводили аресты без предъявления обвинений, заключенные подвергались жестоким пыткам, не единожды приводившим к летальному исходу. Более того, Специальный суд государственной безопасности начал использовать широкий спектр законов о чрезвычайных ситуациях, принимая крайне суровые и поспешные решения.

С самого начала формирования системы ПНА отсутствовали четкие требования при найме на работу в государственные структуры. В государственной системе стали преобладать неформальные связи, и была

создана схема, при которой вернувшиеся из Туниса члены ООП стали получать важные места, не всегда соответствовавшие их опыту и навыкам, но они помогали добиться лояльности местных групп по отношению к действующей власти [12, р. 178]. Помимо этого, на высокие административные посты назначались бывшие заключенные, отсидевшие в израильских тюрьмах и тем самым доказавшие свою приверженность идеям ООП. Некоторые палестинские кланы получили доступ к власти через исполнительный комитет ООП. Он был расширен для включения членов семей Аль-Ага, Аль-Худари, Аль-Хуссейни и Аль-Шекаа. Лояльность представителей клана Аль-Кавасми была обеспечена после того, как ее члены заняли высокие посты в министерстве транспорта и распространили свою власть на местном уровне. Таким образом, была создана не только система лояльности, но и восставлены традиционные для палестинской среды связи, а Я. Арафат смог стабилизировать внутриполитическую среду.

По причине превалирования государственной службы на рынке занятости и громоздкого бюрократического аппарата система ПНА становилась малоэффективной, обременяя слабую экономику огромными затратами на ее содержание [6, р. 96]. Помимо недостаточного опыта сотрудников формировалась конкуренция среди ответственных лиц, имеющих ограниченные полномочия, а также возникла чрезмерная раздробленность в ряде сфер управления. Довольно быстро ПНА стала обрывать коррупцией, ставшей системной и достигшей даже канцелярии ее главы. Нередки были случаи появления «мертвых душ» в министерствах, полиции, местных органах власти, за которых перечислялась заработная плата. Кроме того, высокопоставленные должностные лица вели крупный бизнес. Министр планирования стал владельцем консалтинговой компании Teem, оказывающей услуги данному министерству. Чиновники, занимающие важные посты в ПНА и члены ООП, стали владельцами крупных отелей, таких, как Oasis Hotel в Иерихоне, привлекающий израильтян и иорданцев, поскольку в нем было открыто казино, и Grand Park Hotel в Рамалле, используемый для государственных визитов. Более того, нередко налоги с гражданских лиц не переводились в министерство финансов, так как ответственными за сбор были силы безопасности и региональные ведомства, присваивающие их себе. В ПНА стали возникать случаи конкуренции за контроль над финансовыми потоками. Ярким примером послужила борьба между кланами Аль-Шекаа (представители муниципалитета в Наблусе) и Аль-Алул (члены губернского аппарата в Наблусе) после подписания меморандума Уай Ривер между Б. Нетаньяху и Я. Арафатом в 1998 г. за контроль над международной помощью лагерю беженцев в Наблусе. Тогда же ПЗС выпустил документ, содержащий обвинения в коррупции всех министров, и рекомендовал создать новое правительство, не включающее имеющихся представителей. Однако глава ПНА это проигнорировал [17].

После прихода к власти М. Аббаса в связи с недостаточной консолидации власти в его руках он вместе с одним из ключевых деятелей

ООП А. Куреи принял параллельную двухэтапную военно-политическую стратегию. На первом этапе они решили отделить президентские выборы от выборов в ПЗС, а затем мобилизовать поддержку ФАТХ и лояльных ООП ополчений. М. Аббас представлялся как единственная личность, способная вести переговоры с Израилем и гарантировать создание независимой Палестины, а также провести реформы внутри ФАТХ и ООП. Он получил поддержку командиров Бригады мучеников Аль-Аксы (особое значение имела позиция ее руководителя З. Збейди), а также членов ФАТХ в ПЗС, ЦК ФАТХ и Революционного совета ФАТХ [6, р. 145]. Однако оппозиция внутри ФАТХ в лице М. Баргути оказала в последствие негативное влияние на выборы в ПЗС в 2006 г.

Поскольку ХАМАС и «Исламский джихад Палестины» настаивали на проведении выборов как президентских, так и законодательных в течение одного года и не добились этого, то приняли решение о бойкоте президентских выборов. Однако участие ХАМАС на парламентских выборах и дальнейшие шаги главы ПНА по отстранению его от власти фактически способствовали формированию президентской формы правления. В 2006 г. М. Аббас постановил, что Конституционный суд не обладает полномочиями контролировать работу президента, а ПЗС не может назначать судей. Исследователь М. Кляйн утверждает, что к 2011 г. произошло усиление авторитаризма в ПНА. Этого сложно было отрицать по причине ужесточения мер с целью ограничения протестов, прямого вмешательства в судебные дела, зависимости от одобрения М. Аббасом судьбоносных законов, а также усиления им контроля за финансовыми потоками [8, р. 105]. При этом даже когда депутаты ПЗС обвиняли министров в коррупции и жестко критиковали палестинские СМИ, то М. Аббас лично распоряжался об их заключении, но это не всегда осуществлялось по причине роста оппозиционных настроений. В 2016 г. назначенные главой ПНА судьи (сторонники и члены ФАТХ) постановили, что М. Аббас обладает правом отменить иммунитет для членов ПЗС. В июле 2017 г. он подписал закон об уголовном наказании за Интернет-преступность, что позволило заблокировать около 30 сайтов, поддерживающих ХАМАС, и начать проводить аресты среди журналистов.

В целом государственные институты ПНА остаются крайне слабыми и зависимыми от решений его главы и ближайшего окружения. ПЗС не имеет должных полномочий и власти, что позволяет президенту не согласовывать свои решения. Это привело к отсутствию «сдержек и противовесов». Представители исполнительной власти, с одной стороны, обязаны своими назначениями М. Аббасу, а с другой — благодаря доступу к власти, государственным ресурсам и возможности владения крупным бизнесом сохраняют лояльность. Судебная власть практически полностью подчинена М. Аббасу и не обладает должным уровнем независимости. Таким образом, ПНА не может характеризоваться как эффективная система, а установленные внутри правила и порядки не могут способствовать развитию демократии.

Силловые структуры

Первый глава ПНА Я. Арафат выстроил всю государственную систему, при которой все ключевые решения замыкались на нем. Нередко он использовал полномочия, предоставленные ему в результате подписанных соглашений с Израилем, в своих интересах. Он опирался на ООП как на самую сильную в 1990-е гг. структуру и возглавлял различные группы безопасности и полувоенные формирования [9, р. 15], а также полицейские структуры. Полиция имела два отделения – на Западном берегу и в секторе Газа. Палестинские службы безопасности были представлены следующими органами: 1) Служба безопасности президента; 2) Специальные силы безопасности; 3) Служба общей безопасности [10, р. 47–49]. Первая – высококвалифицированные офицеры (около 3 тыс. человек), занимающиеся охраной главы ПНА, нескольких его доверенных лиц и стратегически важных объектов. Формально она борется с терроризмом, а на практике ответственна за контроль над оппозиционной активностью. У службы безопасности президента были два вспомогательных органа: разведывательный отдел (вел сбор информации о деятельности оппозиционных движений и других внутренних угрозах) и Президентская гвардия (создано из Подразделения 17 и обеспечивает безопасность главы ПНА). Специальные силы безопасности были наделены функцией сбора информации о деятельности оппозиционных ФАТХ движений за рубежом, особенно в арабских странах.

Служба общей безопасности состояла из 10 органов: 1) Национальные силы безопасности (патрулирование КПП, границ и городов); 2) Гражданская полиция (поддержание общественного порядка); 3) Превентивные силы безопасности (были сформированы преимущественно из активистов Первой Интифады, они занимались антитеррористической деятельностью в отношении оппозиции, не раз обвинялись в похищении, насилии, допросах и пытках; до сих пор остаются самым сильным крылом); 4) Общая разведка (ведение разведки внутри и за пределами ПНА, а также контрразведки); 5) Военная разведка (аресты и допросы активистов оппозиции, представляющих угрозу режиму); 6) Военная полиция (защита важных чиновников и объектов, обеспечение порядка, обслуживание тюрем, аресты); 7) Береговая охрана (была создана в Газе для контроля прибрежной зоны, после 2006 г. ее функции взяли на себя силы ХАМАС); 8) Воздушная полиция (создано из Подразделения 14, задумывалось как ядро будущих военно-воздушных сил Палестины); 9) Гражданская оборона (пожарная охрана и спасательные силы); 10) Окружная гвардия (охрана мэров и губернаторов, решение споров на местном уровне).

Очевидно, что функции ряда подразделений дублировались. На практике это не раз приводило к снижению эффективности их работы, стычкам и ссорам не только военных на улицах, но и между руководителями. Это позволяло главе ПНА, назначавшему авторитетных лиц на высокие посты, не только «разделять и властвовать», но и балансировать между ними, чтобы внутри не возникало мощных коалиций против него, а также обеспечивать личную преданность [15, р. 75]. Исходя

из вышеописанных функций, можно сделать вывод, что главной угрозой стала не израильская оккупация и ЦАХАЛ, а оппозиционные круги — исламисты в лице ХАМАС и «Исламского джихада». Как показала дальнейшая конкуренция ФАТХ с другими партиями и движениями, воензированные группы, которые должны были обеспечивать безопасность ПНА, стали использоваться для защиты власти сформировавшейся политической элиты, не желавшей подпускать к ней другие группы. Даже члены ПЗС, несмотря на иммунитет, могли подвергаться заключениям и преследованиям. Представители местных и центральных властей, депутаты, бизнесмены и оппозиция вынуждены были принимать во внимание силы безопасности. Часть палестинских служб безопасности проходили подготовку в Египте, Великобритании, Австрии, Нидерландах и Скандинавских странах, однако они оставались далеки от совершенства. При этом созданная Я. Арафатом структура не могла однозначно классифицироваться как полицейские службы или армия, так как произошло смешение их общепринятых функций и методов.

Под девизом «безопасность прежде всего» в условиях противостояния с Израилем обслуживание сил безопасности нередко превышает 30 % бюджета ПНА, который в среднем составляет около 5 млрд долл. [2]. В тоже время палестинские органы безопасности всегда имели свои собственные бюджеты, независимые от министерства финансов, и недостаточно подвергались надзору и контролю со стороны министерства и ПЗС. Принимая во внимание специфику институтов ПНА, чиновники из службы безопасности нередко практиковали коррупционные схемы, участвовали в коммерческой деятельности и несанкционированных сборах налогов, а также использовали подчиненные военные группы в собственных интересах.

Стоит отметить, что даже к началу 2000-х гг. глава ПНА не смог полностью интегрировать все воензированные палестинские ополчения в свою систему. Некоторые из них, например Бригады Танзим и Бригады мучеников Аль-Акса, выражали ему лояльность и действовали от лица ООП. В ходе Интифады Аль-Акса они были использованы Я. Арафатом в качестве повстанцев. Ряд указаний поступал от силовиков и государственных служащих, отдельные представители которых, вероятно, были замешаны в терроризме. Среди них Р. Карми, офицер разведки, возглавлявший воензированные ячейки в Тулькарме; Н. Овейс, офицер полиции, один из основателей Бригады мучеников Аль-Акса и ее командир в Наблусе; Х. Абият, офицер в рядах генеральной разведки; Д. Амарин, сотрудник полиции; С. Аль-Машарави, сотрудник Превентивной службы безопасности; Дж. Абу Джудиан, полковник сил безопасности; М. Аардж, сотрудник разведывательной службы в лагере беженцев Каландия.

После смерти Я. Арафата, созданная им структура безопасности, стала трещать по швам, однако силы, лояльные М. Аббасу, способствовали тому, что потенциальный государственный переворот был предотвращен. При этом М. Аббас сохранил систему, при которой должностные обязанности военных подразделений пересекаются, в результате чего внутри возникает острая конкуренция. Глава ПНА изначально рассматривал реализацию стратегии, нацеленную на ослабление воен-

ного крыла ХАМАС «Изз ад-Дин аль-Кассам» и Бригады мучеников Аль-Акса несмотря на то, что вторые помогли получить ему власть. Так он планировал добиться того, чтобы силы, находящиеся под государственным управлением, превалировали по численности и эффективности над ополчениями. Это помогло бы получить монополию на насилие не только на Западном берегу, но и в секторе Газа, а также снизить междоусобные стычки.

Например, одним из наиболее серьезных инцидентов стала перестрелка между главой военной разведки М. Арафатом и М. Нашабатом, который командовал Бригадами мучеников Дженина, базирующимися в лагерях беженцев в центре Газы [5]. Вскоре после прихода к власти М. Аббаса между М. Дахланом и М. Арафатом была инициирована личная встреча, цель которой состояла в том, чтобы сгладить проблемы, которые в прошлом приводили к кровавым столкновениям между их сторонниками. М. Дахлан уверил, что ПНА создаст Совет национальной безопасности, назначит нового министра внутренних дел, который объединит все силы безопасности в три структуры: 1) общая безопасность; 2) превентивная безопасность; 3) силы национальной безопасности. Они должны были отвечать за обеспечение стабильности на палестинских территориях.

На первом этапе М. Аббас начал проводить массовые кадровые перестановки в силах безопасности, чтобы ни их руководители, ни их кланы не могли бросить ему вызов [4, р. 176]. Угроза продолжала исходить от независимых ополчений, которые нападали на регулярные силы. Вскоре он начал делать поступательные шаги на пути создания сил безопасности, состоящих из трех структур и подотчетных министру внутренних дел. В конечном итоге правительство утвердило два важных закона, касающихся сил безопасности: закон о государственных услугах (определил правовые отношения между правительством как работодателем и сотрудниками сил безопасности) и законе о зарплате палестинским силам безопасности. ПНА стало осуществлять рекрутирование сил безопасности, однако их мощь была ограничена, так как они не обладали элементарным техническим обеспечением, формой, оружием. Кроме того, сохранились разногласия между М. Аббасом и Ф. Аль-Каддуми, который стал номинальным главой ФАТХ после смерти Я. Арафата. В этих условиях было принято решение об обращении к Египту и Иордании с целью осуществления обучения и тренировок для сил безопасности ПНА. Успехи оказались невелики, поскольку мгновенно последовала негативная реакция Израиля.

По итогам реформ палестинские службы безопасности на Западном берегу стали состоять из трех основных органов: 1) Сил национальной безопасности (пограничная охрана, военная разведка, военная полиция); 2) Генеральной разведки (сбор информации о деятельности оппозиционных ФАТХ группировок внутри Западного берега и за рубежом); 3) Сил внутренней безопасности (гражданская полиция, служба превентивной безопасности и гражданская оборона) [18]. М. Аббасу удалось добиться того, чтобы службы безопасности стали подотчетны только министру внутренних дел, каждого из которых он негласно назначал лично. При этом глава ПНА расширил полномочия Президент-

ской охраны, дав ей возможность быстрого реагирования. Анонсированные реформы в структуре безопасности в 2009 г., 2014 г. и 2016 г., как правило, приводили только к кадровым перестановкам и существенно ее меняли.

В целом, практика как Я. Арафата, так и М. Аббаса демонстрирует, что палестинские лидеры действуют в интересах сохранения собственной власти. Они нередко способствовали внутренней конкуренции, создали систему защиты для себя и доверенных лиц, а от самостоятельных вооруженных группировок старались добиться лояльности, стремясь интегрировать их в свою систему. Борьба с Израилем всегда оставалась удобной идеей для централизации службы безопасности, ведь на практике она в первую очередь противодействовала усилению оппозиционных движений. При этом сформировавшиеся под руководством ПНА силы нельзя охарактеризовать ни как полицию, ни как регулярную армию. Они заняли промежуточное положение, а все ключевые лица на высоких постах остаются зависимыми от главы ПНА, что обеспечивает его стабильное положение.

Государственные финансы

Традиционно ПНА остается зависимой от стран-доноров и международных организаций, постоянно отчисляющих значительные средства для ее развития. По состоянию на 1994 г. было выделено около 15 млрд долл. на становление государственной системы [1, с. 334]. До сих пор преобладает тенденция, при которой основные средства расходуются не на создание рабочих мест на частном рынке, промышленной инфраструктуры, развитие сельского хозяйства, а на обеспечение государственного аппарата (количество служащих достигало 80 тыс. человек) и покрытия бюджетного дефицита. Точные цифры финансовых средств, поступающих ПНА, указать сложно, так как часть денег проходит через благотворительные мусульманские фонды и не поступает в отчеты международных организаций. Имеющиеся показатели позволяют заключить, что официальная помощь, перечислявшаяся с 1995 до 2020 г., достигла примерно 33 млрд долл. При этом с 1995 по 2000 г. она составляла около 500–600 млн долл. без учета дополнительных выплат. Уже в период Интифады Аль-Акса (2000–2005) она превышала 1 млрд долл. в год, а затем варьировалась от 2,8 млрд до 1,7 млрд долл. [7].

Исследователь М. Шварц опубликовал данные о том, что большинство пожертвований ПНА всегда переводились на счет в израильский банк Леуми. Доступ к нему имел Я. Арафат и его советник М. Рашид, а затем М. Аббас. В связи с тем что Израиль в любой момент мог заморозить счет, у главы ПНА появился секретный фонд, который формировался из таможенных пошлин и сборов за бензин, а также из прибыли, полученной крупными бизнесменами-монополистами [16]. Что касается таможенных пошлин, то в результате Парижских соглашений между ПНА и Израилем от 1994 г. [11] большая часть товаров, поступающих в Палестину, должна сначала импортироваться Израилем. Все доходы от товаров собираются Израилем от имени ПНА, а это налог на добавленную стоимость (НДС), таможенные пошлины, налоги на импорт и сборы за табак, алкоголь и бензин. Израиль также собирает налоги на

здравоохранение и подоходный налог с палестинцев, которые работают на его территории. Он переводит эти деньги ПНА после вычета сборов за обслуживание и любых сумм, которые ПНА должна ему за использование электричества, телефонной связи и медицинских услуг. Полученные средства, за исключением возмещения налога на бензин, поступают на четыре банковских счета в филиалах палестинского банка в Газе, а также в арабский банк. Израильские переводы составляют почти 50 % палестинского бюджета. В свою очередь сборы за бензин переводятся на счет в Тель-Авиве.

Другая статья дохода ПНА, прибыль от крупного бизнеса, формируется благодаря тому, что палестинские монополии контролируют поступление в ПНА около 30 основных товаров, включая продукты первой необходимости: сталь, цемент, бензин и др. Эти компании не производят товары и не предоставляют работу палестинцам, а просто импортируют товары из Израиля. Доверенные лица Я. Арафата стали создавать совместные бизнес-структуры с израильянами. Так, М. Рашид получил контроль над поставками бензина (самая крупная монополия в ПНА). До заключения экономических соглашений в Париже Израиль предоставлял бензин палестинцам через консорциум Pedesco, у которого были контракты на поставку нескольких автозаправочных станций на палестинских территориях до 2000 г. Однако с 1994 г. сотрудники Службы превентивной безопасности уведомили автозаправочные станции по всей территории, что впредь они должны были покупать топливо только у израильской компании Dor. Убытки Pedesco превысили 13 млн долл., а обращение в суды ПНА и Израиля не приводило к положительному результату. Когда ПЗС стал требовать поясняющие документы в связи с ростом цен на топливо, то просьбы игнорировались «по соображениям безопасности».

Помимо этого, М. Рашид подписал контракт с крупнейшим цементным заводом Израиля Neshet, создав еще одну монополию. Бывший министр планирования Н. Шаат стал одним из владельцев крупной египетской компьютерной компании, осуществляющей поставки своих товаров в ПНА. Я. Аббас, сын А. Заки (члена ЦК ФАТХ), и С. Рамлави, бывший высокопоставленный чиновник в министерстве финансов ПНА, начали осуществлять импорт электронных гаджетов. М. Дахлан, получив в 1990-е гг. пост начальника отдела Превентивной безопасности в Газе, выкупил долю израильской транспортной компании Erez и де-факто возглавил гравийную промышленность в ПНА. Цементная компания Al-Karmel принадлежит бывшему министру гражданских дел Дж. Ат-Тарифи и его сыну. Х. Абу Нада, экономический советник Я. Арафата, и Р. Хури, приближенное лицо главы ПНА, возглавили крупный холдинг Al-Bahr, получающий крупные контракты на строительство различных объектов в ПНА, импорт некоторых товаров и услуги ЖКХ [13, р. 40]. В действительности многие палестинские монополии существовали до подписания соглашений в Париже, документ смог дать официальное разрешение на их деятельность.

Чтобы вести свой импортный бизнес, руководители монополий связались с израильскими поставщиками. Например, Ш. Горен, бывший главный военный координатор на палестинских территориях, был уволен из-за применения пыток и их сокрытия, а затем после неудачной карьеры в политике занялся бизнесом. Он стал работать с М. Рашидом и даже поспособствовал организации его встречи с израильскими импортерами табака. М. Рашид предложил Ш. Горену создать монопольную компанию по импорту табака в ПНА и распределить прибыль: каждому владельцу — 45 % и оставшиеся 10 % — Ш. Горену за его роль брокера. Однако сделка не состоялась из-за скандала в израильской прессе. Однако ни одна палестинская газета не смогла опубликовать этого материала из-за арестов журналистов-переводчиков «по соображениям безопасности» [16].

Что касается ситуации в Газе после политико-идеологического раскола ПНА в 2006 г., то Рамалла продолжает нести ответственность за выплату заработных плат государственным служащим в секторе, оплату электричества и водоснабжения, которые перечисляются Израилю. Но налоги с местного населения (около 86 млн долл. в месяц) и таможенные сборы на КПП Керем-Шалом (около 6 млн долл. в месяц) собирает руководство ХАМАС [19]. А пошлины, которые взимаются в порту в Ашдоде и поступают в сектор, перечисляются Рамалле [20]. После различных сообщений якобы о примирении ФАТХ и ХАМАС (2014 г., 2018 г., 2019 г.) стали поступать сведения о возможности введения двойного налогообложения в отношении местного населения, чтобы часть денег оставалась у ХАМАС, а другая — переводилась в Рамаллу. По состоянию на 2019 г. чиновники в Газе сообщали, что в течение года не получали зарплаты, а до этого имели только 40–50 % от всего оклада. Служащие в рядах ХАМАС (даже среднего уровня) несколько лет уже имеют порядка 40 % оклада, но они получают компенсацию за счет выделения земельных участков в секторе. Стоит отметить, что после прихода данного движения к власти из-за введения дополнительного налогообложения резко выросли цены на табак (более чем в два раза), продукты первой необходимости и одежду. Одежда, бытовая техника и машины на рынке Газы являются товарами бывшего употребления, и, как правило, поставляются местными бизнесменами. В связи с сохранением оккупации они покупают разрешение на проезд в Израиль через палестино-израильские юридические фирмы¹.

В целом в ПНА с момента создания государственной структуры и получения донорской помощи, а также введения налогообложения сложилась прочная система клиентарных связей. Государственная служба и крупный бизнес оказались прочно скреплены друг с другом. Главным вызовом ПНА остается неграмотное перераспределение государственных средств, которые должны направляться на развитие частного сектора. Большинство же денег из бюджета расходуются на заработные платы чиновникам и силовикам.

¹ *Интервью* жительницы сектора Газы И. Алнади, 2019 г.

Заключение

Государственная система ПНА была создана благодаря достижению компромисса палестинцев с Израилем и ряду положительных итогов переговорного процесса в Осло. По причине того что он во многом зависел от позиции и решений Я. Арафата и его ближайшего окружения в ООП, именно эти люди заняли ключевые посты и получили власть. От главы ПНА требовалось наделение его соратников особыми полномочиями для сохранения внутри собственных позиций. Это привело к развитию клиентарных связей и практически полной свободе представителей исполнительной власти. В результате законодательный орган в лице ПЗС получил лишь ограниченное влияние на политический процесс. Попытки воспользоваться формально наделенными полномочиями не приводили к успеху. При этом Я. Арафат и М. Аббас всегда могли опереться на членов ФАТХ в ПЗС, сохранявших лояльность, если возникали острые и спорные ситуации. Судебная власть оказалась крайне слабой по причине ее полного подчинения президенту ПНА, и, соответственно, она стала одним из инструментов распространения его влияния.

Военная структура ПНА изначально формировалась из палестинских ополчений, которые и Я. Арафат, и М. Аббас стремились интегрировать в единую систему. Созданная ими структура изначально демонстрировала их стремление к тому, чтобы полномочия многих подразделений накладывались друг на друга, а между руководящими лицами сохранялась конкуренция. Это позволило предотвратить формирование мощных блоков против главы ПНА. Кроме того, разведывательные службы, как правило, нацелены не на контрразведку или ведение работы за рубежом в отношении потенциальных внешних угроз, а на сбор информации о деятельности оппозиции внутри ПНА и за рубежом. Следовательно, ее глава всегда рассматривал свою безопасность, сохранение своей власти и созданной им системы как первостепенную задачу.

Государственный бюджет ПНА формируется из внешней помощи международных организаций, стран-доноров и исламских фондов и внутренних сборов. Важно отметить, что львиная доля средств из бюджета продолжает расходоваться на заработные платы чиновникам и силовым структурам. По причине незначительного акцента в сторону частного сектора экономика ПНА традиционно остается слабой. Довольно сложная ситуация сложилась в секторе Газа, где после 2006 г. закрепилась власть ХАМАС, который увеличил сборы с местного населения и бизнеса. В связи с тем что для обеспечения лояльности многих групп Я. Арафат позволил госслужащим вести крупный бизнес, монополии стали неотделимы от госструктуры и не позволяют развиваться среднему и мелкому бизнесу в занятых ими отраслях. В результате экономика Палестины стала напоминать плутократию, при которой с обычного населения «выжимаются все соки», а основную верхушку руководство не трогают для сохранения их лояльности. При этом мощ-

ной оппозиции, заинтересованной в развитии демократического режима и рыночной экономики, против системы созданной ООП и ХАМАС не возникает.

Отсутствие альтернативы имеющимся структурам можно объяснить так. Во-первых, местное население имеет лишь призрачное представление о подлинной демократии. Западный образ жизни нередко воспринимается в негативных чертах по причине того, что в глазах палестинцев США являются союзником их злейшего врага (Израиля), а Европа в XIX—XX вв. была колонизатором на Ближнем Востоке. Во-вторых, если часть местного населения получает возможность остаться Европе, то редко возвращается на родину, а остальные граждане не обладают таким опытом. В-третьих, сила палестинского национализма и обвинение во всех бедах Израиля дают порой неисчерпаемую веру в своих лидеров и исполнение мечты о создании независимого государства. К тому же социальные отчисления за шахидство (мученичество) семьям погибших подогревает эту веру. В-четвертых, в Палестине за прошедшие 30 лет так и не сформировалась твердая гражданская позиция, люди нередко отделяют себя от государства, не осознавая, что оно должно служить для их блага. В-пятых, даже при незначительных попытках зарождения в обществе подлинной и здоровой оппозиции, она не получает возможности для реализации своих идей, так как руководство ПНА мгновенно использует все рычаги для ее устранения и запугивания.

В целом, на сегодняшний момент руководство ПНА не заинтересовано в развитии сильных государственных институтов, так как при таком сценарии оно будет вынуждено делиться властью или вообще покинуть политическую арену. Аналогичная ситуация сложилась в экономике, поскольку при реализации реальных реформ, нацеленных на развитие среднего и мелкого бизнеса, потребуются налоговые льготы, ликвидация монополий и перекрытие мощных финансовых потоков в той системе, что была создана руками Я. Арафата и М. Аббаса.

Список источников и литературы

1. Крылов А. В., Морозов В. М., Федорченко А. В. Государство Палестина: право на будущее : монография. М., 2018.

2. Abu Amer A. Why Abbas is shaking up Palestinian security services // Al-Monitor. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/02/palestinian-security-services-shuffle-abbas-israel.html#ixzz6Fu0xuaJy> (дата обращения: 02.03.2020).

3. Amundsen I., Ezbidi B. PNA political institutions and the future of state formation // Khan M.H. State Formation in Palestine: Viability and Governance During a Social Transformation: Vol. 1st ed. Routledge., 2004. P. 141—167.

4. Cordesman A.H., Greenwood J.M. The Israeli-Palestinian War: Escalating to Nowhere. Publishing Group, 2005. P. 545.

5. Erlanger S. For Abbas, Palestinian Election May Be Easy Part // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2005/01/09/world/middleeast/for-abbas-palestinian-election-may-be-easy-part.html> (дата обращения: 02.03.2020).

6. Frisch H. Countdown to Statehood: Palestinian State Formation in the West Bank and Gaza. SUNY Press, 2012.

7. *Iqtait A.* Aid and its limits in Palestine // The Interpreter. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/palestinian-aid-dwindling-dollars-delivering-little-durable-development> (дата обращения: 02.03.2020).

8. *Klein M.* Arafat and Abbas: Portraits of Leadership in a State Postponed. Oxford University Press, 2019.

9. *Legrain J.-F.* The Successions of Yasir Arafat // Journal of Palestine Studies. Vol. 28, №4. 1999. P. 5–20.

10. *Luft G.* The Palestinian Security Services: Between Police and Army. Washington Institute for Near East Policy, 1998.

11. *Protocol on Economic Relations between the Government of the State of Israel and the P.L.O., representing the Palestinian people* // Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Peace/Guide/Pages/Gaza-Jericho%20Agreement%20Annex%20IV%20-%20Economic%20Protoco.aspx> (дата обращения: 02.03.2020).

12. *Quigley J.B.* The Statehood of Palestine: International Law in the Middle East Conflict. Cambridge University Press. 2010.

13. *Rubin B.* The Transformation of Palestinian Politics: From Revolution to State-Building. Harvard University Press, 2009.

14. *Sayigh Y., Shikaki Kh.* Strengthening Palestinian Public Institutions // Palestinian Centre for Policy and Survey Research. URL: <https://www.pcpsr.org/sites/default/files/strengtheningpalinstfull.pdf> (дата обращения: 05.03.2020).

15. *Schanzer J.* State of Failure: Yasser Arafat, Mahmoud Abbas, and the Unmaking of the Palestinian State. St. Martin's Publishing Group, 2013.

16. *Schwartz M.* A Secret Account in Tel Aviv Funds Arafat's Oppression Hand in Glove // Israleft. URL: <http://israleft.tripod.com/thetruthonly/id10.html> (дата обращения: 02.03.2020).

17. *Shuaibi A.* Elements of Corruption in the Middle East and North Africa The Palestinian Case // AMAN. URL: http://mail.aman-palestine.org/cached_uploads/download/migrated-files/itemfiles/f014a381f3b09f1303338bf87598ef06.pdf (дата обращения: 05.03.2020).

18. *Аль-Аджица аль-амния (Служба безопасности)* // Вафа. URL: <http://info.wafa.ps/argpage.aspx?id=2336> (дата обращения: 02.03.2020).

19. *Дараиб Гарза аль-джадид фи зиль аль-хисар (Новые налоги в Газе в свете осады)* // Митрас. URL: <https://metras.co/غزة-الجديدة-في-ظل-الحصار/> (дата обращения: 02.03.2020).

20. *Эйна тазхуб дараиб Газза?.. «Аль-Малия» туваддых би-ль-аркам (Куда идут налоги Газы? Минфин поясняет на цифрах)* // Аммон. URL: <https://www.ammonnews.net/index.php?page=article&id=446236> (дата обращения: 02.03.2020).

Основные положения статьи подготовлены в рамках диссертации в Институте востоковедения РАН. Автор выражает особую благодарность канд. экон. наук, эксперту Российского института стратегических исследований Михаилу Кимовичу Беляеву.

Об авторе

Мария Игоревна Махмутова — соиск., Институт востоковедения РАН; эксперт, Российский институт стратегических исследований, Россия.

E-mail: makhmutova.maria@yandex.ru

The author

Maria I. Makhmutova, Post-graduate Student, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Expert, Russian Institute for Strategic Studies, Russia.

E-mail: makhmutova.maria@yandex.ru

А. Н. Неверов, А. Ю. Маркелов

**К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВ
В ГЕОЭКОНОМИКЕ**

32

Посвящена теоретическим аспектам развития поведенческой геоэкономики как нового направления междисциплинарных исследований. Авторы делают попытку введения в научный оборот конструкта «стратегическое экономическое поведение». В основу подхода положены результаты эмпирического и теоретического анализа справедливости постулата методологического индивидуализма. По мнению исследователей, экспериментальные данные позволяют утверждать, что поведение государства не может быть сведено к поведению отдельных индивидов. Отказ от принципа методологического индивидуализма позволяет высказать предварительные соображения о том, что рациональность экономического поведения государств должна рассматриваться через соотношение целей, наличных ресурсов и горизонта планирования. Предложенный теоретический конструкт постулируется как основа для новой междисциплинарной программы исследований, интегрирующей в себе институционально-эволюционное и поведенческое направления экономической мысли.

The article focuses on the theoretical aspects of the development of behavioral geoeconomics as a new area of interdisciplinary research. The authors attempt to introduce the “strategic economic behavior” construct into scientific circulation. The approach is based on the results of empirical and theoretical verification of the methodological individualism postulate. According to researchers, the experimental data suggest that the behavior of the state cannot be narrowed down to the behavior of individuals. The rejection of the methodological individualism principle allows us to consider that the rationality of the state economic behavior should be considered through the correlation of goals, available resources and the planning prospects. The proposed theoretical construct is postulated as the basis for a new interdisciplinary research program that integrates the institutional-evolutionary economics and behavioural economics.

Ключевые слова: экономическое поведение, поведенческая геоэкономика, государство, стратегическое поведение, экономико-психологические факторы, рутины.

Keywords: economic behavior, behavioral geoeconomics, state, strategic behavior, economic and psychological factors, routines.

Введение

Сегодня уже очевидно не только ученым и экспертам, но и не имеющим профильной подготовки в экономической сфере людям, что отечественная экономика и глобальная экономическая система в целом столкнулись с рядом структурных ограничений и внешних негативных факторов, блокирующих механизм устойчивого экономического роста [14]. К сожалению, в обозримом будущем следует ожидать только усиления макроэкономических, структурных, внешних и институциональных угроз, способных оказать негативное влияние на ее развитие.

Как мы уже отмечали ранее, проблема анализа стратегии России как экономического агента в условиях многополярного экономического пространства с позиций межуровневого, поведенческого подхода в текущий момент является слабо разработанной и один из путей ее решения состоит в развитии специфического направления исследований — поведенческой геоэкономики [8]. Эмпирическую основу для его развития образуют факты существенного и постоянно возрастающего воздействия группы поведенческих и экономико-психологических факторов на общественное и институциональное развитие как на индивидуальном, так и на межгосударственном уровнях [6; 7; 9]. Их учет требует разработки методологии экономико-психологического моделирования стратегического поведения агентов различного уровня (от индивидов до государства), что в перспективе способно обеспечить выход на экономико-психологическую модель действия России как особого экономического агента и тем самым обеспечить механизмы для адекватного формирования Россией стратегического поведения в долгосрочной и среднесрочной перспективе. Предварительной формулировке одного из базовых конструктов данной методологии — пониманию стратегического экономического поведения государства — посвящена настоящая статья.

Методологические предпосылки и теоретические основания

В последние десятилетия задачей изучения экономической психологии и поведенческой экономики становится построение более сложных и комплексных моделей поведения экономических агентов, способных описать диапазон различных типов и стилей принятия решений и достижения результатов в социально-экономической и политэкономической сферах [27]. Однако в значительной степени эти модели имеют отношение исключительно к поведению отдельных индивидов, а не к анализу данных процессов на уровне государства. Связано такое положение прежде всего с господством в парадигмальном для современной экономической науки неоклассическом направлении постулата методологического индивидуализма. Как известно, данный постулат обосновывается тремя основными тезисами: а) тезис Р. Масгрейва: «Поскольку группа людей как таковая не может говорить, возникает во-

прос, кто способен выразить чувства этой группы» [25]; б) тезис К. Висселя: «Если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна нулю и ничему другому» [16]; в) тезис К. Поппера: «Поведение и действия таких коллективов как государства или социальные группы должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей» [21].

Данные лабораторных и полевых экономических и экономико-психологических экспериментов свидетельствуют о том, что при отождествлении человеком себя с собой, с семьей, с государством при равенстве всех остальных параметров у него меняется тип и стиль принятия экономических решений, сам процесс выбора альтернатив и, естественно, меняется качество и результат экономического поведения [10; 13]. Тем самым, на практике один и тот же индивид меняет принцип своих экономических действий в зависимости от того, в чьих интересах он их реализует. Этих данных достаточно, чтобы поставить вопрос о том, что государство по своим поведенческим характеристикам не может быть сведено к интересам и полезности отдельных людей, а должно рассматриваться как особый тип экономических агентов.

В настоящей статье мы исходим из того, что экономическое поведение определяется ориентацией на цель и исходными параметрами агента, которых недостаточно для одноактного достижения цели, что побуждает его реализовывать особую форму активности — стратегическое экономическое поведение.

При этом регуляторами экономического поведения, как показывает практика, могут выступать не только рассматриваемое в качестве единственного мотива в неоклассической школе экономической мысли стремление к максимизации полезности или прибыли [19], но и обеспечение справедливости, этические нормы, релятивное позиционирование, статус, стремление к счастью, благотворительность, стремление к равенству, сохранение культурной идентичности, направленность на сохранение статус-кво и традиционных властных взаимоотношений [20; 26].

Такой широкий диапазон целей определяет возможность существования и выбора различных стратегий экономического поведения. Реализация данных стратегий находится под влиянием множества переменных, которые обычно не рассматриваются в рамках неоклассического подхода. Среди данных переменных такие, как когнитивные способности агента и их ограниченность [18], ошибки мышления, эмоции, врожденные склонности и социальный опыт, фрейминг-эффекты, установки по отношению к неопределенности и риску, оценки будущего, иррациональное начало, стили принятия решений, распределение властных полномочий в группах, принимающих решения и институциональные рамки (то есть установленные правила игры) [28].

Под стратегическим экономическим поведением, по нашему мнению, следует понимать такое поведение, которое обусловлено существованием условий, при которых прямое достижение субъективного

экономического благополучия агентом невозможно в силу дефицита наличных ресурсов (материальных, финансовых, психических, культурных, информационных и т.д.), что побуждает к увеличению горизонта планирования и числа связанных актов выбора и действий.

Аналитический механизм поведения агентов при этом состоит в том, что целесообразность и осмысленность их действий определяется не внешним наблюдателем, а через анализ соотношения действий, цели и горизонта планирования. Мы предлагаем исходить из постулата, согласно которому экономические агенты могут иметь различный горизонт планирования (то есть длину стратегии), в рамках которой и следует определять их рациональность или нерациональность. Очевидность его соответствия реальному положению дел в экономике неоспорима. В то же время доминирующие сегодня модели Homo Economicus оставляют его за рамками теоретических основ анализа экономического поведения.

Применение вышеозначенного аналитического механизма показывает, что на выбор и реализацию стратегии оказывают определяющее воздействие стартовые, то есть имеющиеся на момент каждого акта выбора, условия [28] и институциональная среда (создающая определенные стимулы принятия решений и ограничения вариантов выбора) [12], а также характеристики самих экономических агентов (психические характеристики, уровень адаптивности, степень свободы выбора, образ экономического благополучия и т.д.) [23]. Ресурсы же определяют возможность реализации выбора.

Цели и стратегическое поведение, направленное на их достижение, могут различаться как среди индивидов, так и среди групп индивидов в зависимости от культурных, исторических и образовательных особенностей. Таким образом, становится возможным применение единого методологического подхода к анализу всех типов экономических агентов: индивидов, домохозяйств, фирм и государств.

Конечно, для выхода на полную позитивную модель и типологию поведения данных агентов становится необходимой реализация кросс-культурного подхода к анализу экономической системы, способного выявить общее и особенное при формировании стратегий экономическими агентами, воспитанными в различных культурных средах. Повидимому, решение этой задачи — это одно из наиболее перспективных направлений экономических исследований в ближайшие годы. Однако уже сейчас можно утверждать, что цели индивидов или групп в процессе производства и потребления могут быть социально субоптимальными, и включать результаты, которые являются экономически или X-неэффективными [4]. В связи с этим в современной науке остро стоит проблема построения моделей, способных объяснять и прогнозировать экономическое поведение в условиях множественного равновесия и учитывать вариативность целей и стратегий, а также различия в уровне их оптимальности.

Предлагаемая программа исследований

36

В соответствии с вышеизложенным, особенностью построения адекватной современным вызовам поведенческой модели социально-экономической системы поведения государств выступает решение задачи на одновременное моделирование психологических, социальных и культурных переменных в совокупности с традиционными экономическими переменными, такими как цена и доход. При этом критически важным параметром выступает фиксация влияния институциональных факторов, генерируемых культурно-историческим контекстом (неформальными институтами) и производимых государствами (формальные институты) на поведение индивидов. В совокупности институты задают рамки допустимых решений для всех типов агентов. Формализация данного процесса позволит в одной модели отразить изменения целей и моделей поведения, а также оценка влияния на данный процесс параметров внешней среды. Мы считаем, что решение данной задачи возможно за счет развития подходов ограниченной рациональности Г. Саймона [18] и Дж. Марча [24] в поведенческой экономике, позволяющих преодолеть ограничения неоклассической модели экономического поведения, основанной на постулатах М. Фридмана [10]. Как известно, подход М. Фридмана, являющийся доминирующим в современной экономической теории, исходит из максимально простого объяснения экономического поведения, и тем самым предлагает значительно более простую модель по сравнению с моделью, включающей психологические, социальные и институциональные переменные, однако кардинальным образом отличающуюся от реального поведения экономических агентов.

По нашему мнению, несмотря на то что предлагаемая модель предположительно будет иметь более сложный вид, она потенциально обладает критически важными преимуществами, позволяющими повысить качество имитирования и выявления факторов и результатов реального стратегического экономического поведения государств.

В современной экономической науке в настоящее время поведение понимается как совокупность актов принятия решений. В то же время стратегическое экономическое поведение должно включать в себя не только акты (даже с добавлением процесса) принятия решений, но и общую подчиненность целевой функции (которая при этом определена, конкретна), допускающей корректировку процедурной рациональности и рациональности выбора в зависимости от результатов реализации предыдущих актов решений, от степени и динамики приближения к цели. В этом случае принципиально меняется концептуальный подход к пониманию экономического поведения и рациональность действий начинает зависеть от ряда параметров: а) от действий других экономических агентов (акторов): эти действия могут облегчить достижение цели или реализацию решения, могут затруднить данный процесс (возможны и промежуточные результаты; б) от сущности целевой

функции; в) от полученной информации. Тем самым поведение становится активным, то есть приближается к тем фактам и постулатам, из которых исходили Н.А. Бернштейн [3], П.К. Анохин [1] и, по-видимому, И. Кирцнер [5].

Попробуем разъяснить это на примерах, используемых в работе Р. Нельсона и С. Дж. Уинтера [11], но с принципиально иной интерпретацией.

Как известно, слабость существующей теории экономического поведения с позиций эволюционного анализа привела ряд ученых к постановке задачи выхода на новый подход. В работе Р. Нельсона и С. Дж. Уинтера для решения данной задачи предлагается выделение рутин как базовых моделей экономического поведения [11]. При этом основным критерием для их разграничения выступает степень автоматизма при принятии решений. Автоматизм, в свою очередь, рассматривается по отношению к двум основным критериям: а) времени обдумывания (в случае рутин оно стремится к 0, в противном случае является заметным объективному наблюдателю); б) уровень осознанности выбора (в случае рутин – выбор осуществляется неосознанно).

Для иллюстрации различий авторы теории используют среди прочего пример про водителя автомобиля, который осуществляет движение руля (чтобы удерживать автомобиль на выбранной траектории); коррекцию скорости и т.д. Каждая из данных коррекций, по мнению ученых, выступает актом выбора, но и одновременно с этим данный акт неосознаваем у профессионального водителя (но не у новичка) и не требует предварительного обдумывания.

По нашему мнению, тот же пример можно рассмотреть с позиций теории потребного будущего Н.А. Бернштейна [3]. Если постулировать имеющийся в реальном мире крайне высокий уровень степеней свободы у человека в каждый конкретный момент времени (Н.А. Бернштейн это замечательно показал при анализе движений, акта постановки ноги и т.д.), что полностью согласуется со всеми имеющимися сегодня фактами, то действительно человеческий индивид перманентно находится в ситуации выбора.

Интересно, что поскольку уровень степеней свободы стремится к ∞ , то фактически всегда выполняется требование превышения возможностей действия над ресурсами действия (в полном согласовании с определением Л. Роббинса [15]), и, если развивать идеи неоклассического направления экономической мысли, станет очевидно, что все поведение человека и групп людей может быть определено как экономическое. Как убедительно было показано профессором Н.А. Бернштейном, в этой ситуации каждый акт выбора становится крайне трудным и неопределенным без введения специального механизма координации и допущения о наличии механизма опережающего отражения (механизма построения потребного будущего) [3]. В этом случае коррекция поведения (то есть те случаи, о которых писали Р. Нельсон и Дж. Уинтер [11]) носит неосознаваемый характер до тех пор, пока динамика внешней среды не вносит существенных изменений, требующих включения

высших уровней психической и психифизиологической систем человека [1]. Однако, связано это прежде всего не с опытом и автоматизмом (хотя и с ними тоже), поскольку реальная жизнь – это обучение без повторения, но с наличием адекватной программы действий.

Адекватность программы действий при этом носит вполне однозначный и операциональный характер – программа действий до тех пор адекватна, пока позволяет без существенных коррекций достигать поставленной цели. Поэтому гораздо важнее говорить о том, что в экономической активности (поведении) необходимо выделять процесс принятия решения (выбора, постановки цели) и процесс достижения данной цели (процесс действия). Оба процесса в своей структуре, как это замечательно показали и экономисты Р. Нельсон, Дж. Уинтер и психофизиологи школы Н. А. Бернштейна, имеют элементы выбора (элементы корректировки поведения), связанные с перманентным превышением степеней свободы решения (возможностей действия) над реальным действием (оно возможно только одно в один момент времени, поскольку экономический субъект (агент) всегда действует как целостная система).

Выводы

Таким образом, и сам процесс выбора (принятия решения) и процесс его реализации – это процессы затратные для организма, индивида, субъекта, государства. Затратность процессов означает, среди прочего, необходимость расходования ресурсов организма (или общества в случае с государством), и поэтому она должна быть сопряжена с усилиями (в понимании усилий как преодоления) и возникновением ценности (в понимании ценности как обратной стороны усилия по Ф. Бастиа [2]). В этом смысле, экономическая активность предстает как интересная комбинация ценности (как результата усилий) и полезности (как ответа на мотивацию) – ценность возникает по мере развертывания активности, тогда как оценка полезности (в значении ожидаемой полезности) предваряет активность. Отсюда интересные следствия: 1) возможная ситуация, когда по мере движения к цели оценка полезности оказывается субъективно ошибочной (полезность воспринималась как более высокая или, наоборот, более низкая в начале) при росте ценности результата активности; 2) уровень полезности остается постоянным, тогда как уровень ценности монотонно (или экспоненциально) возрастает.

Конечно, анализ возможных случаев и форм взаимного изменения в процессе экономической активности ожидаемой полезности (в традиционном понимании этого как способности удовлетворить потребности агента) и субъективной ценности результатов активности и самой активности (в понимании этого как субъективной оценки усилий и затрат на реализацию деятельности и достижение результата) требует более тщательного и глубокого исследования. Между тем, в данном случае нас интересует сам факт того, что направление активности меняется (акт выбора или адаптации), а сама активность требует постоян-

ных усилий и корректирующих действий. Деление поведения на рутины и выделение в них процессов «выбирания» (choosing) и «делания» (doing) Р. Нельсоном и С. Дж. Уинтером [11] безусловно важный шаг, акцентирующий внимание на относительно постоянных компонентах экономического поведения, а также на том, что экономические агенты, одновременно обучаясь, стремятся перевести в рутины (автоматические умения) как можно больше своих решений и действий. Однако при такой постановке вопроса остаются за рамками анализа очень важные процессы, понимание которых выступает необходимым элементом развития теории экономической активности и поведения государств как экономических агентов.

Эти процессы связаны: а) с изменением активности (относительно первоначального плана в связи с изменением внешних по отношению к агенту условий) при сохранении общей цели и ключевых индикаторов плана по ее достижению — корректирующими действиями в рамках общей экономической стратегии; б) с изменением цели и ключевых индикаторов плана активности — сменой стратегий экономической активности; в) с отказом индивида, коллективного или интегрального экономического элемента от постановки цели и осознанного формирования плана активности (принятие позиции «экономического объекта»). Представляется очевидным, что эти процессы не могут быть качественно описаны и проанализированы в рамках выделения рутин, а нуждаются в принципиально новом подходе.

Предлагаемый нами поведенческий подход не противостоит, а расширяет эволюционный подход к экономической активности, основанный на рутинах. Связано это с тем, что субъектно-деятельностный подход отечественной психологии в его приложении к экономической активности позволяет провести соотнесение рутин с операциональной (в рамках того, что Р. Нельсон и С. Дж. Уинтер называют умениями) и неосознаваемой частями активности, в то же время изучение механизмов переключения режимов активности, выделение постановки и коррекции целей деятельности и т. д. позволяют перейти от нормативной единой модели экономического агента к позитивной классификации как самих агентов, так и режимов их экономической активности.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №19-011-00328 А «Разграничение предметов ведения и полномочий в Российской Федерации как конституционная форма выбора федеральным центром экономического поведения: проблемы реформирования» (руководитель — Э.Г. Липатов).

Список литературы

1. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. М., 1978.
2. Бастия Ф. Экономические гармонии. Избранное. М., 2007.
3. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., 1990.
4. Кирдина С.Г. Х-эффективность и Х-экономики: синтез теоретических подходов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, №2. С. 9–26.

5. *Кирцнер И.* Конкуренция и предпринимательство. М., 2001.
6. *Неверов А. Н.* Капитал и диффузия субъектности. Саратов, 2009.
7. *Неверов А. Н.* Концепция ноосферной экономики. Саратов, 2009.
8. *Неверов А. Н.* Поведенческая геоэкономика: постановка проблемы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №2. С. 36–45.
9. *Неверов А. Н.* Экономико-психологические факторы общественного развития. Саратов, 2008.
10. *Неверов А. Н., Васин В. Н.* Национально-психологические особенности принятия экономических решений // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: матер. девятой Всерос. науч.-практ. конф. для Круглого стола IV Байкальского экономического форума / под общ. ред. А. Д. Карнышева. Иркутск, 2008. С. 161–165.
11. *Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
12. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
13. *Магальян А. Т., Неверов А. Н.* Изменение ценностных оснований экономического поведения индивидов при различном типе идентификации // Психолого-экономические исследования. 2020. Т. 7 (13), №2.
14. *Раджан Р. Г.* Линии разлома: скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике. 2-е изд. М., 2013.
15. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 10–23.
16. *Рубинштейн А. Я.* Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М., 2010.
17. *Рубинштейн А. Я.* «Группы и их интересы»: приглашение к дискуссии // Вопросы экономики. 2006. №11. С. 81–94.
18. *Саймон Г.* Науки об искусственном. М., 2004.
19. *Самуэльсон П. А.* Принцип максимизации в экономическом анализе (Нобелевская лекция) // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 184–202.
20. *Сен А.* Развитие как свобода. Сер. Библиотека Фонда «Либеральная миссия». М., 2004.
21. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
22. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
23. *Хащенко В. А.* Психология экономического благополучия. М., 2012.
24. *March J. G., Simon H. A.* Organizations. Wiley, 1958.
25. *Musgrave R. A.* The Theory of Public Finance. N.Y., 1959.
26. *Nussbaum M.* Aristotelian Social Democracy // Liberalism and the Good R. B. Douglass et al. (eds.). N.Y., 1990.
27. *Thaler R., Sunstein C.* Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness. Yale University Press, 2008.
28. *Tversky A., Kahneman D.* Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty // Journal of Risk and Uncertainty. 1992. Vol. 5, №4. P. 297–323.

Об авторах

Александр Николаевич Неверов – д-р экон. наук, проф., Центр психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Россия.

E-mail: neverov@ipei.ru

Антон Юрьевич Маркелов – д-р экон. наук, проф., Центр психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Россия.

E-mail: markelov@ipei.ru

The authors

Prof. Alexander N. Neverov, the Center of Psycho-Economic Research, Stolypin Volga Region Institute of Administration – branch of RANEPА, Russia.

E-mail: neverov@ipei.ru

Prof. Anton Yu. Markelov, the Center of Psycho-Economic Research, Stolypin Volga Region Institute of Administration – branch of RANEPА, Russia.

E-mail: markelov@ipei.ru

С. С. Лачининский, А. А. Михайлова, И. С. Сорокин

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

42

География современных инновационных процессов все чаще охватывает не только мегаполисы и крупные промышленные города, но и сельские территории. Особую актуальность проблема инновационного развития села приобрела в контексте сохранения человеческого капитала и предотвращения маргинализации сельских поселений, в том числе через формирование благоприятной среды для жизни и ведения предпринимательской деятельности. На начальном этапе инноватизация сельской местности связана с диффузией и внедрением инноваций в экономику и социальную сферы, а также расширением доступа населения к различным инновационным решениям и технологиям, способным повысить уровень благосостояния и качество среды проживания. Целью данной работы являлась оценка существующих различий между сельским и городским населением в обеспеченности банковскими, государственными и информационно-коммуникационными услугами как базисными для активизации инновационного процесса. Исследование выполнено на материалах городских и сельских поселений муниципальных образований Ленинградской области. Отдельное внимание уделено изучению влияния фактора территориального расположения на концентрацию объектов оказания услуг. Выявлено, что существует значительный разрыв в инновационной восприимчивости как между городскими и сельскими поселениями, так и внутри сельских поселений в зависимости от их близости к густонаселенной городской агломерации, значимым автомобильным магистралям, крупным объектам промышленной и портовой инфраструктуры.

The geography of modern innovation processes increasingly covers not only megalopolises and large industrial cities, but also rural areas. The issue of innovative development of the countryside has acquired particular prominence in the context of securing human capital and preventing the marginalization of rural settlements, though creating a favorable environment for life and business in particular. At the initial stage, the innovation of rural areas is associated with the diffusion and implementation of innovations in the economy and social sectors, as well as expanding the public access to various innovative solutions and technologies that can increase the level of well-being and the quality of the living environment. The purpose of this study is to assess the existing differences between the rural and urban population in the provision of banking, public, information and communication services as the basis for activating the innovation process. The study is carried out on urban and rural municipalities of the Leningrad region. Special attention is paid to the spatial factor in concentration of service renders. It is revealed that there is a significant gap in innovation susceptibility both between urban and rural settlements, and within rural settlements, depending on their proximity to a densely populated urban agglomeration, significant highways, large industrial and port infrastructure.

Ключевые слова: сельские территории, агломерационный фактор, приморская зона, урбанизация территории, диффузия инноваций.

Keywords: rural areas, agglomeration factor, coastal zone, urbanization, innovation diffusion.

Введение и постановка проблемы

Инновационная деятельность — важнейший механизм модернизации общества, экономики и геопространства. Характер и динамика этой деятельности свидетельствуют как о конкурентных преимуществах инноватора и его возможностях самосовершенствования, так и о траектории инновационного развития территории, в границах которой она ведется. Изучение территориальных закономерностей инновационного процесса сформировалось в самостоятельное направление географических исследований — география инноваций [3; 9; 20].

Во многих ранних научных трудах отмечается, что лучшей территориальной единицей для изучения инноваций — регион [23]. Концептуальным развитием данной идеи стал подход региональной инновационной системы, представленный в работах [5; 16]. Однако разнообразие регионов на фоне их неоднородности по размеру определило потребность изучать инновации на более низком иерархическом уровне — городской агломерации [19], города [10], муниципального района [4; 12]. Один из распространенных методов исследования инноваций в городах — патентный анализ [22]. Согласно работе Р. Флориды [7], запатентованные инновации географически сгруппированы в крупных городских агломерациях и районах с низкой плотностью населения («субурбиях», или пригородных районах). Однако Д. Сикора-Фернандес [21] справедливо указывает на отсутствие прямой зависимости между получением патента и генерацией инноваций.

Объектом современных научных исследований в области географии инноваций все активнее выступают сельские территории. В качестве самостоятельных аспектов изучения рассматриваются особенности реализации адресной инновационной политики и стратегий умного развития сельских поселений [15], учитывающих их традиционно низкую инфраструктурную обеспеченность [13]. Отдельные исследования посвящены диффузии информационно-коммуникационных инноваций [11; 18] и внедрению экологических инноваций в агропромышленный комплекс [8]. Отмечается, что инновационно-ориентированные компании в сельской местности, как правило, кооперируются с метрополиями и имеют разветвленную сеть зарубежных контактов, что способствует перетоку новых знаний [17]. Ряд ученых [2; 14] указывает на значительную неоднородность инновационного развития муниципалитетов в зависимости от экономико-географического положения — пристоличные, приморские, удаленные и другие.

Вместе с тем инновационная активность в сельской местности до сих пор не получила комплексного изучения. В данной статье предпринята попытка исследовать готовность населения сельской местно-

сти к более широкому участию в инновационной деятельности в пределах Ленинградской области – региона с устоявшейся системой сельского расселения, имеющего протяженную прибрежную зону и находящегося под влиянием Санкт-Петербурга – второго крупнейшего города России. Отдельные аспекты социально-экономического и инновационного развития городских поселений на примере Ленинградской области и Санкт-Петербурга рассмотрены ранее в [1; 6]. Особое внимание в настоящем исследовании будет уделено оценке влияния агломерационного и приморского факторов на диффузию инноваций вглубь сельских территорий региона.

Материалы и методы исследования

Территориальный охват исследования – 134 сельских поселения Ленинградской области, в которых по состоянию на 01.01.2019 г. проживало 659,0 тыс. чел., что составляет 35,7 % населения региона (рис. 1). Количество сельских поселений в муниципалитетах варьируется от 3 до 15, наибольшее в Волосовском, Волховском, Лужском, Приозерском, Ломоносовском районах. Лидеры по концентрации сельского населения – Ломоносовский, Волосовский и Приозерский районы, в которых его доля составляет 78,6; 77,0 и 63,4 % соответственно.

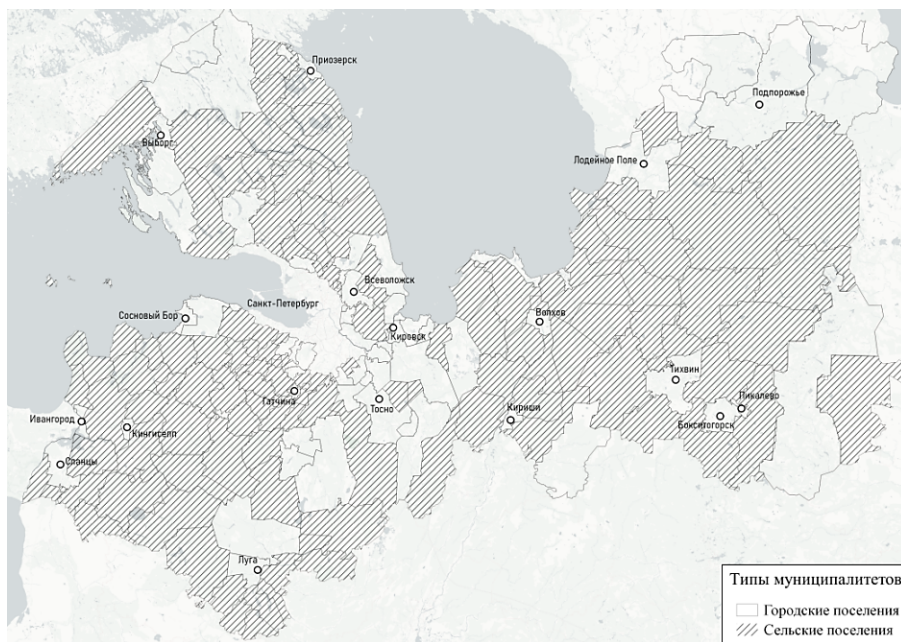

Рис. 1. Городские и сельские поселения Ленинградской области

В силу специфики национальной статистики, исключающей верификацию индикаторов инновационной деятельности для муниципального уровня и особенно сельской местности, использование тра-

диционных статистических данных об инновациях не представлялось возможным. В этой связи оценка инновационной восприимчивости сельских территорий Ленинградской области производилась по трем параметрам, характеризующим доступность государственных, информационно-коммуникационных и банковских услуг населению. В исследовательской методологии мы исходили из следующих положений:

- современный банкинг определяет уровень развития предпринимательской инфраструктуры и разнообразие рынка;
- доступ к мобильной связи и сети интернет способствует распространению знаний и информации, развитию электронной коммерции, обеспечивает возможность роста занятости через аутсорсинг и удаленную работу, а также получения различных цифровых дивидендов;
- доступность интернет-сервисов государственных информационных услуг «Госуслуги» содействует развитию человеческого капитала и деловой среды.

Методика оценки включала сбор данных и расчет значений 3 показателей:

- обеспеченность населения стационарными банковскими терминалами крупнейшего российского банка «Сбербанк» в расчете на 10 тыс. жителей;
- обеспеченность населения центрами предоставления государственных информационных услуг (МФЦ) в расчете на 10 тыс. жителей;
- плотность интернет-покрытия 3G и/или 4G, обеспечиваемого 4 основными операторами мобильной связи «МТС», «МегаФон», «Билайн» и «Теле2», относительно территории муниципалитета.

Источником данных о территориальном расположении 1105 банковских терминалов выступил официальный сайт «Сбербанка» www.sberbank.ru/ru/oib?tab=vsp; 319 центров предоставления государственных информационных услуг – официальный сайт «Госуслуги» www.gosuslugi.ru. Данные по суммарному интернет-покрытию сетями 3G и 4G получены методом сложенных зон покрытия каждого мобильного оператора, представленных на официальных сайтах: для «МТС» spb.mts.ru/personal/podderzhka/zoni-obslyuzhivaniya/nasha-set, «МегаФон» spb.megafon.ru/corporate/help/offices/#coverage, «Билайн» leningradskaya-obl.beeline.ru/customers/beeline-map/, «Теле2» spb.tele2.ru/coverage. Выгрузка данных производилась по состоянию на 1 полугодие 2019 г.

Результаты исследования

В таблице представлены данные о доступности банковских и государственных услуг для городского и сельского населения Ленинградской области в разрезе муниципалитетов. Если основная часть (свыше 80 %) стационарных банковских терминалов расположена в городской местности, то распределение МФЦ более равномерно: 54,5 % в городских и 45,5 % в сельских поселениях. Это объясняется фактором социальной значимости госуслуг для населения (государство должно обес-

печить к ним полноценный доступ и жителям мегаполисов, и отдаленных поселений) и коммерческой целесообразностью содержания объектов оказания услуги (актуально для банковских терминалов).

Обеспеченность городского и сельского населения Ленинградской области доступом к банковским и государственным услугам, 2019 г.

Муниципалитет	Количество				Обеспеченность в поселениях, на 10 тыс. жителей			
	всего, ед.		в том числе в сельских поселениях, %		банкоматами		МФЦ	
	банкоматов	МФЦ	банкоматов	МФЦ	городских	сельских	городских	сельских
Бокситогорский	37	14	2,7	28,6	9,3	0,9	2,6	3,7
Волосовский	13	21	30,8	76,2	7,6	1,0	4,2	4,0
Волховский	54	19	13,0	68,4	7,2	2,9	0,9	5,4
Всеволожский	138	33	44,9	45,5	3,5	3,4	0,8	0,8
Выборгский	99	27	10,1	37,0	6,9	1,4	1,3	1,4
Гатчинский	121	25	10,7	40,0	7,3	1,4	1,0	1,0
Кингисеппский	81	18	22,2	44,4	11,3	8,8	1,8	3,9
Киришский	66	15	4,5	26,7	11,6	4,0	2,0	5,3
Кировский	92	20	2,2	20,0	9,5	1,8	1,7	3,7
Лодейнопольский	28	8	7,1	37,5	12,9	2,4	2,5	3,6
Ломоносовский	17	18	88,2	77,8	1,3	2,6	2,5	2,4
Лужский	59	21	22,0	66,7	12,2	3,8	1,9	4,1
Подпорожский	31	10	6,5	20,0	11,9	5,2	3,3	5,2
Приозерский	35	17	37,1	64,7	9,8	3,4	2,7	2,8
Сланцевский	35	11	2,9	45,5	10,5	1,0	1,9	4,9
Тихвинский	71	14	2,8	42,9	11,9	1,7	1,4	5,2
Тосненский	70	20	18,6	30,0	6,0	3,8	1,5	1,8
г. Сосновый Бор	58	8	0,0	0,0	8,5	—	1,2	0,0
<i>Всего</i>	1105	319	16,4	45,5	7,8	2,7	1,5	2,2

В Ленинградской области наблюдаются разрывы на межмуниципальном и межпоселенном уровне по доступности банковских и государственных услуг населению. Около 50 % всех стационарных банковских терминалов сконцентрировано в муниципалитетах, непосредственно граничащих с Санкт-Петербургом и испытывающих его агломерационное влияние, в первую очередь, это Всеволожский, Гатчинский, Выборгский и Кировский районы (рис. 2). Также на обеспеченность банковскими услугами оказывает влияние степень урбанизации: чем выше доля сельского населения, тем ниже удельный вес муниципалитета в территориальной структуре распределения банкоматов. Об этом свидетельствует отрицательное значение коэффициента корреляции между данными показателями.

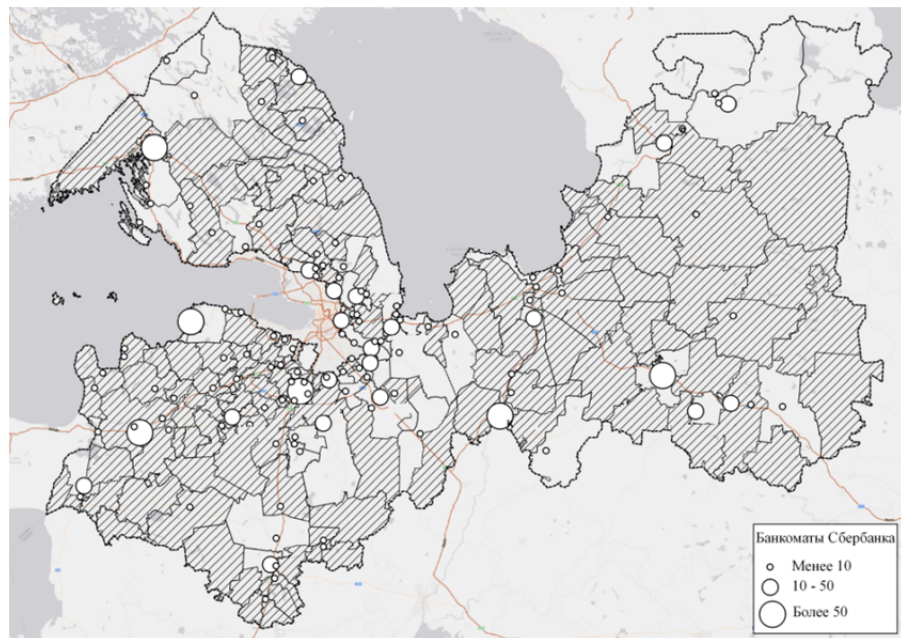

Рис. 2. Территориальное распределение банкоматов «Сбербанка» на территории Ленинградской области, 2019 г.

Среди сельских поселений наиболее высокая обеспеченность жителей банковскими услугами наблюдается в Кингисеппском (где 28 % банкоматов приходится на сельские территории вокруг порта Усть-Луга), Подпорожском (лишь село Винницы), Киришском (лишь поселок Глажево и деревня Пчева, расположенные на трассе Кириши–Волхов), Тосненском (входит в Санкт-Петербургскую агломерацию) и Лужском районах. Наиболее низкая обеспеченность банкоматами «Сбербанка» характерна для сельского населения, проживающего в удаленных районах (Бокситогорский, Сланцевский, Волосовский) и ближайших к Санкт-Петербургу, испытывающих давление так называемых дачников (Гатчинский, Кировский).

Сервисы государственных услуг имеют более плотное покрытие сельской местности с наибольшей обеспеченностью во внешнем поясе Санкт-Петербургской агломерации – Волховский, Киришский, Тихвинский, Сланцевский и Волосовский районы, удаленные более чем на 120 км от Санкт-Петербурга (рис. 3). Наиболее крупные районы, расположенные в зоне влияния или входящие в агломерацию, – Всеволожский, Гатчинский, Выборгский, Тосненский – имеют самые низкие показатели концентрации МФЦ относительно численности сельских жителей (см. табл.).

Анализ охвата сетями 3G и 4G ведущих мобильных операторов России показывает, что устойчивая мобильная связь, в первую очередь, покрывает агломерационную и приморскую зоны, а также территории районов, по которым проходят крупные автомагистрали (рис. 4, 5). Зоны 4G покрывают агломерационное пространство и урбанизированные районы Выборга, Гатчины, Соснового Бора, Киришей, Волхова, Луги и

некоторых других районных центров. Более чем на 80 % территории Ленинградской области представлена сеть 3G. Лишь жители крайних восточных территорий региона не имеют доступа к мобильному интернету.

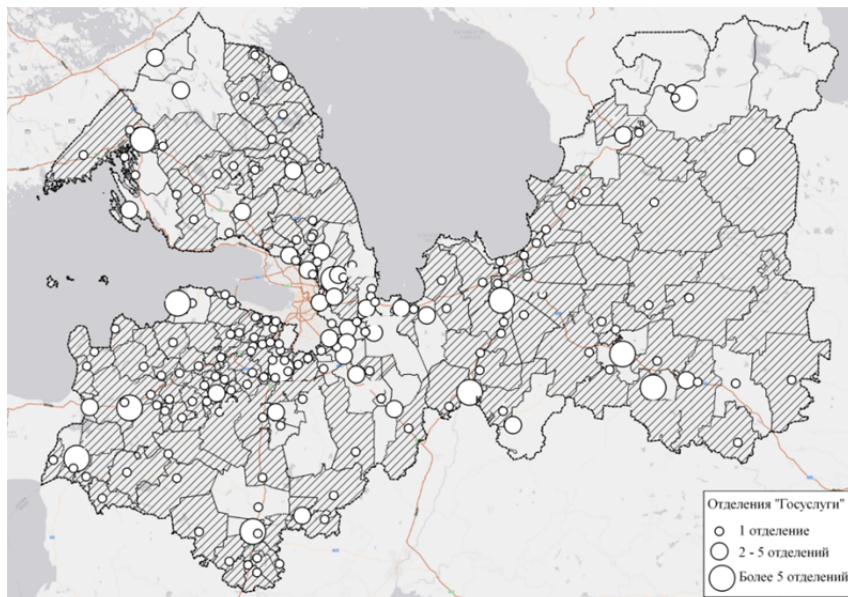

Рис. 3. Территориальное распределение отделений сервиса «Госуслуги» на территории Ленинградской области, 2019 г.

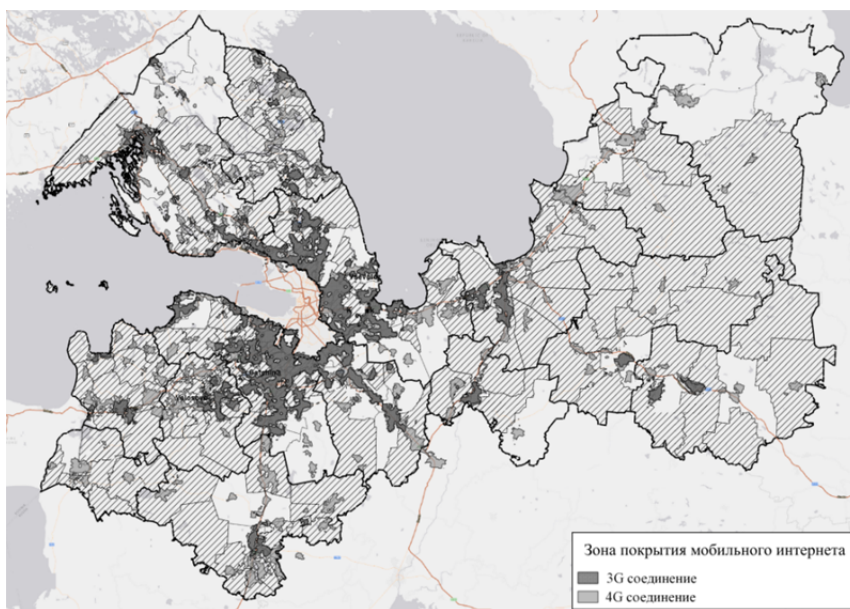

Рис. 4. Зона покрытия мобильного интернета всех операторов на территории Ленинградской области, 2019 г.

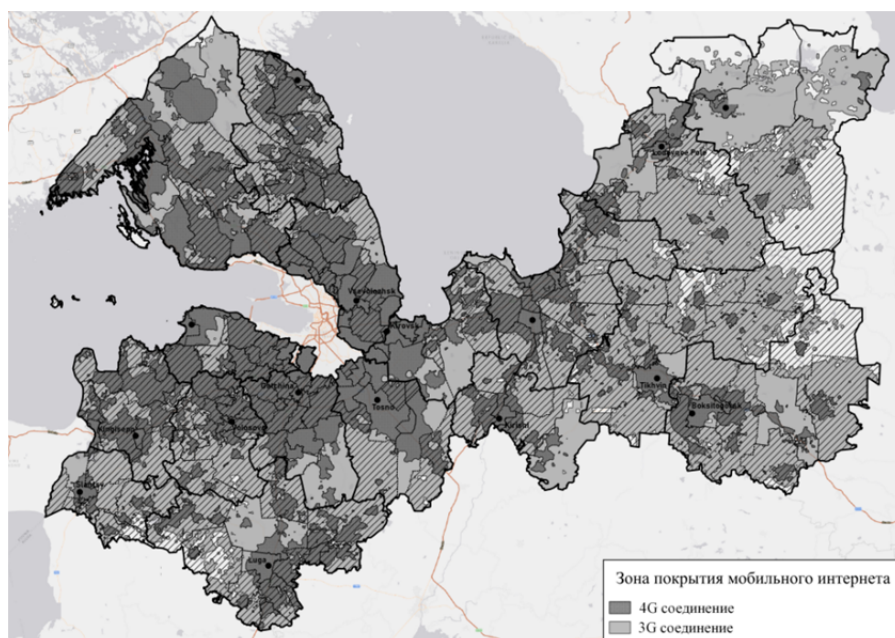

Рис. 5. Зона покрытия мобильного интернета хотя бы одного оператора на территории Ленинградской области, 2019 г.

Приморская зона Ленинградской области более урбанизирована, чем остальная территория региона. Здесь расположены несколько крупных городов, в том числе Сосновый Бор и Выборг. Сельское население невелико и распространено неравномерно с наибольшей концентрацией в Выборгском районе (северное побережье Финского залива). Также выделяется Кингисеппский район, где все приморское население — сельское. В целом, сельские жители прибрежной зоны Ленинградской области немного лучше обеспечены доступом к банковским услугам и несколько хуже — к государственным. Интернет-соединение 3G и 4G доступно почти повсеместно, кроме наименее заселенных сельских территорий приморских муниципалитетов.

Обсуждение результатов и выводы

Активизация инновационного процесса невозможна без создания благоприятной предпринимательской среды и развития у населения инновационной культуры, в том числе проявляющейся в заинтересованности к внедрению инноваций в повседневную жизнь. В данной статье нами предпринята попытка оценить, насколько современный уровень развития сельских территорий регионов России располагает к более интенсивной инноватизации, сопровождающейся необходимостью формирования инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса и распространением информационно-коммуникационных технологий. В фокусе нашего исследования находились вопросы территориальной неоднородности инновационного пространства, уси-

ленной влиянием агломерационного и приморского факторов. Исследование выполнено на материалах муниципалитетов Ленинградской области в межпоселенном разрезе.

По результатам изучения территориальных особенностей распределения сервисов по оказанию банковских и государственных услуг, а также плотности интернет-покрытия, нами выявлено, что сельское население Ленинградской области существенно уступает городскому по уровню обеспеченности банкоматами и технологией мобильной связи 4G. Доступность госуслуг в сельской местности сопоставима, а иногда и превышает аналогичный показатель для городских поселений. Это особенно заметно в удаленных от Санкт-Петербурга районах, где меньшая, чем в приагломерационных районах, плотность населения сочетается, с одной стороны, с отсутствием проявления негативных эффектов «дачной» маятниковой миграции, а с другой — проведением государственной политики по расширению доступности услуг МФЦ. В удельном выражении зонами концентрации банковских терминалов, МФЦ и зон покрытия мобильного интернета выступают районы, непосредственно примыкающих к Санкт-Петербургу, крупным областным городам, значимым объектам портовой инфраструктуры и автомагистралей.

В целом, текущий уровень инновационной восприимчивости сельских территорий Ленинградской области не позволяет сделать вывод о возможности форсировать их инновационное развитие, в том числе путем расширения удаленной занятости населения и стимулирования его инновационной предпринимательской активности, а также цифровизации рутинных социально-экономических процессов. Это связано как с общим недостаточным уровнем развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, который снижается с удалением от Санкт-Петербурга вглубь региона, так и недостаточной развитостью в сельской местности сектора банковских услуг. Можно прогнозировать, что, в первую очередь, инновационный импульс получают сельские поселения, расположенные вблизи Санкт-Петербурга и тяготеющие к приморской зоне.

Статья подготовлена по результатам доклада на Международной научно-практической конференции «Регионы в условиях глобальных изменений», проводимую при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-05-22007.

Исследовательская часть С.С. Лачининского (сбор, обработка и анализ данных о количестве и размещении банкоматов и МФЦ в Ленинградской области) выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-310-20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России». Исследовательская часть А.А. Михайловой (теория и методика исследования) выполнена в рамках проекта 5-100 № 2 по теме «Трансформация траектории инновационного развития регионов России в условиях пандемии 2020 года».

Список литературы

1. Кузнецов С.В., Лачининский С.С., Шендрик А.В. Экономическая динамика городских поселений Ленинградской области // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. №3-4 (56-57). С. 76–85.

2. Aryal G. R., Mann J., Loveridge S., Joshi S. Drivers of differences in inventiveness across urban and rural regions // *Journal of Urban Affairs*. 2020. doi: 10.1080/07352166.2020.1712151.

3. Backman M., Lööf H. The geography of innovation and entrepreneurship // *Annals of Regional Science*. 2015. №55 (1). P. 1–6. doi: 10.1007/s00168-015-0713-x.

4. Carrera E., Brugué Q., Casademont X., Serra M. The innovative potential of small municipalities: From theory to practice // *Revista Espanola De Investigaciones Sociologicas*. 2019. №168. P. 3–20. doi: 10.5477/cis/reis.168.3.

5. De Marchi V., Grandinetti R. Regional innovation systems or innovative regions? Evidence from Italy // *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*. 2017. №108 (2). P. 234–249. doi: 10.1111/tesg.12217.

6. Druzhinin A. G., Gorochnya V. V., Gontar N. V. et al. Transboundary clusters in the coastal zones of the European part of Russia: inventory, typology, factors, and prospects // *Baltic Region*. 2017. №9 (4). P. 21–32. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-2.

7. Florida R. The Geography of Innovation. 2017. URL://www.citylab.com/life/2017/08/the-geography-of-innovation/530349/ (дата обращения: 20.02.2019).

8. Galliano D., Gonçalves A., Triboulet P. The peripheral systems of eco-innovation: Evidence from eco-innovative agro-food projects in a French rural area // *Journal of Rural Studies*. 2019. №72. P. 273–285. doi: 10.1016/j.jrurstud.2019.10.009.

9. Gul M., Euchner J. The New Geography of Innovation, Research // *Technology Management*. 2019. №62:6. P. 16–22. doi: 10.1080/08956308.2019.1661076.

10. Jones K. E., Granzow M., Shields R. Urban virtues and the innovative city: An experiment in placing innovation in Edmonton, Canada // *Urban Studies*. 2019. №56 (4). P. 705–721. doi: 10.1177/0042098017719191.

11. Kaleta A. E-learning as a diffusion of innovation in the rural areas of the European Union // *Eastern European Countryside*. 2015. №21 (1). P. 5–18. doi: 10.1515/eec-2015-0001.

12. Kurkela K., Virtanen P., Tuurnas S., Stenvall J. The actors involved in innovation processes and collaboration – a case study of eight Finnish municipalities // *Lex Localis*. 2019. №17(2). P. 247–266. doi: 10.4335/17.2.247-266.

13. Martens K., Wolff A., Hanisch M. Understanding social innovation processes in rural areas: Empirical evidence from social enterprises in Germany // *Social Enterprise Journal*. 2020. № ahead-of-print. doi: 10.1108/SEJ-12-2019-0093.

14. Mikhaylov A. S., Mikhaylova A. A., Lachininskii S. S., Hoaley D. V. Coastal countryside innovation dynamics in north-western Russia // *European Countryside*. 2019. №11 (4). P. 541–562. doi: 10.2478/euco-2019-0030.

15. Naldi L., Nilsson P., Westlund H., Wixe S. What is smart rural development? // *Journal of Rural Studies*. 2015. №40. P. 90–101. doi: 10.1016/j.jrurstud.2015.06.006.

16. Ortega A. M., Serna M. Determinants of innovation performance of organizations in a regional innovation system from a developing country // *International Journal of Innovation Science*. 2020. №12 (3). P. 345–362. doi: 10.1108/IJIS-03-2020-0023.

17. Reidolf M. Knowledge networks and the nature of knowledge relationships of innovative rural SMEs // *European Journal of Innovation Management*. 2016. №19 (3). P. 317–336. doi: 10.1108/EJIM-06-2015-0043.

18. Rural innovation case study: using light sites to drive rural coverage – Huawei RuralStar and MTN Ghana. GSMA. 2019. URL: //www.gsma.com/mobile-fordevelopment/wp-content/uploads/2019/01/Huawei_RuralStar_MTN_Ghana_Rural_Innovation_Connectivity_Case_Study_Nov.pdf (дата обращения: 24.06.2019).

19. Shearmur R. Urban bias in innovation studies / H. Bathelt, P. Cohendet, S. Henn, L. Simon (eds.) // *The Elgar companion to innovation and knowledge creation*. Edward Elgar Publishing, 2017. P. 440–456. doi: 10.4337/9781782548522.00037.

20. *Shearmur R., Carrincazeaux C., Doloreux D.* Handbook on the geographies of innovation. Edward Elgar Publishing, 2016. doi: 10.4337/9781784710774.

21. *Sikora-Fernandez D.* Smarter cities in post-socialist country: example of Poland // *Cities*. 2018. №78. P. 52–59. doi: doi.org/10.1016/j.cities.2018.03.011.

22. *Sun Y.* Spatial distribution of patents in China // *Regional Studies*. 2000. №34. P. 441–454. doi: doi.org/10.1080/00343400050058693.

23. *Uyarra E., Flanagan K.* From regional systems of innovation to regions as innovation policy spaces // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2010. №28 (4). P. 681–695. doi: doi.org/10.1068/c0961.

Об авторах

52

Станислав Сергеевич Лачининский — канд. геогр. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет; ст. науч. сотр., Институт проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Анна Алексеевна Михайлова — канд. геогр. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Иван Сергеевич Сорокин — асп., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: IvannSPb@yandex.ru

The authors

Dr Stanislav S. Lachininskii, Associate Professor, Saint-Petersburg State University; Senior Researcher, IPRE RAS, Russia.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Dr Anna A. Mikhaylova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Ivan S. Sorokin, PhD Student, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: IvannSPb@yandex.ru

П. А. Барахвостов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

53

Объектом исследования является малоизученный процесс прохождения социальной системой точки бифуркации: зарождение и развитие кризиса – социальный коллапс, завершающийся распадом социума, – восстановление после распада путем интеграции части разрушившейся социальной структуры в другую систему. Примером подобного процесса является вхождение части Речи Посполитой (земель Великого княжества Литовского) в состав Российской империи. Данные события оказали определяющее влияние на последующий исторический путь Беларуси, что обуславливает актуальность их изучения. Для исследования использован институциональный подход, дополненный развитой в последние годы теорией институциональных матриц. Выявлено, что при образовании государства из элементов с принципиально различными институциональными матрицами оказывается возможной трансплантационная дисфункция институтов, запускающая его кризис, который в условиях дисфункциональности политической системы и раскола политических элит может привести к социальному коллапсу и (при наличии заинтересованных «полюсов силы») распаду социума. Интеграция его части в другую социальную систему – один из вариантов прохождения точки бифуркации. Выделены этапы этого процесса: встраивание новых земель в административно-территориальную структуру государства – реципиента, перестройка социальной стратификации на новых землях, их административная и правовая унификация, углубленная интеграция. Установлено, что при вхождении земель Великого княжества Литовского в Российскую империю не были ликвидированы некоторые базовые экономические и социокультурные институты, что свидетельствует о сохранении отдельных элементов институциональной матрицы распавшегося социума и при прохождении им точки бифуркации.

The research focuses on the poorly studied process of a social system passing through a bifurcation point: birth and progress of a crisis – social collapse resulting in the disintegration of the society – recuperation via integration of a part of the disintegrated social structure into a new one. A fine example of such a process is given by the admission of a part of Rzeczpospolita (Grand Duchy of Lithuania lands) into the Russian Empire. Those events had a major impact on the ensuing historical path of Belarus, which makes it more urgent to be studied. Herein, we employ the institutional approach supplemented with the recently developed theory of institutional matrices. It is revealed that when a state is formed out of elements with essentially different institutional matrices, there becomes possible a transplantational dysfunction of institu-

tions, which in turn can initiate a crisis, capable, in case of a malfunctioning political system and disunited elites, of triggering a social collapse and (if there are interested «poles of power») the total disintegration of the society. The subsequent entry of its part into another social system constitutes one of the options of passing through a bifurcation point. Three stages of this process are distinguished: incorporation of the new lands into the administrative-territorial structure of the recipient state, rebuilding of the social stratification in the new lands, administrative and legal unification, and deep integration. It is shown that upon the admission of Grand Duchy of Lithuania lands into the Russian Empire some basic economic and sociocultural institutions were retained, which bears witness to the preservation of singular elements of the institutional matrix of the disintegrated society even during its passage through a bifurcation point.

Ключевые слова: социальная система, институциональный подход, базовые институты, институциональная матрица, дистрибутивные отношения, рыночные отношения.

Keywords: social system, institutional approach, basic institutions, institutional matrix, distributive relations, market relations.

Введение

Распад СССР и последовавшие за ним драматичные политико-экономические и социальные процессы на постсоветском пространстве актуализировали проблему социального коллапса и восстановления социума после него. Зачастую это предполагает интеграцию разрушившейся социальной структуры или ее части в другую систему, что приводит к кардинальным преобразованиям всей общественной жизни. Для их описания может быть использован институциональный подход, в соответствии с которым общество представляет собой социальную систему, образованную тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми подсистемами: экономической, политической и социокультурной. Каждая из них выполняет определенную функцию: экономическая сфера обеспечивает получение ресурсов для жизнедеятельности социума, политическая осуществляет его организацию для достижения поставленных целей, социокультурная создает фундамент коммуникативного взаимодействия и обеспечивает сохранение общественных норм при смене поколений. Согласованное действие подсистем обеспечивается посредством сложной системы *институтов* — «устойчивых моделей взаимодействий в социуме, определенных способов действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума» [1, с. 20], в которой можно выделить базовые институты, формирующие «*институциональную матрицу*» [2]. В ней одновременно присутствуют (как *доминантные* и *компенсаторные*) два типа институтов — рыночные и дистрибутивные [3, р. хix]. Зародившись в глубокой древности, указанные типы институтов прошли долгий путь эволюции, в результате которой осуществлялось изменение их форм в соответствии с технологическими укладами и условиями окружающего мира [4].

К экономическим институтам дистрибутивного типа относятся редистрибуция (аккумуляция — согласование — распределение) в качестве институтов обмена, общественно-служебная собственность, общественный/служебный труд и жалобы в виде обратной связи. Кроме того, как отмечает С. Г. Кирдина [2], можно выделить политические (государство унитарно-централизованного типа) и социокультурные (доминирование коллективных ценностей) дистрибутивные институты.

Институты рыночного типа: экономические отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд и прибыль как сигнальный институт «сбоев» в функционировании системы; политические — федеративные начала государственного устройства; социокультурные — примат прав и свобод личности [5].

Экономико-политическое состояние страны зависит от предшествующей институциональной эволюции и доминирующего в институциональной матрице типа институтов [6–9], что продемонстрировано на примере современных России [10–13] и Беларуси [14; 15].

Как правило, институциональная матрица социума достаточно устойчива [2]. Однако при определенных условиях может возникать «институциональная подвижность», для которой вся конструкция институтов становится зыбкой и неустойчивой, что может привести к гибели социума и последующему его восстановлению в результате интеграции с другим обществом. Суть осуществляемых при этом преобразований заключается во встраивании распавшейся социальной системы (или ее части) в институциональную матрицу социума-реципиента. Его изучению (на примере вхождения части Речи Посполитой — земель Великого княжества Литовского (ВКЛ) — в состав Российской империи) и посвящена настоящая работа. Исследование базируется на институциональном подходе, дополненном сравнительно-типологическим методом анализа.

Базовые институты Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой: возрастание «институциональной подвижности»

До Люблинской унии 1569 г. в институциональной матрице ВКЛ дистрибутивный тип являлся доминирующим. Институты редистрибуции функционировали в виде окончательно оформившегося при Витовте (1392–1430) централизованного государства и одаривания за службу должностями и землями из государственного фонда новой элиты (сформировавшей впоследствии магнатскую прослойку) и католического духовенства.

Рыночные институты, в свою очередь, проявили себя в товарно-денежных отношениях в городах и на селе, наличии Магдебургского права (первым право на городское самоуправление получил Вильно в 1397 г., в дальнейшем им пользовались 147 городов и местечек), зарождении субсидиарной, гуманистической идеологии, проповедующей ценность человеческой личности, но, самое главное, в толерантности к представителям различных народов и верований, даже юридически закрепленной в Третьем Статуте ВКЛ 1588 г.

Постоянная угроза как с Запада (со стороны Тевтонского и Ливонского ордена), так и с Востока (от Московского княжества) обусловили интеграцию с Польшей. Более плодородные земли королевства обеспечивали значительный прибавочный продукт, и отдельные хозяйствующие субъекты обладали большей автономией от центральной власти, функции которой сводились не к организации эффективного экономического взаимодействия, а к его поддержанию. Возможность людей относительно независимо от государства распоряжаться результатами своей хозяйственной деятельности предопределила то, что в Польше базовые институты рыночного типа играли более выраженную роль, чем в ВКЛ.

Создание в 1569 г. Речи Посполитой на основе федерации Польши и ослабленного внешними угрозами ВКЛ привело к трансплантации (термин введен В.М. Полтеровичем [16, с. 24]) ряда польских институтов в Великое княжество Литовское и стимулировало развитие институтов рыночного типа как в экономической, так и в других сферах, в первую очередь, в политической.

В ходе реформ Сигизмунда II Августа экономика ВКЛ была переустроена по польскому фольварочно-барщинному образцу. Панские хозяйства — фольварки — теперь выращивали зерно не для собственных нужд, а для продажи. Однако на полевых работах использовались не вольнонаемные рабочие, а крепостные, переведенные с характерного до этого оброка на барщину. Это тормозило преобразования на селе, поскольку крестьяне, не имевшие ни времени, ни возможности производить сельскохозяйственный продукт на своих наделах, оказались исключены из товарно-денежных отношений. Важными экономическими изменениями также являлись исчезновение чересполосицы и фактическая ликвидация крестьянской общины — ответственность за выполнение податей возложили не на нее, а на отдельные семьи.

В XVIII в. новым шагом в развитии рыночных институтов стали мануфактуры. Идея их активного создания на государственных землях ВКЛ связана с именем гродненского старосты Антония Тизенгауза. Однако организованные им предприятия были вотчинного типа, не использовавшими наемного труда. Частные же мануфактуры, одна из которых, построенная Радзивиллами в Слуцке, к примеру, производила легендарные пояса, вообще не сбывали товар на рынок, а только поставляли его ко двору своего хозяина-магната.

Политически Речь Посполитая после смерти последнего Ягеллона (1572) представляла собой образец дворянской демократии — выборную монархию, в которой король подчинялся двухпалатному сейму, действовавшему на основе равновесия сил. Принципы функционирования данного органа государственной власти оформились в Польском королевстве задолго до Люблинской унии и были распространены на единое государство в готовом виде. Среди политических институтов рыночного типа важную роль играло и местное самоуправление: городское в виде магистратов и шляхетское в виде сеймиков.

Политические особенности определили и социокультурную сферу ВКЛ. Шла активная экспансия католицизма, более склонного к принципу субсидиарности, нежели отличающееся цезаропапизмом православие. Получили распространение неизвестные в ВКЛ до унии идеи примата свободы, понимаемой, впрочем, как предоставление исключительных прав только шляхте.

Таким образом, после объединения с Польшей институты рыночного типа в институциональной матрице ВКЛ усилились. Однако взаимодействия были нестабильны, отсутствовали надежные и эффективные механизмы их функционирования. В частности, в Великом княжестве Литовском до 1569 г. право наследования осуществлялось по обычаям, зародившимся еще в Киевской Руси. Имущество, включая землю, делилось между всеми наследниками. После Люблинской унии в ВКЛ по образцу западных стран появился майорат: недвижимое имущество стало переходить к одному человеку — старшему сыну — и не могло быть поделено. Так сформировались огромные латифундии-ординации, которые были подобны отдельным государствам со своим налаженным хозяйством, административным аппаратом и даже войском. На территории современной Беларуси располагались наиболее крупные из них, включавшие по несколько тысяч деревень и несколько десятков городов. Их хозяева не подчинялись центральной власти, препятствовали осуществлению Магдебургского права в своих городах (Радзивиллы, к примеру, назначали глав магистратов, в то время как по закону те должны были избираться), использовали демократические институты Речи Посполитой в своих интересах путем подкупа шляхетских депутатов сейма, каждый из которых имел право *liberum veto*, позволяющее сорвать принятие любого решения, просто не согласившись с ним.

Таким образом, в ВКЛ наблюдалась *трансплантационная дисфункция*, приведшая в конце концов к кризису Речи Посполитую, институциональная неопределенность и подвижность базовых институтов которой обусловила нежизнеспособность государства. Имплантация экономических институтов рыночного типа (ликвидация крестьянской общины) совмещались с архаизацией общественных отношений («вторым изданием крепостничества»), демократизация политической сферы (предоставление исключительных по тем временам полномочий парламенту) распространялась только на одно сословие — шляхту, в то время как права всех остальных беспощадно ущемлялись. Подобные противоречия требовали неотложного разрешения.

Были возможны несколько путей выхода из кризиса: укрепление институтов рыночного типа (Речь Посполитая могла распространить шляхетские привилегии на другие сословия, отменить крепостное право и превратиться в республику наподобие голландской Республики Соединенных провинций); подавление рыночных институтов, чтобы доминирующими во всех сферах стали институты редиистрибуции (Речь Посполитая могла урезать шляхетские привилегии, укрепить королевскую власть, запустить процесс централизации государства, что

предлагал Четырехлетний сейм 1788–1792 гг.); распад институциональной матрицы сопровождающийся социальным коллапсом. Раскол политических элит, обусловленный наличием неуправляемой прослойки магнатов, и дисфункциональность политической системы предопределили резкое нарастание нестабильности институциональной матрицы, при котором повысилась роль экзофакторов. В качестве таковых для Речи Посполитой выступил союз сильных противников: Австрии, Пруссии и России, принявших решение о ее разделе.

Трансформация базовых институтов земель ВКЛ в составе Российской империи

58

После включения земель ВКЛ в состав Российской империи наблюдается процесс их вхождения в институциональную «матрицу Московии с характерными для нее централизмом, условностью права собственности, особенным правовым регулированием и принудительной мобилизацией» [17, с. 179–188]. Процесс этот растянулся более чем на столетие, в нем выделяют несколько этапов.

Первый этап (1772–1796) — встраивание новых земель в административно-территориальную структуру Российской империи, руководствуясь *принципом унификации*. К новоприобретенным землям был тот же подход, что и к российским; на их дворянство распространялись те же привилегии, изложенные в «Жалованной грамоте дворянству 1785 г.» при единственном условии, состоявшем в присяге императрице. В ходе губернской реформы 1775 г. новые административные единицы образовывались без учета их исторического прошлого — главным критерием было приблизительно равная численность населения¹. Во главе губернии стоял губернатор, назначаемый и при необходимости смещаемый лишь по распоряжению государя. Отметим, что в Речи Посполитой воеводы, возглавлявшие административные единицы (воеводства), назначались королем *пожизненно*; отстранены же от должности они могли быть только по решению сейма при наличии серьезных юридических оснований, например, доказанных злоупотреблений.

Избираемым чиновником в новой системе был только земский исправник, за кандидатуру которого голосовало уездное дворянство и который руководил уездной полицией. После 1862 г. эта должность тоже стала назначаемой.

Таким образом, в государственном управлении земель бывшего ВКЛ усилились институты дистрибутивного типа.

В этот же период был осуществлен ряд других мероприятий, направленных на укрепление дистрибутивных институтов. В «губерниях, от Польши возвращенных» Магдебургское право заменено на Жалованную грамоту городам 1785 г. Последняя предусматривала городское самоуправление, однако избираемые должности подлежали утверждению центральной властью.

¹ Губернская реформа 1775 года. URL: <https://www.prlib.ru/history/619731> (дата обращения: 21.09.2020).

В 1791 г. Екатериной II введена черта постоянной еврейской оседлости. Евреи утратили свободу выбора места жительства, им было запрещено (с некоторыми исключениями, например, при наличии высшего образования, что было и среди нееврейского населения чрезвычайной редкостью) селиться за пределами территорий бывшей Речи Посполитой и в сельской местности, так как их влияние считалось губительным для крестьянства, рассматриваемого как опора самодержавия². Институционализированный антисемитизм сохранялся в Российской империи вплоть до революции 1917 г. и являлся значимым отступлением от традиций толерантности ВКЛ и Речи Посполитой.

Рекрутский набор, существенно укрепляющий регулярную армию, вводился в Речи Посполитой решением Четырехлетнего сейма 1788—1792 гг., однако окончательно закреплен был уже российской властью. Продолжительность службы в 1793—1834 гг. составляла двадцать пять лет.

Примечательно, что экономическая сфера новоприобретенных территорий не реформировалась. Были сохранены фольварки и ординации, которые не существовали в России, так как Екатерина II не решилась трогать экономические институты. Наоборот, фольварки стали появляться и в тех регионах, где они не наблюдались до разделов Речи Посполитой. В частности, генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев обустроил фольварочное хозяйство в полученном от императрицы Гомеле. Это свидетельствует о возможности перенесения некоторых институтов распавшейся социальной системы на социум-реципиент.

Второй этап (1796—1830) — борьба с основами «шляхетской демократии», вылившаяся в перестройку социальной стратификации на новых землях и подавление противников интегрирования земель ВКЛ в Российскую империю.

Был реализован ряд мер по приведению сословного деления на присоединенных территориях в соответствие с таковым в России, что преследовало двоякую цель: во-первых, обеспечить в последующем единое правоприменение; во-вторых, предотвратить возможность протестных выступлений наподобие восстания Тадеуша Костюшко 1794—1795 гг.

Среди этих мер центральное положение занимал *разбор* шляхты. В результате раздела Речи Посполитой возникла проблема: на новых землях шляхетское сословие составляло ~12 % всего населения и обладало значительно большими в сравнении с российским дворянством привилегиями.

В 1808 г. были изданы два указа, предписавшие шляхте предоставить доказательства своего происхождения, оформленные по правилам Российской империи. Дважды (в 1811 и 1816 гг.) проводилась ревизия имевших шляхетство. Не подтвердивших свое происхождение записывали вольными хлеборобами, государственными крестьянами, мещанами.

² Черта оседлости. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/14679/> (дата обращения: 19.10.2020).

Желая подчеркнуть, что времена «золотой вольности» канули в лету, в 1797 г. российские власти совершают символический акт: дворец великих князей литовских в Вильно приказано снести до основания.

В 1823 г. происходит самый крупный судебный процесс над студентами в Европе: разгромлены тайные патриотические общества филоматов и филаретов, членом одного из которых, к примеру, был Адам Мицкевич.

Данные меры в значительной степени послужили причиной Ноябрьского восстания 1830 г.

Третий этап (1831 – 1863) – административная и правовая унификация западных губерний. Восстание 1830 г. ускорило процессы вхождения присоединенных территорий в правовое поле Российской империи. Для их координации в 1831 г. был создан Комитет западных губерний [18].

Демонтаж политических институтов ВКЛ достиг пиковой активности. В начале 1831 г. в Могилевской и Витебской губерниях, а в 1840 г. во всех западных губерниях было отменено действие Третьего Статута ВКЛ 1588 г.

Униатская церковь была ограничена в правах еще Екатериной II, однако только в данный период вопрос был решен окончательно. Полоцкий собор 1839 г. передал униатские приходы западных губерний Русской православной церкви. Отныне церковь на территории бывшего ВКЛ стала управляться Синодом, возглавляемым светским обер-прокурором.

Изменения коснулись и системы образования. На смену иезуитским коллегиям и униатским школам базилиан пришла система православных церковно-приходских школ. В 1832 г. как рассадник антиросийских настроений закрыт Виленский университет.

Одновременно по указу 19 октября 1831 г. осуществлялся крупнейший разбор шляхты, в соответствии с которым в сословие однодворцев и граждан было переведено около 200 тыс. проживавших в городах, а «нижние» слои шляхетского населения были записаны крестьянами. Ревизии списков бывших шляхтичей проводились в 1842 и 1847 гг.

С целью укрепления своей социальной опоры на присоединенной территории царское правительство начало активно раздавать здесь земли с крестьянами русским помещикам, крупным военачальникам, государственным чиновникам. Развитие сельского хозяйства имело приоритетное значение, вследствие чего на территории Беларуси был открыт Горы-Горецкий земледельческий институт.

В то же время западные губернии стали своеобразным «полигоном», где обкатывался вариант необходимой России аграрной реформы. В 1839 г. Николай I подписал «Положение о люстрации государственных имуществ в западных губерниях и Белостокской области». Реформа предусматривала следующие мероприятия: «описание всех государственных имуществ и точное определение повинностей государственных крестьян в зависимости от их хозяйственного положения; перевод малоземельных и безземельных крестьян в разряд тяглых или полутяглых путем передачи в их собственность полевых наделов, сено-

косов, рабочего скота, необходимого инвентаря; прекращение сдачи государственных поместий в аренду и постепенный перевод государственных крестьян с барщины на оброк»³. Замена барщины на оброк, признание за крестьянами гражданской свободы, права на получение наследства и собственности, занятие торговлей и промыслами — главные итоги реформы.

В 1844 г. начались работы по реформированию системы взаимоотношений помещиков и крестьян. В результате к 1852 г. были введены *инвентарные* правила, предусматривавшие сохранение за крестьянами земли, находившейся в их пользовании. Однако сопротивление помещиков мешало практическому применению этих правил. Помещичья собственность осталась нетронутой.

Девятнадцатого февраля 1861 г. был подписан Манифест и «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»⁴. Примечательно, что в Беларуси были использованы два варианта «Положения»: одно — для Витебской и Могилевской, другое — для Виленской, Гродненской и Минской губерний. Это закрепило *цивилизационный разлом* между восточной и западной частью Беларуси.

Четвертый этап (1863–1917) — углубленная интеграция западных губерний в состав Российской империи. Александром II 20 сентября 1862 г. был создан *Западный Комитет*. Его целью стала разработка стратегии, которая предотвратила бы дальнейшие попытки сепаратизма на этих землях.

Одним из авторов и вдохновителей стратегии явился министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, считавший Северо-Западный край «окончательно русским, составляющим древнее достояние России»⁵. В качестве опоры для ее реализации М. Н. Муравьев рассматривал Русскую православную церковь, которой предлагалась государственная поддержка: улучшение материального положения духовного сословия, наделение его достаточным количеством земли, реализация обширной программы ремонта и строительства православных храмов. Кроме этого, предусматривалось развить систему народного образования «в духе православия и русской народности»⁶.

В 1868 г. сословия однодворцев и граждан, специально использовавшиеся для описания правового статуса бывших шляхтичей в западных губерниях, ликвидировались. Отныне сословная структура присоединенных земель окончательно приводилась в соответствии с таковой в остальной империи.

³ *Высочайше* утвержденное положение о люстрации государственных имуществ Западных губерний и Белостокской области. URL: https://runivers.ru/lib/anons.php?ID=63702&IBLOCK_ID=36 (дата обращения: 17.09.2020).

⁴ *Обозрение* высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. URL: <https://www.prlib.ru/item/433432> (дата обращения: 15.09.2020).

⁵ *Докладные записки* министра государственных имуществ Муравьева М. Н. Александру II по вопросам устройства северо-западного края и ведомости о числе учащихся в Виленском учебном округе. URL: <https://www.prlib.ru/item/466041> (дата обращения: 08.09.2020).

⁶ Там же.

Вместе с этим был принят ряд законов, направленных против католиков и евреев. Так, например, им было запрещено покупать казенные и частные земельные владения. Помещики польского происхождения облагались контрибуцией (от 10 % и выше своих доходов они были вынуждены выплачивать государству). В мае 1882 г. правительство запретило евреям в пределах черты оседлости проживать вне городов и местечек. Кроме того, для католиков вводились ограничения набора в высшие учебные заведения. Католики и евреи не могли приниматься на государственную службу.

Предпринят ряд мер по сдерживанию уровня образования населения. В 1864 г. закрыто единственное на белорусских землях высшее учебное заведение — Горы-Горетский земледельческий институт. Уменьшилось число учреждений среднего образования при одновременном значительном увеличении количества начальных школ, был открыт ряд учительских семинарий.

С целью увеличения численности православного населения в белорусских губерниях, согласно закону от 13 июля 1889 г., введено ограничение на переселение крестьян на свободные земли, практиковавшееся в Центральной России.

Отмена крепостного права обусловила необходимость проведения ряда реформ: земской, судебной, городского самоуправления, военной. Однако в западных губерниях они были проведены позже и со значительными изменениями в сравнении с общероссийскими нормами, что обусловлено, в первую очередь, борьбой с восстанием 1863 г. и его последствиями. Так, например, *земская* реформа 1864 г. распространена на территорию Беларуси только в 1911 г. и коснулась лишь Витебской, Минской и Могилевской губерний. В Виленской и Гродненской губерниях, где значительным было число католиков, земства, даже невыборные, отсутствовали. Это определило особенности реализации *судебной* реформы: судьи здесь не избирались, а назначались министром юстиции из числа лояльных правительству помещиков.

Реформа *городского самоуправления* на территории Беларуси была проведена 1875 г. Однако в 1892 г. утверждено положение, предусматривавшее усиление государственного контроля за деятельностью городских органов управления. От выборов устранялись евреи, составлявшие в Беларуси большую часть городского населения вследствие черты оседлости.

В целом, к началу XX в. Северо-Западный край (бывшее ВКЛ) был окончательно интегрирован в институциональную матрицу Российской империи, следствием чего явилась кардинальная институциональная перестройка всех сфер (экономической, политической, социокультурной) и трансформация «колеи» развития Беларуси.

Заключение

Таким образом, как показывает исторический опыт ВКЛ, причиной кризиса общественной системы зачастую является нарушение баланса институциональной матрицы, вызванного имплантацией институтов

из альтернативных институциональных матриц без создания механизмов, препятствующих их отторжению и нежелательной мутации. Однако лишь в условиях дисфункциональности политической системы и раскола политических элит этот кризис может привести к социальному коллапсу, который при наличии заинтересованных «полюсов силы» завершается распадом социума.

Процесс встраивания его осколков в социальные системы стран-реципиентов весьма продолжителен и, как правило, включает следующие этапы: встраивание новых земель в административно-территориальную структуру принимающего государства, перестройка социальной стратификации на новых землях, их административная и правовая унификация и, наконец, углубленная интеграция.

Однако, несмотря на решительные действия Российской империи в отношении присоединенных территорий, некоторые институты не были ликвидированы (в частности, фольварочно-барщинная система хозяйствования, распространенная в западной части белорусских земель, и католицизм). Это свидетельствует о сохранении отдельных элементов институциональной матрицы социума и при прохождении точки бифуркации.

Список литературы

1. Дюргейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
2. Курдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб., 2014.
3. Polanyi K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N. Y., 1977.
4. Бессонова О. Э. Контрактный раздаток и солидаризм — новая веха российской матрицы // Мир России. 2019. №1. С. 7–31.
5. Бархвостов П. А. Особенности цивилизационного пограничья: интегрально-институциональный анализ // Вестник Гродненского университета. Сер. 1. 2020. Т. 12, №1. С. 119–126.
6. Заславская Т. И. Человеческий фактор в трансформации российского общества (публичная лекция) // Полит.Ру. 2005. URL: <http://polit.ru/article/2005/10/13/zaslavskaya/> (дата обращения: 21.09.2020).
7. Чернецова Н. С., Теплов Г. В. Структура современной институциональной матрицы // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. №4. С. 117–125.
8. Борщ Л. М. Концепция институциональной организации общественных отношений редистрибутивной и рыночной экономик // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №8–1. С. 144–151.
9. Матвеев А. А. Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России // Управленческое консультирование. 2019. №4. С. 107–113.
10. Елисеев С. М. Модернизация российского общества в контексте теории институциональных матриц // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, №3. С. 38–49.
11. Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации // Век глобализации. 2016. №4. С. 100–114.
12. Булетова Н. Е., Кузибецкая Г. В., Лебедева Е. В. Институциональные основы развития российских регионов: интерпретация XXI века // European Social Science Journal. 2015. №5. С. 20–28.

13. Лубский А. В. Институциональная матрица естественного государства и социальный порядок в России // Политическая концептология. 2016. №4. С. 114–123.

14. Ксензова В. Э., Ксензов С. В. Особенности эволюции и современного состояния институциональной среды экономики Беларуси в контексте концепции X-матрицы // Journal of Institutional Studies. 2013. Т. 5, №1. С. 145–156.

15. Лученок А. И. Совершенствование институциональной матрицы белорусской экономической модели // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / под ред. С. Ю. Солодовникова. Минск, 2016. Вып. 4. С. 102–112.

16. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. №3. С. 24–50.

17. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М., 2015.

18. Лепеш О. В. Комитет Западных губерний (1831–1848 гг.): обстоятельства создания и механизм действия // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 2 / пад рэд. У. К. Коршук. Мінск, 2007. С. 139–142.

64

Об авторе

Павел Александрович Баракхвостов — канд. полит. наук, доц., Белорусский государственный экономический университет, Беларусь.

E-mail: barakhvostov@yandex.by

The author

Dr Pavel A. Barakhvostov, Associate Professor, Belarusian State Economic University, Belarus.

E-mail: barakhvostov@yandex.by

Ю. Э. Шустова

КЁНИГСБЕРГСКИЕ КИРИЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ КАЛЕНДАРЕЙ 1720-х ГОДОВ В СОБРАНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

65

Рассматриваются издания кёнигсбергской кириллической типографии первой трети XVIII в. Ее основатель и издатель Василий Корвен-Квасовский, профессор математики Пражского университета, стал автором календарей, которые печатал для православного населения разных стран, прежде всего России. Всего известны четыре календаря его авторства, три из которых напечатаны в Кёнигсберге. В статье рассматриваются два издания – календари на 1727 и 1730 гг. Экземпляры этих изданий хранятся в собрании Российской государственной библиотеки. Анализируются библиография этих изданий, содержание, описываются экземпляры. Используются методы источниковедения, исторической хронологии, библиографии, книговедения. Делаются выводы о том, что кёнигсбергские издания календарей Корвен-Квасовского являются оригинальными сочинениями, показывающими знания автора в календарно-хронологической области своего времени, выполняющими практическую и просветительскую функции. Календарь на 1727 г. включал оригинальный авторский текст «Домашнего лечебника», а календарь на 1730 г. – первую главу учебника арифметики. Три экземпляра календарей из собрания Российской государственной библиотеки содержат читательские пометы, экслибрисы владельцев этих книг, тем самым показывают их функционирование в культуре.

The article focuses on the publications of the Königsberg Cyrillic printing house of the first third of the XVIII century. Its founder and publisher Vasily Korven-Kvasovsky, professor of mathematics at the University of Prague, became the author of calendars. Their target audience was the Orthodox population of different countries, primarily Russia. In total, he is established to have been the author of four calendars, three of which are printed in Königsberg. Two publications are studied in the article – calendars for 1727 and 1730. Copies of these publications are kept in the collection of the Russian State Library. The bibliography of these publications is analyzed, the content is examined, and copies of books are described. The analysis relies on source study, historical chronology, bibliography, book science. The Königsberg editions of the Korven-Kvasovsky calendars are found to be original works which rely on the author's knowledge in the field of calendar-chronological of his time that performed practical and educational functions. The calendar for 1727 included the original author's text of the "Home Healer", and the calendar for 1730 included the first chapter of the arithmetic textbook. Three copies of calendars from the collection of the RSL contain readers' comments on the margins, their ex libris, which is a certain sign of the cultural value.

Ключевые слова: кёнигсбергская кириллическая типография, Василий Корвен-Квасовский, календарь, прогностик, астрономия, астрология, лечебник, арифметика.

Keywords: Königsberg Cyrillic typography, Vasily Korven-Kvasovsky, calendar, prognostic, astronomy, astrology, medical book, arithmetic.

В истории книгопечатания календари занимают особое место. На смену Месяцесловам, ориентированным на церковный счет времени, приходят новые по своему типу календари, сочетающие научную, общественно значимую, светскую информацию разной тематики. Если светские печатные календари в Западной Европе начинают издаваться с XV в., то в кириллическом (гражданском) книгоиздании эта книга появляется только с начала XVIII в. Календари включали не только календарные сведения, но и полезную и практически значимую информацию: прогностические сведения, практические советы по сельскому хозяйству и медицине, материалы исторического и географического содержания и пр. Практические сведения и рекомендации, краткость и простота изложения делали календари весьма востребованными среди разных слоев населения. В силу специфики этих книг, которые предназначались для использования в течение одного года, их характеризует низкая степень сохранности. Многие издания не уцелели, дошедшие до нас экземпляры часто дефектны. Изучение сохранившихся экземпляров календарей XVIII в., хранящихся в разных библиотеках, является актуальной задачей, так как это разноплановые исторические источники, содержащие календарно-хронологическую, астрономическую, астрологическую информацию, это важные источники по истории научного знания, истории повседневности. Каждый экземпляр сохранившегося календаря интересен также историей своего бытования, позволяющего реконструировать круг его читателей. В последнее время возрос интерес исследователей к календарям, хранящимся в отечественных и зарубежных собраниях. Появились работы о немецких календарях XVII–XVIII вв. из собрания библиотеки Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта [7, с. 210–217], о календарях гражданского шрифта из собрания Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси [8], о киевских кириллических календарях из собраний Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского [1, с. 648–657] и Российской государственной библиотеки [18, с. 35–54].

Данная работа посвящена календарям на 1727 и 1730 гг., изданным Василием Корвен-Красовским в Кёнигсберге. Это единственные два издания, напечатанные в этой типографии. В работе рассмотрена история библиографии этих изданий, проводится их источниковедческое исследование, описываются экземпляры, хранящиеся в Научно-исследовательском отделе редких книг Российской государственной библиотеки.

О Василии Корвен-Красовском известно крайне мало. Он родился в Дрогобыче [6, с. 64], также как и Юрий (Георгий) Михайлович Дрогобыч (Котермак) – первый восточнославянский ученый астроном, опубликовавший свой труд «Прогностическая оценка текущего 1483 года» [19] («Iudicium pronosticon Anni M.cccc.lxxxiii») печатным способом. Красовский получил хорошее образование, учился, видимо, в Краковском университете. Он преподавал сначала в Краковском университете, а потом в Пражском, где был учителем свободных искусств и философии, профессором математики и военной архитектуры. В 1718 г. он издал «Греческий, римский и еврейский календарь», как указано на ти-

тульном листе, в «широтѣ российского града Черниѳгова». В «Предисловии» Василий Корвен-Квасовский говорит, что преподнес архиепископу черниговскому и новгород-северскому Антонию Стаховскому свой труд «изо всех учений математических наименшую часть календарнографіею», который он хотел напечатать в епископской черниговской типографии «во весь мир российский посылати дерзаю» [2, №119, с. 207]. Известен единственный сохранившийся экземпляр, хранящийся в Библиотеке Российской академии наук. Черниговская Троицко-Ильинская типография в начале XVIII в. была крупным издательским центром, в которой работали талантливые профессиональные печатники, талантливые граверы, она имела собственную бумажную мельницу [4, с. 222]. Календарь Василия Корвен-Квасовского резко отличается от черниговских изданий того времени. Оно напечатано весьма небрежно, все линии искривленные, мелкий шрифт, плохая бумага, филиграней не видно. В книге имеется одна заставка, которая ни разу не повторялась в изданиях черниговской типографии. Т.Н. Каменева предположила, что книга была напечатана или частным порядком в типографии Троицко-Ильинского монастыря, или в типографии Квасовского. Она отметила, что, несмотря на то что календарь посвящен черниговскому епископу Антонию Стаховскому (в предисловии он назван «моим патроном и благодетелем»), он был удивлен выходом в свет книги и жаловался гетману Украины Ивану Скоропадскому на самостоятельные издания Квасовского, вышедшие с именем епископа [4, с. 223]. Видимо, не снискав поддержки в издании своих трудов в Чернигове, Корвен-Квасовский решает завести свою типографию. Сделать это в России было невозможно, да и за ее пределами в крупных городах, где уже существовали типографии, печатавшие кириллические книги, весьма затруднительно.

В 1721 г. Василий Корвен-Квасовский в Данциге приобрел часть типографии Павла Патера (Paulus Pater). Это были материалы типографии Ильи Копиевского, состоявшей из нескольких наборов пунсонов и матриц. Во время пребывания в Данциге Копиевский пытался наладить издание календарей для России совместно с Павлом Патером. Однако этот проект не был реализован. Павел Патер издавал книги латинскими шрифтами, а кириллические им так и не были использованы. Пунсоны и матрицы Копиевского и приобрел Квасовский для реализации своего замысла издания русских календарей собственного сочинения.

Он прибыл в Кёнигсберг, где стал тайным секретарем короля Пруссии и «присяжным транслятором», то есть официальным переводчиком с русского и польского языков. Ему удалось получить право завести свою типографию. Привилей Фридриха Вильгельма I на основании Квасовским типографии для издания книг на польском, русском, славянском, немецком и латинском языках датирован 11 ноября 1727 г. Первый календарь, напечатанный в типографии Василия Корвен-Квасовского, вышел в 1727 г. Это был календарь на 1727 г. Возможно, он был напечатан еще до получения официального права издавать книги. Календарь на 1730 г. является вторым известным изданием этой типографии.

Календарь Корвен-Квасовского на 1727 г. впервые обстоятельно был описан Д. М. Перевозчиковым в статье, посвященной обзору русских календарей, опубликованной в 1854 г. [10, с. 509–604]. Перевозчиков отметил, что это так называемый двойной календарь, которые содержит «старый православный и новый Римский», о чем говорится на титульном листе книги. Он указывает все посвящения, имеющиеся в календаре, отмечает особенности его оформления, перечисляет все статьи, входящие в состав книги. Автор статьи делает выводы о том, что календарь Квасовского «замечателен своей полнотою, и, кажется, он послужил образцом для календарей Санкт-Петербургских» [10, с. 526–528].

В библиографии впервые издание календаря Корвен-Квасовского было описано И. П. Каратаевым. Он описывал экземпляр, находящийся в библиотеке академии наук, «календарь старий православный и новий римский, на лето Господне 1727, и проч., изданный Василием Корвен-Квасовским, в Кёнигсберге (1727 г.)». Кроме того, Каратаев указал формат издания – in-4° и объем – 20 листов [5, №1554, с. 200]. Этот же экземпляр указал в «Очерке славяно-русской библиографии» В. М. Ундольский [15, №1760, стб. 179].

Календарь на 1727 г. имеет посвящения, напечатанные на латыни в два цвета. Обращает внимание число людей, которым посвятил Василий Корвен-Квасовский свой труд, а именно: архиепископу Новгородскому Феофану Прокоповичу, архиепископу Тверскому и Кашинскому Феофилакту Лопатинскому, епископу Ростовскому и Ярославскому Георгию Дашкову, епископу Псковскому, Нарвскому и всей Ливонии Рафаилу Заборовскому, архимандриту Санкт-Петербургского Александро-Невского монастыря Петру (Смеличу), епископу Рязанскому и Муромскому Гавриилу Бужинскому, архимандриту московского Чудова монастыря Феофилу Кролику, епископу Вологодскому и Белозерскому Афанасию Кондоиди. Это не только влиятельные церковные иерархи, но и люди образованные, внесшие большой вклад в развитие образования и просвещения в России.

Издание напечатано двумя красками, имеются наборные украшения. Текст набран кириллическим и латинским (латинский и польский языки) шрифтами. Начиная с л. [2] внизу страницы имеются авторские отметки: «В. 1727.», «С. 1727.», «D. 1727», «E. 1727.», «F. 1727» (л. [6], [10], [14], [16]), что указывает на автора и время издания его сочинения.

Начинается календарь с указания эр – лет, прошедших от важнейших библейских и исторических событий: Рождества Христова; Сотворения мира по хронографам греческим, римским и раввинским; введения календарей юлианского и григорианского; начала четырех монархий (Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской); бегства «Махомета треклятого, пророка Турецкаго»; коронавания Петра I; смерти Петра I; рождения императрицы Екатерины Алексеевны; ее коронации; рождения внука Петра I Петра Алексеевича и его дочерей Елисаветы, Анны, Марии и Маргариты; начала русского флота; крещения Русской земли; победы под Полтавой; открытия пороха, изобретения

книгопечатания, подзорной трубы; позволение свободного отправления православия в «Кролевци Прусском», то есть в Кёнигсберге. Обращает внимание, что значительное число дат, связано с историей России, но также отмечено получение права отправления православных богослужений в Кёнигсберге в 1720 г. Также важным является то, что в числе важных исторических вех указаны научные изобретения, оказавшие заметное влияние на мировую историю. Такой же раздел был и в календаре Квасовского на 1719 г., изданном в Чернигове, но он несколько отличается от раздела календаря на 1727 г., где отмечены и другие важные события мировой истории, а также указывались события, важные для истории украинских земель. Это позволяет понять, на какую читательскую аудиторию рассчитывал издатель. Черниговский календарь на 1719 г. должен был получить распространение среди украинского населения, а вот кёнигсбергский на 1727 г. — в России, о чем свидетельствуют и имена лиц, которым издание было посвящено.

Собственно календарная часть начинается словами «Во имѣ Іисусово, всѣмъ православімъ людемъ, ѿ Господѣ нашемъ, благодать, миръ, и здравіе». Здесь приводится краткая пасхалия «по чину православно каѳолической Церкви... по изчисленію новаго календаря грегорианского и старого юлианского» на 1727 г. Дата Пасхи, 2 апреля, и другие подвижные даты приведены по юлианскому календарю.

Здесь же приводятся условные обозначения знаков Зодиака («12 знаменіи Зодіи»), планет («Сѣмъ планетъ», «Зрѣнія планет», «Четвер: м(е)с(е)ця») и других условных обозначений, используемых в календаре.

Каждому месяцу отведено по две страницы. Таблица построена по количеству дней в месяце, которые располагаются вертикально. Месяц делится на недели. Над каждой неделей месяца указаны чтения из Апостола и Евангелия. Материал располагается в девяти столбцах: 1) месяцеслов православной церкви («по старомъ греческомъ стилю», то есть по юлианскому календарю); 2) счисление по древнеримскому календарю, на латинском языке («По Рим.[скому] ветхо.[му] стилю»); 3) восход и заход Луны; 4) вступление луны в знаки Зодиака; 5) восход Солнца; 6) заход Солнца; 7) аспекты планет, предсказание погоды, фазы луны, несчастливые дни, а также дни, в которые нельзя стричь волосы, рубить лес, отнимать детей от груди, принимать слабительное и пускать кровь («Зрѣніе планетъ, ѿмена воздуха и выборніе днѣ до всякихъ дѣлъ угоднихъ и неугод:[ных]»); 8) католический месяцеслов, на польском языке по григорианскому календарю (указывается название месяца, «powu 1727»); 9) указание событий из священной истории Ветхого и Нового Заветов и из светской истории (сообщаются названия месяца книжное и народное, количество дней в месяце («3 гисторіи церковной и писма Святого вещи памяти годніе», вариант: «3 гисторіи церковной и писма Святаго вещи памати достоиніе»)).

Нижняя строка календарной таблицы на каждой странице отведена для различных рецептов и медицинских советов «Аптека домова». Текст краткого домашнего лечебника располагается последовательно на протяжении всех календарных страниц.

Заканчивается книга небольшим трактатом «Общее астрологическое мнѣніе сие есть вкладъ тихъ вещи, которіе, з небесныхъ бѣговъ, и положенія звѣздъ, ѿ ѿмѣнъ воздуха, и прочіихъ на небѣ случающихся познати мощно». Трактат состоит из трех глав. В первой — «Обще о годѣ» — объясняются такие понятия как год солнечный или тропический, звездный, лунный и принципы построения календарей — солнечного у древних египтян, солнечно-лунного у евреев, юлианского и григорианского. Во второй главе — «Об частехъ года, и приключаящихся году» — имеются разделы «Об зимѣ и состоянію ея», «Об веснѣ и состоянію ея», «Об лѣтѣ и состоянію», «Об ѱсени и состоянію ея», «Съяти щипити и ѿ плодородію», где дается краткая характеристика времен года, говорится о астрологических явлениях для каждого времени года и о состоянии здоровья. В разделе о весне помещено двустишие:

«Силъ бѣ утварь, егда, миръ произведеннїи,
Весною поитиннѣ, весь бѣ украшении».

В последнем разделе главы приводится легенда о том, как человек получил знание о том, как сеять различные культуры и прививать деревья.

В третьей главе «Об затмѣнію» сообщается о предстоящих в 1727 г. двух солнечных затмениях: первое — 10 марта, невидимое в восточно-европейских странах, второе — 4 сентября. Здесь же имеется раздел «Континулциа аптеки домової», в которой даются некоторые медицинские советы и рецепты. Заканчивается глава разделом «До любоумдрцевъ», в которой говорится о предстоящих пяти затмениях в 1736 г., о прохождении Меркурия через Солнце, дана ссылка на таблицы Джованни Кассини о возможности наблюдать комету.

В календаре имеется четыре варианта названия месяцев (табл.). Это восходящие к латинским названия, пришедшие в восточнославянскую традицию с переводными богослужебными книгами, поэтому часто называвшиеся «книжными», и в таком виде утвердившиеся в русском языке. Также даются народные названия месяцев, употребляемые в украинском и белорусском языках. Однако народные названия в разных регионах имели свои особенности и их различия для народного календаря XVII—XVIII вв. изучены недостаточно [18, с. 229—239]. Квасовский использует польские названия месяцев для народного календаря, за исключением лишь одного месяца — апреля, который назван здесь «квѣтень». Поэтому данный календарь является важным источником для изучения народных названий месяцев. Также названия месяцев в календаре приводятся на латинском (в сокращенных формах) и польском языках. Следует отметить, что в современном польском языке апрель месяц называется «kwiecień», а Кровен-Квасовский использует латинизированный вариант «april». Интересно, что в экземпляре календаря из собрания РГБ рядом с польским названием от руки вписано: «kwiecień».

Названия месяцев в календаре на 1727 г.

Церковнославянский язык	Латинский язык	Польский язык	Украинский язык
Генварь	Ianuar.[ius]	Styczen	Стичень
Февруарій	Febr.[uarius]	Luty	Лютий
Марть	Martii	Marzec	Марть
Априль	Aprilis	April	Квѣтень
Маїи	Maji	May	Маї
Іунїи	Iunij	Cerwiec	Червень
Іулїи	Iulij	Lipiec	Липець
Августъ	Augusti	Sierpien	Серпень
Септеврїи	Septembris	Wrzesien	Вресень
Октоврїи	Oktob.[er]	Pazdiernik	Паздерникъ
Ноеврїи	Nov.[ember]	Listopad	Листопадъ
Дукаврїи	Dec.[ember]	Grudzien	Грудень

В разделе «3 гисторїи церковной и писма Святого вещи памяти годніе», кроме указаний событий из Ветхого и Нового Заветов, приводятся самые разнообразные сведения. В их числе сведения из житий святых, дни памяти которых отмечаются в каждом месяце, причем указаны святые как православной, так и католической церкви. Значительное число сообщений о поставлениях и кончинах римских пап. Однако здесь много ошибок. Например, среди майских событий указано: «Іоанї 20 и 21 папи померли 1277 года». В 1277 г. скончался папа римский Иоанн XXI, а папы Иоанн XX в истории не существовало. До окончательного выяснения путаницы с нумерацией римских пап Иоанном XX называли папу Иоанна XIX, который был понтификом в 1024–1032 гг. В числе июльских дат сообщается: «Корніїї папа поставлен 253 года», в то время как папа Корнилий в 253 г. умер.

Также уделяется внимание событиям всемирной истории. В этих сообщениях есть ошибки и неточности. Помещение их в число событий того или иного месяца чаще всего не соответствует историческим реалиям. Например, в числе апрельских дат отмечено взятие Рима: «За Клемента 8 цесарские Римъ взяли 1527 года». Корвен-Квасовский сообщает о событии, вошедшем в историю как «Разграбление Рима» – взятие Вечного города императором Священной римской империи Карлом V, в результате чего папа Климент VII (а не VIII, как указано в календаре) был осажден в замке св. Ангела. В числе июньских событий сообщается о сожжении Яна Гуса: «Іоанна Гуса спалено в Констанциї». Ян Гус был казнен по решению Констанцского Собора 6 июля 1415 г. Под 15 июля отмечено взятие Иерусалима во время Первого крестового похода войсками Готфрида Булонского (15 июля 1099 г.), который стал правителем новообразованного Иерусалимского королевства: «Гофредъ Булліо Ерусалимъ взять 1099 года». Правильно указана и дата смерти Готфрида Булонского – 18 июля, но год кончины (1100) не указан: «Гофредъ Булліо в Ерусалимѣ померъ». В соответствии с историческими реалиями под датой 24 августа значится захват Рима готами

(410 г.): «Первіи раз Рим ꙗко Готтовъ плѣненъ», 12 сентября — Венская битва «Въсина ꙗко турок освобождена 1683 года», 26 сентября — начало осады Вены войсками Сулеймана Великолепного: «Въениу турки облегли 14000 войска, года 1529» (в современной историографии утвердилось мнение о численности войска турок не менее 120 000 человек).

Многие из приводимых сведений можно отнести к числу природных катаклизмов или необычных природных явлений. Например, сведения о землетрясениях «В Аргентине трус костель и вежу сломил» (15 января, без указания года). Также в числе февральских событий отмечено землетрясение: «Въ Константинопо: [ле] церковь трусомъ падшую Юстинѣанъ сожидаетъ». Речь идет о землетрясениях при византийском императоре Юстиниане I в 557 и 558 гг., в результате которых сильно пострадал храм св. Софии, в том числе обрушился купол, который восстанавливали четыре года. Под 6 ноября указано, что «В Краковѣ велика свѣтлость в подобію креста на небѣ видѣнна».

Включение в календарь рецептов народной медицины должно было привлечь читателей к изданию и сделать его максимально полезным в повседневном использовании. «Аптека домова» отличается краткостью рецептов. Они содержат указание на недуг и собственно рецепт. Например: «На камень. Насѣня з малихъ рѣпакъ на порошокъ стовкши з виномъ бѣлимъ пити»; «Спаленину або опаренину злѣчишь. Возми тлусть овечую и лаино овечее, и мязку з бузины смажь на масть, тимъ злѣчишь». Предлагались рецепты от ожогов, отравлений, болей в суставах, глухоты, излечения всяких ран, подагры, покраснения глаз, бельма, головной боли, каменной болезни, от бородавок, обезболивания при родах, кашля у детей, при переломах, «зуби жеби не гнили и не болѣли», «когда дѣти на путь хорують», «желтой хоробы», «пузирной хоробы», «бѣгунки». Имеются в лечебнике и советы о том, как узнать, например, поправится человек или умрет: «Секретъ познати хоріи чи умереть. Возми соли в руку когда прійдешъ до хорого. Если тая суль стаеть, и въ воду обернетъся, умре, если суха зостанеть — здоровъ будетъ». Косметические советы, например для красоты женской груди: «Жена дабы круглѣе перси мѣла. Листки з ефеу потри и приложи до персеи». Также предлагались рецепты от колдовства: «Чари ꙗкогонить. Носи при собѣ зеліе Святаго Іоанна естъ добра презерватива»; «Сѣчарованого улѣчишь. Живого сребра или аргути вложи в перо и подъ порогомъ закопай, тамъ где ѡчарованіи живеть». В лечебнике используются народные названия растений. Текст написан на украинском языке.

Календарь на 1727 г., изданный в Кёнигсберге, носил просветительский характер, содержал полезные практические советы, что должно было привлечь читателей. Тираж книги не известен.

Кроме описанного в библиографии экземпляра из собрания библиотеки Академии наук, еще один экземпляр (инв. № 3484) хранится в собрании Российской государственной библиотеки. Он происходит из собрания Московского Публичного и Румянцевского музеев, о чем свидетельствует гербовый экслибрис. Экземпляр дефектный, в нем отсутствует титульный лист и лист с посвящением. Был отреставрирован в 1980-х гг. и снабжен ледериновым бордовым переплетом. В книге имеются читательские пометы. Почерком XVIII в. по нижним полям про-

нумерованы страницы. Имеются многочисленные подчеркивания событий из церковной истории. Читателя интересовали исключительно даты событий Ветхого и в незначительной степени Нового Заветов. Судя по подчеркиваниям, особый интерес читатель проявлял к событиям истории еврейского народа. Из прочих сообщений его заинтересовало сообщение о иерусалимском епископе Наркиссе: «С: Наркись епископ ерусалимскій поживе лѣтъ 116». О том, что св. Наркисс умер около 212 г. в возрасте 116 лет, сообщает Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» (VI, 8–11) и Иероним Стридонский в сочинении «О знаменитых мужах» (*De viris illustribus*, 62). Помету «NB» читатель поставил рядом с сообщением о папе римском Каллисте I, установившем постные дни: «Калисть папа сухе днѣ поставивъ». Несколько помет можно отнести к категории уточнения перевода некоторых слов. Так, рядом с польским названием месяца «april» читатель записал «kwiecień», в лечебнике над украинским словом «хороба» он надписал по-русски «болезнь». В колонке месяцеслова по григорианскому календарю рядом с датой 16 декабря читатель записал «Adwent», то есть начало предрождественского поста в католической церкви. Пробы копирования орнаментальных украшений, выполненных пером, имеются на странице, где имеется заставка из наборных украшений. В конце книги пометы «Now», «1727 now». Возможно, все эти пометы были выполнены в 1727 г., когда непосредственно пользовались календарем.

В 1729 г. Василий Корвен-Квасовский печатает календарь на 1730 г. Известно два издания календаря — цельногравированное на меди и наборное. Текст цельногравированного издания опубликовал Д. А. Ровинский [11, № 666, с. 434–455].

Наборный календарь на 1730 г. впервые в библиографии был описан В. С. Сопиковым в 1821 г., с воспроизведением текста титульного листа и указанием формата — «в 4°» [13, № 12920]. Такое же описание с добавлением сведений об объеме книги (20 листов) привел П. М. Стровев, описывая экземпляр из библиотеки Иверского Валдайского монастыря [14, № 155, с. 239]. Краткое описание «Календаря греко-русского» дает В. М. Ундольский, отмечая экземпляры из библиотек А. И. Кастерина и Императорского Московского общества истории и древностей российских [15, № 779; 16, № 1779, стб. 180]. «Календарь греко-русский» кратко описал И. П. Каратаев, отметив экземпляр из библиотеки Академии наук [5, № 1572, с. 202]. Библиографы XIX в. дали лишь краткое описание книги, однако полного описания с указанием ее содержания и оформления нет, также до сих пор нет источниковедческого исследования этого календаря.

Календарь на 1730 г. Василия Корвен-Квасовского напечатан двухцветной печатью, титульный лист заключен в рамку из наборных украшений, в конце книги — ксилографическая концовка старопечатного стиля. Так же как и в издании календаря на 1727 г., внизу страниц полистно имеются авторские отметки, напечатанные киноварью (первые шесть) и черной краской: «В 1730», «С 1730», «D 1730», «Е 1730», «F 1730», «G 1730», «H 1730», «I 1730», «K 1730». Их больше, чем в предыдущем издании.

На титульном листе дается название книги и выходные сведения: «Календарь, греко-русский по стилю юлианскому на лето господне 1730, потомъ $\overline{\text{С}}$ лета 1731 на лето 100. По чину и правлению седми планеть паки на первое возвращающійся въ которомъ, кромѣ различныхъ, курьезныхъ, гражданскихъ, господарскихъ, астрологическихъ вещей, краткое введениѣ во арифметику, зъ придаткомъ, науки о робленю различныхъ домашнимъ коштомъ олъбиковъ, на различнїе болѣзни и дефекта учиненїи, чрезъ М: Василиа Корвѣна Квасовского наукъ вызво: философїи и математики учителя, его ко: ве: прю: таинога секретара и упривелованого типографа. Напечатанъ въ Кролевци Прускомъ, въ его власной друкарнѣ». На обороте титульного листа указан гетман Украины Даниил Апостол, которому автор посвящает книгу: «Ясне велможному пану п. Данїилу Апостолу, его імператорского вел: воикъ малороссїикихъ, запорогскихъ, и обоихъ сторонъ Днепра Богомъ даному Богомъ хранимому гетману бодрому въ отечествѣ $\overline{\text{С}}$ врагъ заступнику храброму и непреодолѣнному во бранехъ Ахиллесу второму мисленнихъ лвовъ Данїилу укротителю крѣпкому Самсону мира, здравїя, благополучїа, на враговъ побѣди $\overline{\text{С}}$ Бога вѣнца вѣчнаго авторъ усердно желаетъ». В тексте посвящения гетман и украинская «нация» сравниваются со многими античными богами и героями.

Календарная часть, как и в издании календаря на 1727 г., начинается словами «Во имя Іисусово». Далее указываются эры — сколько лет прошло от важных событий — от рождества Иисуса Христа, от сотворения мира «по греческимъ хронографомъ», «по римскимъ», «по жьдовскимъ», от начала четырех монархий — Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской, от введения юлианского и григорианского календарей. Указано сколько лет прошло от важнейших изобретений: от изобретения пороха, от начала книгопечатания, «туба оптичнаго перпендикула до часовъ» (имеется в виду изобретение Христианом Гюйгенсом маятниковых часов, снабженных спусковым механизмом), а также открытия Нового Света. В числе русских событий отмечено сколько лет прошло от рождения императора Петра II, его коронации, « $\overline{\text{С}}$ начала флота Россїи», от Полтавской битвы, от начала гетманства Даниила Апостола.

Календарная часть существенно отличается от календарной части издания 1727 г. Разворот страниц посвящен одному из двенадцати месяцев и состоит из четырех столбцов на левом развороте и одного — на правом. В первом столбце помещен краткий месяцеслов с указанием воскресных чтений из Евангелий и Апостола (в шапках столбца указывается название месяца, количество дней и год — 1730); во втором — «Течение луны» (прохождение луны по знакам зодиака); « $\overline{\text{С}}$ мѣна воздуха и дны выборнїе» — отмечаются астрономические, астрологические и погодные явления. В следующем столбце на протяжении всех 12 разворотов напечатана «Арифметика, или цифѣрное учениѣ» — краткий учебник арифметики. Следующий столбец, составляющий всю страницу, — «Гражданскїи господарскїи календаръ на лето 100 учиненїи, и паки на первое возвращающїиса». Текст «Арифметики» и «Граждан-

ского хозяйственного календаря» печатается и на последующих страницах издания, после завершения календарной части, размещаясь в двух столбцах: «Континуація на 100 лѣтъ календара» и «Континуація Ариѳметики». Далее следует «Прогностикъ генералній на лѣто господние 1730», который печатается в этой же двухстолбцовой таблице. В месяцеслове напротив каждого числа месяца указаны дни памяти святых и важнейшие церковные праздники, включая переходящие. В этом ряду выделяется два указания. Это отмеченное под 1 мая 1730 г. астрономическое событие: «Явленіе на небе» и в конце месяцеслова, после 31 декабря, напечатано сообщение о дне коронации Петра II без указания даты: «NB. Богомъ данного монарха усероссїскаго Петра II коронація». Коронация Петра II состоялась 25 февраля 1728 г.

В столбце «Сѣмѣна воздуха и дны выборніе» информация преимущественно представлена в виде условных обозначений, легенда о которых представлена в начале календаря. В их числе астрономические явления (знаки зодиака, планеты, фазы луны и пр.), дни предсказательные (дни несчастливые и очень несчастливые), дни благоприятные для разных хозяйственных работ («дрова на будинокъ», то есть для строительных работ), для сельскохозяйственных работ («сѣи, оры, щепи»), лечения («кровь пусти», «дѣтей Сѣлучать» от груди, способы лечения: «флегму чисть декоктомъ, пѣллюлями, електуаріемъ; маленхолѣю — сокомъ, травами, холеру проносомъ, пѣллюлями, декоктомъ, травами, сокомъ, електуаріемъ», «сангвѣнѣстомъ... холерикомъ... маленхолѣкомъ руду кидать часть 4 брїи», прием слабительных («проносное въ пѣгулкахъ»), рвотных и крепительных средств и др.), гигиены («волоси стричь», мыться в бане). Прогноз погоды указывается словесно. На январь месяц для разных дней отмечены такие погодные характеристики: «мѣрное зимно, ненастно, снѣгъ, мерна зима, ветер, ясно, погодное небо, вѣтеръ мокрїи, снегъ, морозъ, туманно и до вѣтру склонно», на февраль — «снегъ и облачно, привѣтряно раномъ, пасмурно и солнечное сияніе, тепляи, дождь або снегъ, ветер, мороз, вѣтряно и мало Сѣлигло, ясно, ночи яснїе, морозъ великъ, вѣтеръ, туманъ, перемененно солнечное сияніе, въ ночи морозъ, пасмурно, снѣжно». Прогнозы погоды для календарей XVIII в. были практически обязательными разделами, именно они пользовались большим спросом у читателей.

Календари в Западной Европе в XVII — первой четверти XVIII в. носили не только справочный, но и просветительский характер. Василий Корвен-Квасовский, будучи учителем, использовал календарь для того, чтобы опубликовать свое сочинение по арифметике «Ариѳметика, или цифѣрное ученїе». Это краткое компилятивное сочинение об основах арифметики. Следует отметить, что печатных учебных пособий на русском языке было очень мало. Первым печатным учебником по арифметике на славянском языке было составленное Ильей Копиевским «Краткое и полезное руковедеїе во аритметыку, или въ ѡбученїе и познанїе всакогѡ счоту, въ сочтенїи всакихъ вещей», напечатанное в Амстердаме в 1699 г. в типографии Яна Тессинга. Однако эта книга, напечатанная тиражом 3350 экземпляров по заказу архангельских куп-

цов Филатьевых, ими выкуплена не была. Книги Копиевский отправил в Москву с просьбой к Петру I поспособствовать вернуть ему деньги за работу [9, с. 14–15, 526–552]. Но книга распространения в России не получила [3, с. 97–98]. Фундаментальный труд Леонтия Магницкого «Арифметика», вышедший на Московском печатном дворе в 1703 г., был весьма дорогой книгой и его разделы включали не только арифметику, но и другие науки, необходимые для обучения в навигацкой школе. «Арифметика» Василия Корвен-Квасовского осталась незамеченным трудом и, как и «Арифметика» Ильи Копиевского, не оказала существенного влияния на математическое образование в России. Но в отличие от книги Копиевского, этот труд остается не изученным и обойденным вниманием историков математики. Между тем он представляет собой весьма интересное сочинение и требует отдельного изучения.

В начале этого труда дается определение арифметики как науки: «Арифметика, есть искусство щота, сиесть: налогъ числа, или вещи изчисляемихъ, пособіемъ нѣкихъ характеристикъ скоро, и кратко изчисляти. Студу и прозванія своего начало имѣть: чтобо грекомъ арифмосъ тожъ, славяномъ щотъ, а нинѣшнимъ россіаномъ цифѣрь, ѿ цифри, ея же характеръ». Корвен-Квасовский выделяет в арифметике три части: «первая часть о числѣхъ въ цѣлихъ, вторая о числѣхъ въ доляхъ, третья о правылахъ». В составе календаря на 1730 г. он напечатал только первую часть. В ней имеются разделы: «О изчисленію», «О сложенію аданціи», «Повѣреніе сложенія», «О вичитанію или субтракціи», «О умноженію, мултипликаціи», «О дѣленью або дивѣзию». Заканчивается это сочинение «Увещанием», в котором автор говорит, что если читателям будет интересно, то в дальнейшем он продолжит печатать свои труды, так как у него готова «Арифметика» полностью, а также «Математика» и «Архитектура военная» («На сеи годъ довольно, аще плоды въ людяхъ сихъ трудовъ увидимъ, не умедлимъ обширне и болше написать, бо есть въ готовности, цѣла Арифметика, Математика и Архитектура военная»).

Раздел календаря на 1730 г. «Гражданскій господарскій календарь на лѣтъ 100 учиненіи, и паки на первое возвращающійся» включает астрологические и календарно-хронологические сведения. Начинается этот раздел с характеристики семи планет (Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венуса (Венеры), Меркурия и Луны), которые управляют тем или иным годом, отмечается, как каждая планета влияет на погоду в году (по сезонам и по месяцам), на виноделие, рыболовство, здоровье людей, военные действия. Имеются таблицы для определения планеты года по кругу солнца и вращению. Таким образом, читатель мог определить, какая планета управляет конкретным годом и использовать излагаемые прогностические сведения на протяжении ста лет.

Далее приводятся небольшие статьи медицинского и прогностического содержания: «О кровопусканію»; «Прогностик господарскій до калѣндара на 100 лѣтъ», содержащий различные приметы; «О планетнихъ днехъ и часѣхъ, котораа которимъ днемъ и часомъ владѣть»; «О часахъ дна и ночи въ которую котораа планета власть и силу имѣть»;

«СѸ затмѣнїяхъ» (сообщается о солнечных и лунных затмениях в 1731 – 1740 гг.); «Способ раблена ѿлѣивовъ, и skutки ѿнихъ» (изготовление различных растительных масел и их применение от всевозможных болезней).

Еще один раздел составляет «Прогностикъ генералнїи, на лѣто господние 1730». Это практически обязательная часть календарей XVIII в., в которых содержится характеристика времен года, предсказания на год о характере погоды, сельскохозяйственных работах, лечении болезней, войнах. Аналогичные статьи присутствуют, например, в киевских изданиях календарей 20–30-х гг. XVIII в. [1, с. 652–655; 17, с. 40–41]. «Прогностикъ» на 1730 г. включает разделы «СѸ зимѣ», «СѸ веснѣ», «СѸ лѣту», «СѸ есени», «СѸ сѣянїю и саженїю» (о благоприятных днях для посева, посадки и пересадки разных культур, в частности овса, ячменя, конопли и льна), «Избранїе знаковъ и времянь пригоднихъ до лѣкарствъ» (о лечении таких болезней как холера, флегма и меланхолия), «Зодїя содержать члены» (о покровительстве знаков зодиака органам и частям тела человека, так называемый зодиакальный человек), «Лѣкарство принимать» (когда принимать «проносне, рвотное, слабительное, крѣпительное»), «СѸ болѣзнахъ» (о смирении христианина перед болезнью и не боязни смерти и перечень опасных болезней на год), «Брань или миръ», «СѸ затмѣнейхъ» – о лунном затмении 23 февраля и частичном солнечном 4 июля.

Таким образом, календарь Василия Корвен-Квасовского на 1730 г., является интересным изданием. Во-первых, он содержал всю необходимую календарную и прогностическую информацию на текущий год, в которой был заинтересован читатель того времени, и был выполнен в сложившихся традициях для календарных изданий. Во-вторых, он продолжает традицию так называемого Брюсова календаря, в котором читателю предложен универсальный инструментарий самостоятельного вычисления календарной и астрологической информации на значительный период времени. В-третьих, он носит образовательно-просветительский характер, предлагая читателю основы арифметики.

В собрании Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки хранится два экземпляра кѣнигсбергского календаря на 1730 г. Экземпляр (инв. №3485) происходит из собрания Московского Публичного и Румянцевского Музеев, о чем свидетельствует гербовый экслибрис с номером 719. Экземпляр полный. На титульном листе имеется карандашная помета «№55». В книге была полистная запись, но она тщательно вымарана и совершенно не читается. На л. 7 имеется читательская помета: исправлена опечатка. В разделе «Гражданского хозяйственного календаря на лет 100» в разделе, посвященном Юпитеру, в заголовке о прогнозах погоды напечатано: «Щоденная СѸмѣна воздуха по вся годы правленїя Ювѣша». Последнее слово зачеркнуто и карандашом почерком XVIII в. написано: «Юпитѣра». Экземпляр в библиотечном ледериновом бордовом переплете 1980-х гг.

Второй экземпляр (инв. №7993) происходит из собрания Александра Васильевича Кокорева (1883–1965), литературоведа, доктора

филологических наук, профессора Московского государственного университета и Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, специалиста по древнерусской литературе и литературе XVIII в., собирателя рукописей и старопечатных изданий. Экслибрис в виде штампа без ограничительной рамки черной краской с изображением сидящего средневекового книжника и надписью «Из книг А. В. Корева» имеется на титульном и последнем листах книги. Экземпляр поступил в собрание библиотеки в 1971 г., о чем свидетельствует регистрационный номер. На форзацном листе имеется ряд помет карандашом: «В / К 17», «4 / 6», «3 — / 5» и синим карандашом: «25. —». Первые две — библиотечные шифры, а две последние — указание цены книги. На нахзацном листе — штамп и пометы книжного магазина, на которых вымарано указание цены книги. Книга в картонном составном переплете XIX в. с кожаными корешком с тиснением и уголками и мраморной бумагой синего и черного цветов. На корешке имеется бумажный ярлык: «В / К 17».

Кёнигсбергские календари Василия Корвен-Квасовского на 1727 и 1730 гг. являются малоизученными изданиями русской типографии в Пруссии, издававшей книги кириллическим шрифтом. Они являются оригинальными сочинениями и выполняли как практическую, так и просветительскую функцию. Экземпляры кёнигсбергских календарей в собрании Российской государственной библиотеки представляют возможность изучать развитие астрономической, календарно-хронологической, математической мысли 20-х гг. XVIII в., представляют важное свидетельство истории кириллической книги первой трети XVIII в.

Список источников и литературы

1. Бондар Н. Рідкісні календарні видання першої половини XVIII ст. Києво-Печерського друку з фондів Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського // Українське небо 2. Студії над історією астрономії в Україні: збірник наукових праць. Львів, 2016. С. 648–657.

2. Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 г. М. ; Л., 1958.

3. Денман И. Я. История арифметики. М., 1965.

4. Каменева Т. Н. Типография на Левобережье Украины // 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. М., 1964.

5. Каратаев И. П. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730. СПб., 1861.

6. Коляда Г. І., Ісаєвич Я. Д. Друкарська справа на західноукраїнських землях (XVI–XVIII ст.) // Книга і друкарство на Україні. Київ, 1665. С. 42–69.

7. Лавринович К. К. Календари XVII–XVIII веков в библиотеке Калининградского государственного университета // Калининградские архивы: Материалы и исследования : науч. сб. Калининград, 2000. Вып. 2. С. 210–217.

8. Науменко В. Г. «Календарь или мѣсяцсловѣ На лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Хрїста, 1722...» как один из источников для изучения истории и культуры XVIII–XIX вв. // Белорусский текст: от рукописи к электронной книге : Междунар. электрон. конф. URL: http://www.belrus-seminar2008.narod.ru/Naumenko_V.G..htm (дата обращения: 10.12.2020).

9. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1 : Введение в историю просвещения в России XVIII столетия.

10. Перевоицков Д.М. Обзорение русских календарей, или месяцесловов // Магазин землеведения и путешествий: Географический сборник. М., 1854. Т. 3.

11. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 2 : Листы исторические, календари и буквари.

12. Сопиков В.С. Опыт российской библиографии / ред., примеч., доп. и указатель В.Н. Рогожина. СПб., 1906. Ч. 5.

13. Сопиков В.С. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий, до 1813 года. СПб., 1821. Ч. 5.

14. Строев П.М. Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф.А. Толстова и купца И.Н. Царского. М., 1841.

15. Ундольский В.М. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А.И. Кастерина. М., 1848.

16. Ундольский В.М. Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го г. по 1864-й г. Вып. 1: Очерк славяно-русской библиографии / с доп. А.Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871.

17. Шустова Ю.Э. Киевские издания Календарей 30-х годов XVIII в. из собрания Российской государственной библиотеки как источники по истории экологических и естественно-научных знаний // Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики : матер. XXX междунар. науч. конф. М., 2017. С. 35–54.

18. Шустова Ю.Э. Славянские названия месяцев в украинских печатных книгах конца XVI–XVII в. // Междисциплинарность: Что от историка требует, что дает и чего лишает? : сб. тр. междунар. науч. конф. «Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях». М., 2019. С. 229–239.

19. *Iudicium pronosticon Anni MCCCCLXXXIII currentis Magistri Georgii Drohobicz de Russia almi studii Bononiensis artium et medicinae doctoris. Venetiis, 1483.*

Об авторе

Юлия Эдуардовна Шустова – канд. ист. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет; ст. науч. сотр., Российская государственная библиотека, Россия.

E-mail: shustova@yandex.ru

The author

Dr Yuliya E. Shustova, Associate Professor, Russian State University for the Humanities; Senior Researcher, Russian State Library, Russia.

E-mail: shustova@yandex.ru

УДК 339.92

А. А. Ишуков, Е. Б. Бедрина

ЕВРОПЕЙСКАЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

80

Посвящена вопросам развития интеграционных процессов в Европе и Евразии. Целью научного исследования является выявление сходств и различий европейской и евразийской интеграции. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сравнение интеграционных процессов осуществлено на основе анализа демографических и социально-экономических показателей развития стран Европейского союза и Евразийского экономического союза, а также изучения механизмов и инструментов интеграции. Практическую значимость исследования составляют выводы о возможности заимствования опыта Европейского союза в евразийском интеграционном процессе. Методология исследования строится на основе компаративного анализа. Выявлено, что экономическая интеграция стран на постсоветском пространстве идет по пути Европейского союза в части заимствования принципов организации. Однако, несмотря на наличие некоторого сходства рассматриваемых интеграционных объединений, они обладают значительными различиями, выразившимися в стартовых условиях, мотивах и контексте интеграции, и в связи с этим в инструментах и механизмах ее реализации. Сделан вывод, что реализация некоторых основополагающих принципов строительства европейской интеграции, таких как федерализм и демократизм при принятии решений в рамках Евразийского экономического союза невозможна. Тем не менее достигнутая гармонизация некоторых регламентов и стандартов стран двух интеграционных группировок будет способствовать их дальнейшему экономическому сближению и взаимодействию. Практическая значимость исследования заключается в том, что в нем показана возможность частичного заимствования опыта Европейского союза для дальнейшей интеграции стран Евразийского экономического союза и необходимость совершенствования теоретических основ, которые могли бы лечь в основу развития евразийской интеграции.

The article studies the development of integration processes in Europe and Eurasia. The purpose of scientific research is to identify the similarities and differences between European and Eurasian integration. The theoretical relevance of the research lies in the comparison of the integration processes regarding the analysis of demographic and socio-economic development indicators of the EU and EAEU countries, as well as the integration mechanisms and instruments. The research comes to the conclusion on the possibility of adopting the European Union integration experience for the further integration processes in the Eurasian integration process. The primary tool for research is the comparative analysis. It is noted that the economic integration of countries in the post-Soviet space follows the path of the European Union in terms of adopting the organization principles. However, despite some similari-

ties, integration associations have significant differences in the starting conditions, motives and context of integration, and the tools and mechanisms for its implementation. The authors conclude that the implementation of certain fundamental principles of constructing European integration, such as federalism and democracy, is not possible in EAEU decisions making. Nevertheless, the achieved harmonization of some regulations and standards of the countries of the two integration associations, in the process of borrowing European experience, will contribute to their further economic convergence and interaction. The practical relevance of the research is to show the possibility of partial adopting of the EU experience for further integration of the EAEU countries and the need to improve the theoretical foundations that could form the basis for the development of Eurasian integration.

Ключевые слова: международная интеграция, интеграционные процессы, европейская интеграция, евразийская интеграция, интеграционная группировка, интеграционное объединение, Европейский союз, Евразийский экономический союз.

Keywords: international integration, integration processes, European integration, Eurasian integration, integration group, integration association, European Union, Eurasian Economic Union.

Актуальность темы исследования

Потребность в формировании интеграционных объединений в Евразии возникает с момента распада Советского Союза, так как большинству постсоциалистических стран было сложно встроиться в международную торговлю самостоятельно, тем более с достаточно низкими экономическими показателями, не позволяющими успешно конкурировать с развитыми западными странами. Это требовало от них выбора центра интеграционного притяжения, которым на тот момент являлись Европейский союз (ЕС) или Россия. Часть постсоциалистических стран Восточной Европы, являющихся более индустриальными и имеющих лучшие экономические показатели, решили ориентироваться на ЕС.

Пытаясь упрочить свои позиции в Евразии, Россия стремилась к активному взаимодействию в различных направлениях с потенциальными партнерами на евразийском пространстве. Примерами сотрудничества служат такие интеграционные организации как Содружество Независимых государств (1991 г.), Союзное государство (1999 г.), Организация Договора о коллективной безопасности (2002 г.), Евразийское экономическое сообщество (2001–2014 гг.), Шанхайская организация сотрудничества (2001 г.) и др.

В настоящее время Россия возлагает большие надежды на развитие экономической интеграции со странами СНГ, перейдя в 2015 г. от Таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном к общему рынку, объединившему внутренние рынки России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Особую важность развитие данного направления интеграции для России приобретает в условиях международных экономических

санкций, введенных после украинского кризиса 2014 г., в результате которых произошло резкое сокращение объема международной торговли России с Западными странами.

В связи с тем что теории интеграции разрабатывались преимущественно для ЕС и апробировались на его опыте, он может выступать в качестве примера для развития евразийской интеграции. На сегодняшний день Евросоюз — это интеграционное объединение европейских стран, функционирующее по «наднациональному» принципу, прошедшее 4 из 5 этапов экономической интеграции в соответствии с теорией Б. Баласса [1] и обладающее необходимыми предпосылками для перехода от экономического и валютного союза к финальной стадии интеграции — политическому союзу.

82

Долгое время европейская интеграция рассматривалась в качестве образца для создания и развития интеграционных группировок по всему миру. Ее опыт в области экономического сближения стран транслировался в различных регионах. Появилась даже идея о создании Большой Европы от Лиссабона до Владивостока [2; 3].

Впервые о возможном провале европейской интеграции заговорили после мирового экономического кризиса 2008—2010 гг. Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии в области экономики, подверг критике Маастрихтские соглашения 1992 г., заявив, что переход к единой валюте не способствовал экономическому сближению стран и привел к крайне негативным последствиям в период экономического спада [4]. После Европейского миграционного кризиса 2015 г., вызвавшего раскол стран — членов ЕС и обособление Вышеградской группировки (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия), не поддержавшей схему распределения беженцев [5, с. 13], к европейской интеграции начали относиться сдержанно и критично. В результате заявления Великобритании, отстаивающей национальные интересы в период экономического и миграционного кризиса [6] о выходе из состава ЕС, реализованного в конце января 2020 г., в Евросоюзе даже развернулась дискуссия о перспективах де-европеизации [7; 8].

Несмотря на все сложности и проблемы, именно опыт ЕС как наиболее зрелой интеграционной группировки, имеющей длительную историю преобразований и способной преодолевать экономические и политические кризисы, остается важным для изучения интеграционных процессов. Проведение сравнительного анализа условий и особенностей европейской и евразийской интеграций позволит выявить возможности и направления развития взаимного сотрудничества между странами ЕАЭС как одной из наиболее молодых и перспективных интеграционных группировок, а также определить пути дальнейшего сотрудничества между ЕАЭС и ЕС.

Степень изученности и проработанности проблемы

В последнее десятилетие тема региональной интеграции стала особенно востребованной в связи кризисом в мировой экономике, спровоцировавшим недоверие к глобальным регуляторам и, как следствие

этого, процессы регионализации в различных регионах мира. В связи с активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, появились компаративные исследования, направленные на изучения различных аспектов деятельности ЕС и ЕАЭС.

Главным направлением этих исследований является изучение и сопоставление организационных механизмов и институтов ЕС и ЕАЭС. Среди авторов работ, посвященных сравнительному анализу европейской и евразийской интеграции, нет единого мнения по вопросу степени идентичности моделей интеграционного развития, хотя большинство исследователей считают, что евразийская интеграция во многом строится на основе европейской. При этом в качестве позитивного момента большинством исследователей отмечается избирательное заимствование институтов и практик ЕС [9, с. 35; 10, с. 71].

Например, Н.Б. Кондратьева выделяет такие общие черты интеграционных объединений, как создание единого внутреннего рынка и заимствование принципов его организации (запрет дискриминации, гармонизация, взаимное признание норм) [11, с. 22]. Также она обращает внимание на сходство систем санитарного и фитосанитарного регулирования [12, с. 82]. Причиной этого сходства, на наш взгляд, являются активные торгово-экономические отношения России с партнерами из стран Евросоюза, что влечет за собой заимствование ряда европейских стандартов и регламентов. Примером таких отношений может служить проект «Партнерство для модернизации», реализованный в 2010—2016 гг., в результате которого произошло согласование технических регламентов и стандартов между Россией и ЕС. Эти согласования впоследствии были распространены на все страны ЕАЭС [13]. В результате от 60 до 80 % технических стандартов ЕАЭС оказались идентичны европейским стандартам [14, с. 10].

Одновременно особую дискуссию вызывают правовые вопросы интеграции, так как именно в организационной структуре, полномочиях интеграционных институтов и способах принятия решений существуют значительные различия. Отечественные исследователи (например О. Пименова), анализируя правовые системы ЕС и ЕАЭС, приходят к выводу, что эти системы сформировались как две абсолютно противоположные модели принятия решений, в каждой из которых есть свои достоинства и недостатки [15]. Также подробное рассмотрение правовых аспектов европейской и евразийской интеграции содержится у Е.Ю. Трещенкова [9]. В связи со значительной разницей правового обеспечения деятельности интеграционных группировок, эксперты советуют с большой осторожностью заимствовать опыт ЕС в области институтов и политического строительства [16].

Еще одним важным направлением анализа выступает финансовая интеграция. Отмечая прозрачность и обоснованность критериев перераспределения финансовых средств в рамках ЕС, ряд российских исследователей полагают, что было бы полезно заимствовать опыт ЕС, особенно в проведении политики регионального финансового выравнивания территорий в качестве «идеологической» платформы [17, с. 111].

По преимуществу, сравнительным анализом европейской и евразийской интеграции занимаются правоведы и специалисты в области международных отношений. Они пытаются оценить механизмы организации и управления ЕС и ЕАЭС на основе изучения нормативной литературы и институционального устройства данных организаций. При этом практически не уделяется внимание социально-экономическим и демографическим условиям интеграции, которые лежат в основе интеграционных процессов. В связи с этим в предложенном исследовании содержится попытка восполнить данный аспект сравнительного анализа.

Подходы и методы исследования

Объектом исследования выбраны интеграционные группировки — ЕС и ЕАЭС. В основе выбора объектов исследования лежит принцип географического детерминизма [18], а именно, их континентальное единство, которое дает возможность для проведения сравнительного анализа. Предметом исследования выступает международная интеграция стран ЕС и ЕАЭС. Целью исследования является выявление сходства и различий европейской и евразийской интеграции для решения вопроса о возможности использования опыта ЕС для дальнейшего интеграционного процесса на Евразийском пространстве.

В качестве инструмента исследования выбран компаративный анализ. Данный выбор обусловлен историческими процессами, в рамках которых, ЕАЭС одновременно возникает как некое подобие ЕС и как противостоящая ей интеграционная группировка. Теоретическая значимость компаративного анализа в настоящем исследовании заключается в возможности расширения представлений о причинно-следственных связях и особенностях развития интеграционных процессов на основе выявления факторов и детерминантов социально-экономического и демографического развития стран-участниц, их сопоставления и обобщения. Практическая значимость компаративного анализа заключается в том, что он позволил выявить наиболее проблемные моменты региональной экономической интеграции, упорядочить многообразие подходов к разработке и формированию региональных интеграционных стратегий и акцентироваться на важности умелого использования наиболее эффективных интеграционных практик.

В соответствии с правилами компаративного анализа в работе использованы принципы: междисциплинарности и интернационализации, а также единства исторического и логического.

Информационной базой исследования послужили социально-экономические и демографические показатели стран ЕС и ЕАЭС и нормативно-организационная база исследуемых группировок.

Новизна исследования заключается в использовании комплексного подхода при проведении сравнительного анализа, учете наряду с институциональными особенностями, социально-экономических и демографических условий интеграции.

Анализ полученных результатов

Проведенное исследование показало, что ЕС и ЕАЭС обладают определенными сходствами и различиями.

Несмотря на то что интеграция в обоих объединениях носит экономический характер, среди предпосылок их создания можно обнаружить политические мотивы. Такими политическими мотивами для ЕС (первоначально Европейское объединение угля и стали) являются мирное урегулирование противоречий в Европе и противостояние Советскому Союзу в ходе холодной войны. Политических мотивов для интеграции стран ЕАЭС (первоначально Евразийское экономическое сообщество) гораздо больше, чем экономических. Доказательством этому может служить низкая взаимная инвестиционная активность его участников и незначительный объем внутренней торговли, который на момент объединения составлял лишь 6%, в то время как ЕС – 65% [19, с. 10]. Страны ЕАЭС предпочитают больше торговать со странами Евросоюза и Китаем, чем между собой. Среди политических мотивов создания ЕАЭС можно выделить три наиболее принципиальных. Во-первых, это сохранение наследия, оставленного Советским Союзом: единое историческое прошлое, дружественные и родственные связи населения стран, кооперация в рамках Совета экономической взаимопомощи, приграничное сотрудничество. Во-вторых, это геополитические интересы России, а именно, попытка сохранения сферы влияния на постсоветском пространстве и ограничение влияния ЕС и США на мировую геополитику [20]. В-третьих, создание условий для «широкой» евразийской интеграции, способствующей поддержанию Россией статуса великой державы [21, с. 806]. Однако преобладание политических мотивов над экономическими мотивами снижает результативность экономической интеграции [22, с. 37].

Демографический фактор является важным для принятия экономических решений. Поэтому рассмотрим демографические особенности развития стран ЕС и ЕАЭС. Численность и плотность населения ЕС значительно больше, чем ЕАЭС. Зато прирост населения по данным 1998–2018 гг. в ЕС ниже (0,26%), чем в ЕАЭС (0,31%). По данным 2019 г. из 24 стран ЕС (без учета Мальты, Кипра и Люксембурга) у 12 стран коэффициент общей рождаемости был очень низкими (по шкале Урландиса), то есть ниже, чем 10 чел. на 1000 жителей. Страны ЕАЭС имеют более высокие коэффициенты общей рождаемости, чем страны ЕС. Так, по данным 2017 г. у Казахстана и Киргизии они были выше среднего и составили 23 и 27 чел. на 1000 жителей соответственно¹. Однако средняя продолжительность жизни в странах ЕС на 2017 г. была почти на 8 лет выше, чем в ЕАЭС, что, с одной стороны, свидетельствует о высоком качестве жизни в европейских странах, а с другой – отражает проблему старения населения и роста налоговой нагрузки.

¹ Демоскоп Weekly №845-846. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 16.02.2020).

Индекс развития человеческого потенциала в ЕС выше, чем ЕАЭС, а максимальные показатели индекса по ЕАЭС сопоставим с минимальными показателями по ЕС. Например, в соответствии с данными Всемирного банка в 2017 г. аутсайдерами по данному показателю в ЕС были Румыния и Болгария, а в ЕАЭС – Киргизия. Их показатели индекса развития человеческого потенциала составили 0,811, 0,813 и 0,672 соответственно. В то же время максимальное значение данного показателя в ЕАЭС было у России – 0,816.

Важную роль в распределении трудовых ресурсов в обоих объединениях играет общий рынок труда. В ЕС общий рынок труда уже построен, в рамках организации происходит перераспределение трудовых ресурсов: страны Восточной Европы, Греция и Португалия выступают в роли доноров, страны Западной Европы в роли реципиентов. ЕАЭС находится на завершающем этапе построения общего рынка труда. В настоящее время для стран ЕАЭС актуальным является признание пенсионного обеспечения мигрантов и документов об их квалификации. В результате европейского миграционного кризиса в страны Евросоюза въехало большое количество мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Азии. Только в 2018 г. Германия предоставила статус «беженца» более миллиону человек. В силу организационного устройства странам ЕС приходится проводить общую миграционную политику по отношению к внешним мигрантам и беженцам. В ЕАЭС странами реципиентами трудовых мигрантов выступают Россия и Казахстан, а странами донорами остальные страны СНГ, включая Киргизию. В целом, можно сделать вывод, что ЕАЭС обладает большим демографическим потенциалом, чем ЕС, в то же время уступает ЕС по его качеству.

Одним из важных преимуществ ЕАЭС является ресурсная обеспеченность. Кроме наличия разнообразных природных ресурсов, ЕАЭС имеет высокий энергетический потенциал. На страны ЕАЭС приходится около 15 % мировой добычи нефти, более 20 % мировой добычи газа, почти 10 % производства электроэнергии [19, с. 11]. Причем интеграция на энергетическом рынке признается участниками ЕАЭС как одно из стратегических направлений. Страны ЕАЭС планируют до 1 января 2024 г. перейти к общему энергетическому рынку². В то же время страны ЕС не в состоянии полностью обеспечить себя энергетическими ресурсами и вынуждены их импортировать. Зависимость стран Европы от импорта энергоресурсов будет увеличиваться, так как после аварии на АЭС Фукусима-1 в ЕС, особенно в Германии, начали проводить политику закрытия АЭС. Так, одним из условий вступления Литвы в Евросоюз было закрытие Игналинской атомной электростанции, расположенной на северо-востоке страны.

Экономический потенциал стран ЕАЭС значительно ниже, чем стран ЕС. В соответствии с данными Всемирного банка средний ВВП на душу населения стран ЕАЭС за 1998 – 2018 гг. составляет 15 % от средне-

² *Договор* о Евразийском экономическом союзе. Ст. 4. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 01.02.2020).

го показателя по ЕС за аналогичный период. Но в связи с более низким уровнем развития экономики, темпы роста ВВП в странах ЕАЭС выше, чем в странах ЕС. Так, за 2008–2018 гг. среднее значение роста ВВП в странах ЕАЭС составило 2,98 %, в то время как в ЕС – всего 0,96 %. В 10 странах ЕС темпы роста ВВП ниже 1 %, в Италии и Греции средние показатели отрицательные и составляют –0,37 и –2,39 % соответственно. Производительность труда и уровень оплаты труда в ЕС выше, чем в ЕАЭС.

Одной из общих проблем стран ЕС и ЕАЭС является дифференциация населения по доходам. Как видно из таблицы 1, уровень дифференциации населения по доходам различается по странам в рамках интеграционных объединений.

Таблица 1

Коэффициент Джини по странам ЕС и ЕАЭС в 2010–2017 гг.³

Показатель	Страны ЕС	Страны ЕАЭС
25–30 %	Бельгия, Дания, Мальта, Нидерланды, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Чехия, Швеция	Белоруссия, Казахстан, Киргизия
30–35 %	Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Ирландия, Италия, Кипр, Латвия, Люксембург, Польша, Франция, Хорватия, Эстония	Армения
35–40 %	Болгария, Греция, Испания, Литва, Португалия	Россия

ЕАЭС является значительно более молодым интеграционным объединением, чем ЕС. Несмотря на то что шесть стран – основателей ЕС, в отличие от участников ЕАЭС, имели к моменту объединения примерно схожие экономические условия, интеграция стран ЕС шла значительно медленнее, чем интеграция стран ЕАЭС. Так, для перехода от секторальной интеграции (начало 1951 г.) к этапу построения общего рынка (1986–1992 гг.) странам ЕС потребовалось 35 лет. А созданный в 1968 г. таможенный союз до 1992 г. сохранял внутреннюю таможенную с целью ограничения появления на рынке некачественных товаров. Страны же ЕАЭС прошли этот этап за 5 лет с 2010 г. (создание Таможенного союза) по 2015 г., причем уже в 2011 г. были упразднены таможенные посты на внутренних границах. Это может свидетельствовать о некотором форсировании интеграционных процессов в условиях снижения санитарно-гигиенических стандартов и отсутствия защиты внутреннего рынка от низкокачественной продукции. Стимулом к форсированию интеграционных процессов со стороны России послужило Восточное партнерство, созданное по инициативе Европейского союза в

³ United Nations development programme. Human Development Reports. URL: <http://www.hdr.undp.org/en/indicators/67106> (дата обращения: 12.02.2020).

2008 г. для развития интеграционных связей с ЕС, из шести постсоциалистических стран: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины [23; 24].

Как показывает история, оба объединения стремятся к углублению интеграции и переходу на более высокую ступень ее развития. Но в настоящее время ЕАЭС ограничивается только экономическими целями: повышение уровня жизни, формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, рост конкурентоспособности стран-участниц⁴, не претендуя на политическую интеграцию, как ЕС. Важным для бывших постсоциалистических стран является процесс суверенизации и независимости в поведении внешней политики [25, с. 204]. ЕС ставит более широкие цели, в том числе в области социальной политики, защиты окружающей среды, сохранении культуры и языкового разнообразия⁵.

В ЕС государства делегируют часть своих полномочий на наднациональный уровень. Законодательные полномочия в ЕС делятся между Европарламентом, который представляет граждан ЕС и избирается ими, и Советом, который представляет правительства стран ЕС. Принцип демократии реализуется в системе голосования. Каждый член ЕС имеет определенное количество голосов в зависимости от размера территории и населения, а отсутствие права вето, обеспечивает взаимодействие стран-участниц на основе подчинения меньшинства большинству. В соответствии с принципом федерализма наднациональные правовые акты имеют действие на всех территориях Евросоюза. Это часто вызывает недовольство участников объединения, но в тоже время обеспечивает определенную системность при реализации решений.

В ЕАЭС отсутствует принцип федерализма, то есть верховенства «наднационального» права над «национальным», а институты ЕАЭС лишь обеспечивают платформу для взаимодействия стран. Решения принимаются Высшим экономическим советом, Межправительственным советом и Евразийской экономической комиссией при достижении консенсуса, существует формальное равенство при принятии решений, так как каждое государство – член ЕАЭС имеет равное количество голосов. Но, как отмечают исследователи, ввиду того что нормативные акты, принимаемые в ЕАЭС, не имеют безусловного приоритета по отношению к национальному законодательству его членов, отсутствует системность в реализации принимаемых решений [26]. Именно право вето, которое может наложить суверен на любое решение Евразийской экономической комиссии, вызывает больше всего споров. Как показывает практика, оно порой используется странами-участницами для защиты «недобросовестной конкуренции» в случае проведения антидемпинговых расследований и наложения санкций.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 01.02.2020).

⁵ Goals and values of the EU / European Union. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/eu-in-brief_en (дата обращения: 06.02.2020).

Сходство обоих объединений проявляется во включении в их состав постсоциалистических стран. В настоящее время в состав ЕС входят одиннадцать постсоциалистических стран: бывшие самостоятельные социалистические страны — Болгария, Венгрия, Польша, Румыния; бывшие республики Чехословакии — Чехия и Словакия; бывшие республики Югославии — Словения и Хорватия; бывшие республики СССР — Латвия, Литва и Эстония. В ЕАЭС все пять стран бывшие республики СССР.

В соответствии с теоретическими положениями, расширение ЕС путем включения в него новых членов на протяжении длительного времени считалось определенным ресурсом развития интеграционного объединения. Корпорации видели в нем возможности расширения рынка сбыта готовой продукции и получения дополнительных относительно дешевых трудовых ресурсов. Однако расширение интеграционных объединений происходит путем включения в их состав стран с более низкими социально-экономическими показателями, чем у стран-основателей. Примером этому может служить присоединение к Европейскому экономическому сообществу (ныне ЕС) Греции в 1981 г., Испании и Португалии в 1986 г., чьи социально-экономические показатели были значительно ниже, чем у первоначальных участников объединения [27, с. 107]. На момент вступления в ЕС Латвии и Словакии (2004 г.), Болгарии и Румынии (2007 г.), Хорватии (2013 г.) их показатели ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составляли 32, 38, 30, 36 и 42 % соответственно, от среднего показателя шести стран основателей организации⁶. Последствиями такого расширения является ухудшение экономических показателей ЕС. Так, расширение ЕС в 2004 г. привело к снижению дохода на душу населения (по текущим обменным курсам) ЕС на 13 % [28, с. 32]. К настоящему времени, по мнению экспертов, ЕС утратил данный ресурс и дальнейшее расширение ЕС в современных условиях нецелесообразно [29, с. 20; 30, с. 15].

Расширение ЕАЭС, с нашей точки зрения, в большей мере носит политический характер. При расширении ЕАЭС в 2015 г. показатели ВВП на душу населения по паритету покупательной способности Армении и Казахстана составили 38 и 15 % соответственно, от среднего показателя трех стран — основателей организации⁷. В настоящее время ЕАЭС идет по пути заключения соглашений с другими странами, не включая их в свой состав. Примером может служить соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом (2015), в результате которого объем встречной торговли увеличился на 40 %, объем экспорта во Вьетнам возрос на 40 %, импорт из Вьетнама увеличился на 34 %⁸. В 2018 г. было

⁶ Рассчитано по: *Всемирный банк*. URL: /<https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 03.02.2020).

⁷ Там же.

⁸ *Интервью* министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной: «Главная задача — избавиться от “фобий” о либерализации торговли». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-06-2019-4.aspx> (дата обращения: 11.02.2020).

подписано временное соглашение с Ираном, за осень 2019 г. были образованы зоны свободной торговли с Сингапуром и Сербией, эффекты от подписания этих соглашений еще рано оценивать.

В обоих интеграционных объединениях существуют программы поддержки стран с более низкими социально-экономическими показателями. Однако механизмы распределения средств различны. Так, в странах ЕС — это Программа сплочения⁹. В соответствии с финансовым планом на 2014–2020 гг. из европейских структурных и инвестиционных фондов финансируются страны с ВВП на душу населения ниже 90 % от средних показателей 27 стран ЕС (без Хорватии). Как видно из рисунка 1, по данным 2014–2018 г. пятерку основных доноров вошли Германия, Великобритания, Франция, Италия и Нидерланды. Основными реципиентами выступили Румыния, Польша, Венгрия, Греция и Чехия. При этом на эти страны приходится более 36 % расходов общих фондов, в том числе 16,6 % на Польшу. В пересчете на душу населения самую большую помощь получают Эстония, Литва, Словения, Латвия и Венгрия. Самая большая выплата средств на душу населения в 30 раз больше, чем самая низкая¹⁰.

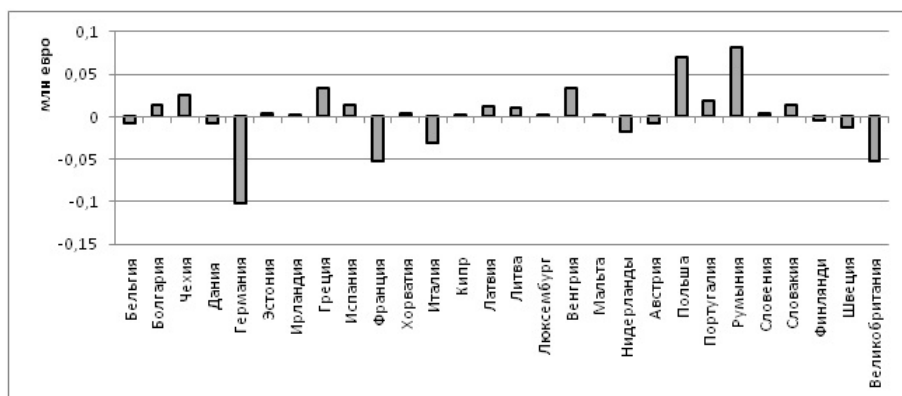

Рис. 1. Перераспределение средств бюджета между странами ЕС в период с 2014 по 2018 г., млн евро¹¹

В ЕАЭС подобные программы поддержки стран финансируются Евразийским фондом стабилизации и развития (ЕФСР — далее)¹². Дан-

⁹ Программа сплочения (Cohesion Policy) — программа социально-экономического выравнивания стран, принята в 1986 г. по инициативе президента Европейской комиссии Ж. Делора. На данный момент реализовано 4 семилетних финансовых плана, и с 2014 г. реализовывается пятый план.

¹⁰ Рассчитано по: *EU expenditure and revenue 2014–2020* // European commission. URL: https://ec.europa.eu/budget/graphs/revenue_expenditure.html (дата обращения: 09.02.2020).

¹¹ Составлено по: *EU expenditure and revenue 2014–2020* // European commission. URL: https://ec.europa.eu/budget/graphs/revenue_expenditure.html (дата обращения: 11.02.2020).

¹² Учрежден в 2009 г. как Антикризисный фонд ЕврАзЭС.

ный фонд создан для предоставления финансовых и инвестиционных кредитов, а также грантов правительствам стран для их устойчивого развития и возможности ускорения интеграции. Государства – участники фонда – страны ЕАЭС и Таджикистан. Основным донором ЕФСР выступает Россия, реципиентами Белоруссия, Армения, Киргизия и Таджикистан. Финансовые кредиты выделяются на реализацию программ, связанных с обеспечением финансовой стабильности, бюджетной устойчивости, улучшением делового климата и развитием интеграции со странами ЕАЭС. Инвестиционные кредиты выделяются на финансирование важных национальных проектов. Гранты предоставляются для финансирования проектов социальной сферы. Как видно из таблицы 1, на данный момент из 14 проектов было завершено всего 4 общей стоимостью 2950 млн долл. США, общее финансирование составило более 4783 млн долл. США, из которых 91 % пришелся на займы Белоруссии. Общее финансирование проектов Белоруссии составило 460 долл. США на душу населения, Армении – 103, Таджикистана – 10, Киргизии – 4 соответственно. Самая высокая выплата средств на душу населения в 115 раз больше, чем самая низкая. В таблице 2 отражены проекты Евразийского фонда стабилизации и развития.

91

Таблица 2

Проекты Евразийского фонда стабилизации и развития¹³

Годы реализации, статус	Объем финансирования, тыс. долл. США	Освоенная сумма, тыс. долл. США	Название проекта, финансовый инструмент
<i>Армения</i>			
2015–2018, завершен	300 000	300 000	Программу реформ, нацеленных на повышение эффективности налогово-бюджетной политики и создание более благоприятной среды для развития частного сектора, финансовый кредит
2015–2018, текущий	100 000	6275	Модернизация оросительных систем, инвестиционный кредит
2018–2021, текущий	1000	–	Усовершенствование профилактики и контроля неинфекционных заболеваний в первичном звене здравоохранения, грант
Текущий	150 000	–	Строительство автодорожного коридора «Север-Юг» в Армении (4 очередь), инвестиционный кредит
Стадия подготовки	30 500	–	Строительство резервуара Мастара, инвестиционный кредит

¹³ Составлено по: *Финансовая отчетность Евразийского фонда стабилизации и развития за год, 1010–2018 гг.* // Евразийский фонд стабилизации и развития. URL: https://efsd.eabr.org/about/documents/financial_statements/ (дата обращения: 02.02.2020).

Окончание табл. 2

Годы реализации, статус	Объем финансирования, тыс. долл. США	Освоенная сумма, тыс. долл. США	Название проекта, финансовый инструмент
<i>Белоруссия</i>			
2011 – 2013, завершен	3 000 000	2 560 000	Финансовый кредит стабилизацию платежного баланса, финансовый кредит
2016 – 2018, текущий	2 000 000	1 800 000	Стабилизационный кредит Республике Беларусь
<i>Киргизия</i>			
2014 – 2018, текущий	20 000	14 499	Финансирование поставок сельскохозяйственной техники, инвестиционный кредит
2014 – 2018, текущий	60 000	7 072	Реконструкция участка дороги Бишкек-Ош, фаза IV, инвестиционный кредит
Текущий	100 000	5 807	Реабилитация Токтогульской ГЭС. Фаза 2, инвестиционный кредит
Текущий	138 000	–	Ввод в эксплуатацию второго гидроагрегата Камбаратинской ГЭС-2, инвестиционный кредит
<i>Таджикистан</i>			
18.06.2010 – 20.08.2010, завершен	70 000	70 000	Поддержка бюджетного финансирования секторов здравоохранения, образования и социальной защиты, финансовый кредит
2016 – 2017, завершен	40 000	20 000	Финансовый кредит на поддержку экономических реформ в стране в 2016 – 2017 гг., финансовый кредит
Стадия подготовки	350 000	–	Реабилитация Нурекской ГЭС. Фаза 1, инвестиционный проект (софинансирование, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), инвестиционный кредит

92

Можно заметить, что деятельность Евразийского фонда стабилизации и развития, в рамках которого происходит перераспределение финансовых средств преимущественно от России к другим его членам, является важным стимулом Евразийской интеграции, а также инструментом для привлечения средств в важнейшие социально-экономические проекты, в том числе в развитие инфраструктуры в Евразии.

Основные выводы

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, интеграция ЕС происходит на основе разработанных концептуальных положений существующих теорий интеграции. В то

же время интеграция ЕАЭС по условиям, механизмам и инструментам сильно отличается от интеграции ЕС, что требует дальнейшей разработки теоретических аспектов интеграции на основе вновь возникшего опыта и прецедентов.

Во-вторых, ЕАЭС изначально имел гораздо худшие экономические условия интеграции, чем ЕС. Кроме того, рассматриваемые интеграционные объединения и их участники сильно различаются по демографическим и экономическим условиям. Доминирование России по численности населения и стремление стран-участниц к независимости во внешней политике заставили ЕАЭС разрабатывать отличительные от Евросоюза принципы принятия решений.

В-третьих, преобладание политических мотивов перед экономическими мотивами в ЕАЭС ведет к сдерживанию интеграционных процессов и ограничению положительных экономических эффектов интеграции, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

В-четвертых, ЕАЭС в настоящее время демонстрирует интересный путь развития интеграции через подписание двухсторонних соглашений с другими странами. В силу наличия общих экономических интересов в ЕС и ЕАЭС, особенно в сфере энергетики, а также проведения в ЕАЭС политики гармонизации, рост сотрудничества между рассматриваемыми интеграционными союзами представляется обоснованным и перспективным.

В целом, можно отметить, что пути интеграции стран ЕС и ЕАЭС отличаются и зачастую достаточно сильно, но опыт ЕС по экономической интеграции, в ЕАЭС частично заимствуется. Кроме того, анализ показал, что в обоих объединениях есть как положительные, так и отрицательные характеристики, что указывает с большой вероятностью на то, что единой теории интеграции быть не может, и интеграционные процессы будут сильно отличаться в зависимости от территориальных, политических, социальных, демографических особенностей объединяющихся стран.

Статья выполнена в соответствии с госзаданием Института экономики УрО РАН.

Список литературы

1. Balassa V. The Theory of Economic Integration. L., 1961.
2. Ильин Е.Ю. Концепция большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. №2 (41). С. 84–92.
3. Проблемы и перспективы строительства Большой Европы / гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2014.
4. Stiglitz J.E. Rewriting the Rules of the European Economy. Foundation for European Progressive Studies. 2019. URL: https://www.feps-europe.eu/attachments/publications/book_stiglitz-rewriting_rules.pdf (дата обращения: 15.02.2020).
5. Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. М., 2017.
6. Лазарева Е.В., Берстенева А.А. Великобритания в ЕС: вступление, отступление, брексит // Вестник Томского государственного университета. 2018. №435. С. 127–134. doi: 10.17223/15617793/435/16.

7. Burns C., Gravey V., Jordan A., Zito A. De-Europeanising or disengaging? EU environmental policy and Brexit // *Environmental Politics*. 2019. Vol. 28 (2). P. 271–292. doi: 10.1080/09644016.2019.1549774.

8. Leruth B., Ganzle S., Trondal J. Differentiated Integration and Disintegration in the EU after Brexit: Risks versus Opportunities // *JCMS-Journal of common market studies*. 2019. Vol. 57, №6. P. 1383–1394. doi: 10.1111/jcms.12957.

9. Трещенков Е. Ю. Евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. №5. С. 31–40.

10. Кондратьева Н. Б. ЕАЭС: государственно-правовая трансформация постсоветского пространства // *Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы*: матер. IX междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2019. Ч. 1. С. 68–72.

11. Кондратьева Н. Б. Евразийский экономический союз: достижения и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, №6. С. 15–23. doi: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-15-23.

12. Кондратьева Н. Б. Предпосылки диалога ЕС и ЕАЭС // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. №3. С. 81–85.

13. Emerson M., Kofner J. Technical Product Standards and Regulations in the EU and EAEU – Comparisons and Scope for Convergence // *IIASA Report*. Laxenburg, 2018. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15272/1/2Technical%20Product%20Standards%20and%20Regulations%20in%20the%20EU.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

14. Кофнер Ю. Ю. Общий рынок ЕС – ЕАЭС: перспективы сближения систем технического регулирования // *Современные евразийские исследования*. 2018. №1. С. 7–14.

15. Pimenova O. Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis // *International Organizations Research Journal*. 2019. Vol. 14 (1). P. 76–93.

16. Entin M., Voynikov V. Institutional and Legal Development of EAEU and EU in Comparative Perspective // *Russian Law Journal*. 2019. Vol. 7 (3). P. 155–168.

17. Лавровский Б. Л., Горошкина Е. А., Позднякова И. В. и др. Современная политика сплочения в ЕС: замыслы и итоги // *Мир экономики и управления*. 2018. Т. 16, №1. С. 96–113. doi: 10.25205/2542-0429-2018-18-1-96-113.

18. Исаченко А. Г. Географический детерминизм – конструктивная научно-мировоззренческая концепция // *Известия Русского географического общества*. 2006. Т. 138, №3. С. 1–14.

19. Господарик Е. Г., Ковалев М. М. ЕАЭС-2050. Глобальные тренды и евразийская экономическая политика. Минск, 2015.

20. Лебедева А. К. Интеграционные процессы на территории бывшего Союза советских социалистических республик (СССР) с участием и без участия России: место Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на постсоветском пространстве // *Экономика. Бизнес. Банки*. 2017. №3. С. 86–95.

21. Freire M. R. The quest for status: how the interplay of power, ideas, and regime security shapes Russia's policy in the post-Soviet space // *International Politics*. 2019. Vol. 56 (6). P. 795–809. doi: 10.1057/s41311-018-0164-y.

22. Marinov E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Countries // *International Journal of Business and Management*. 2015. Vol. 3, №3. P. 22–39. doi: 10.20472/VM.2015.3.3.003.

23. Латкина В. А. Восточный вектор европейской политики соседства: ловушки европеизации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. №6 (39). С. 37–46.

24. Noutcheva G. Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood // *Democratization*. 2018. Vol. 25, №2. P. 312–330. doi: 10.1080/13510347.2017.1363186.

25. *Асимметрия региональных интеграционных проектов XXI века : монография / под ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург, 2018.*

26. *Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14, №1. С. 76–93. doi: 10.17323/1996-7845-2019-01-05.*

27. *Буторина О.В. Европейская интеграция. М., 2011.*

28. *Lammers K. How Will the Enlargement Affect the Old Members of the European Union? // Intereconomics. 2004. Vol. 39. P. 132–141. doi: 10.1007/BF02933580.*

29. *Danilov D. EU – Russia relations in the post-soviet space // The EU Global Strategy: Implications for Russia. М., 2017. P. 15–25.*

30. *Тяубов Р.Т. Проблемы расширения ЕС в современных условиях // Российское предпринимательство. 2011. №2-2. С. 10–15.*

Об авторах

Александр Александрович Ишуков — ассист., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; экономист, Институт экономики Уральского отделения РАН, Россия.

E-mail: a.a.ishukov@urfu.ru

Елена Борисовна Бедрина — канд. экон. наук, доц., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; ст. науч. сотр., Институт экономики Уральского отделения РАН, Россия.

E-mail: bedrina1967@mail.ru

The authors

Alexander A. Ishukov, Assistant, B.N. Yeltsin's Ural Federal University; economist, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: a.a.ishukov@urfu.ru

Dr Elena B. Bedrina, Associate Professor, B.N. Yeltsin's Ural Federal University; Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: bedrina1967@mail.ru

О. А. Балабейкина, В. Л. Мартынов, А. А. Янковская

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДУЩИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЭСТОНИИ

96

Конфессиональное пространство регионов и стран динамично меняется и приобретает все новые характеристики. Но эти перемены и факторы, их определяющие, находят отражение в научных исследованиях далеко не полностью. Одной из наименее исследованных тем является экономическая деятельность конфессий.

Эстония – одна из немногих стран Балтийского региона, где религия не является и в обозримой ретроспективе не была государственным институтом, обеспечивающим доступ к финансовым отчетам своих религиозных организаций.

В то же время население современной Эстонии в большей мере, чем другие страны Северной Европы, подвержено влиянию процессов секуляризации. Цель исследования – анализ экономической деятельности основных религиозных организаций Эстонии с помощью математико-статистического инструментария.

Анализ финансовой деятельности ведущих по числу объектов культовой инфраструктуры и численности адептов Эстонской евангелическо-лютеранской церкви и Эстонской православной церкви Московского патриархата дает основания утверждать, что на данный момент церковь имеет возможность обеспечивать свою текущую деятельность, но не ее развитие или расширение. Более того, уже сейчас перед этими религиозными организациями стоит задача сокращения принадлежащих ей зданий, равно как и штата священнослужителей.

Анализ экономической деятельности религиозной организации крайне редко применяется в научных исследованиях, между тем его результаты могут индикационно отражать и другие процессы и тенденции в функционировании религиозных институтов, проявления жизнедеятельности элементов конфессионального пространства.

The confessional space of regions and countries is dynamically changing and acquiring new characteristics. But these changes and the factors that determine them are not fully reflected in academic research. One of the least studied topics is the economic activity of confessions. Estonia is one of the few countries in the Baltic region where religion has not been a public institution until nowadays, therefore it hasn't provided access to the financial records of its religious organizations.

At the same time, the population of modern Estonia (more than other countries in Northern Europe) is influenced by the processes of secularization. The aim of the study is to confirm this hypothesis using data from economic and mathematical-statistical tools. Analysis of the financial activities of the leading (in the number of objects of religious infrastructure) of adherents of the EELC and EPC MP lets us state that at the moment the Church has the ability to provide its current activities, but not its development or expansion. Moreover, these religious organizations are already facing the task of losing some number of buildings belonging to them as well as the staff of priests.

Analysis of the economic activity of a religious organization is rarely used in scientific research, however, its results may be indicative of the processes and trends in the functioning of religious institutions, implementation of different aspects of churches' activities as parts of the unite confessional space.

Ключевые слова: Эстонская евангелическо-лютеранская церковь, Эстонская православная церковь Московского патриархата, религиозная организация, экономическая деятельность религиозных организаций.

Keywords: Estonian Evangelical Lutheran Church, Estonian Orthodox Church, religious organization, economic activity of religious organizations.

Введение

Необходимость обращения к исследованиям в области конфессиональной проблематики для территории России, ближнего и дальнего Зарубежья обусловлена как задачей обобщения уже имеющихся данных, так и апробированием новых теоретико-методологических подходов в данной области научных знаний.

На современном этапе религиозное пространство подвержено динамичным изменениям, поэтому исследования, связанные с анализом трансформаций, которые оно претерпевает, сейчас актуальны как на региональном, так и на национальном уровне. При этом уделяя внимание самым разнообразным аспектам жизнедеятельности религиозных институтов, исследователи чаще всего оставляют в стороне вопросы, отражающие экономические проявления функционирования последних. Между тем различные доктринальные и институциональные особенности религий могут оказывать существенное влияние на социальные и экономические составляющие общественной жизни.

Цель данного исследования – анализ экономической деятельности ведущих религиозных организаций Эстонии – Эстонской евангелическо-лютеранской церкви (ЭЕЛЦ) и Эстонской православной церкви Московского патриархата (ЭПЦМП) для выявления ее специфических особенностей.

Степень изученности проблемы

Последние десятилетия характеризуются появлением большого числа отечественных и зарубежных научных работ, посвященных исследованию религиозного пространства [1–19].

Научные работы, отражающие специфику финансовой деятельности религиозных организаций или их влияния на экономику, сравнительно редки, но проводятся как в России [20–27], так и за рубежом [28; 29], а исследований конфессионального пространства Прибалтийских стран в этом аспекте на данный момент нет.

Основу конфессионального пространства Эстонии формируют такие религиозные организации, как ЭЕЛЦ и ЭПЦМП [30], проанализи-

ровать хозяйственно-финансовую деятельность которых позволяет наличие документов по финансовой отчетности, публикуемой на эстонском языке [31–33].

Анализ отчетных данных позволяет утверждать, что на текущий момент обозначенная религиозная организация является крупнейшей в стране, она представлена тремя епархиями, состоящими из 167 приходов с штатом из 212 священников. Официальная статистика указывает, что в 2016 г. прихожане ЭЕЛЦ составляли 160247 человек, активно, судя по числу треб, участвующих в религиозной жизни. Так, за 2017 г. в ЭЕЛЦ было произведено 1610 крещений, 351 венчание, 2639 отпеваний [31]. Всего в 2017 г. в Эстонии родилось примерно 14 тыс. человек, следовательно, менее 12 % из них было крещено в национальной церкви. Погребальные обряды ЭЕЛЦ были совершены над 15 тыс., то есть около 18 % умерших. Так, в течение 2017 г. было проведено более 17 тыс. лютеранских богослужений. В детских и молодежных мероприятиях, организованных ЭЕЛЦ участвовало 3525 детей и 971 подросток соответственно. В детских лютеранских лагерях побывало 883 ребенка. В 2016 г. была создана новая структурная единица ЭЕЛЦ – семейный центр, работающий в Таллине и Тарту, ставящий целью оказание разнообразной помощи прихожанам и оказавший ее за год 765 людям. Позитивным показателем состояния ЭЕЛЦ можно считать строительство новых храмов (например, начато строительство храма в Таллине, в районе Мустамяэ).

Исходя из этого, можно утверждать, что значение ЭЕЛЦ в жизни современного эстонского общества и государства в целом невелико, хотя она и является преобладающей по численности адептов. Приведенные выше данные подтверждают, что население Эстонии сильно подвержено влиянию процессов секуляризации.

Тем не менее, ЭЕЛЦ остается значимым социальным институтом, реализующим свою деятельность в различных направлениях, среди которых приоритетны семейное консультирование, проведение тренингов по воспитанию детей, работа в пенитенциарных системах, служба поддержки для освобожденных от тюремного наказания и их детей, работа с беженцами и людьми с ограниченными интеллектуальными и физическими возможностями. Организуются также занятия в воскресных школах, летние лагеря и проекты по расширению возможностей трудоустройства различных групп населения.

Мероприятия, организуемые и проводимые ЭЕЛЦ требуют, помимо прочего, финансовых затрат. Поэтому, отвечая на вопросы, связанные с экономической деятельностью ЭЕЛЦ на основе ее финансовых отчетов, следует обозначить структуру доходов и расходов религиозной организации. Доходы ЭЕЛЦ за 2017 г. представлены следующими статьями.

1. Пожертвования и гранты. Крупные пожертвования в отчетном году были получены со стороны Германии (от протестантской церкви и иных церквей, от частных лиц) – 209103 евро; из Финляндии (Всемир-

ной лютеранской федерации, Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии, Финской лютеранской евангельской ассоциации и пр.) – 133 469 евро, от Норвежского миссионерского общества – 41 724 евро, Эстонского совета церквей – 63 170 евро, Министерства внутренних дел – 40 000 евро, Национального архива – 5 776 евро, Агентства социальной защиты и здравоохранения – 13 500 евро, местных властей (10 300 евро) и частных лиц (14 500 евро). Общая сумма полученных в 2017 г. пожертвований составила 622 181 евро, что на 136 581 евро меньше, чем за 2016 г. (падение на 18 %) за счет сильного снижения объемов пожертвований от физических лиц (на 220 454 евро или на 94 %). Вместе с грантами сумма нецелевых пожертвований составила за 2017 г. 805 963 евро, что меньше показателя 2016 г. на 96 277 евро. Сокращение на 11 % произошло из-за снижения ассигнований из государственного бюджета (аналогичная тенденция наблюдалась и в 2016 г. относительно уровня 2015 г.).

2. Взносы членов ЭЕЛЦ. В 2017 г. Церковью были получены целевые и нецелевые членские взносы в размере 232 690 евро, что превышает показатель 2016 г. на 15 253 (рост на 7 %) и показатель 2015 г. на 26 114 евро (рост на 11 %). Интерес представляет тот факт, что наряду с ростом суммы взносов наблюдается сокращение числа прихожан: их количество в 2017 г. составило 154 089 человек (из них 27 280 спонсоров), в то время как в 2016 г. – 160 247 человек (из них 28 204 спонсора), а в 2015 г. – 175 000 человек.

3. Доходы от финансовой деятельности. В 2017 г. в перечень доходов вошли доходы от аренды (1 428 265 евро), ремонтных и прочих услуг – 36 466 евро, от публикаций – 11 359 евро. Всего доходов в размере 1 476 090 евро, что превышает показатель 2016 г. на 9325 евро (рост на 0,6 %) и показатель 2015 г. на 152 623 евро. В частности, успешный финансовый результат от инвестиционной деятельности (продажа инвестиционных активов, предоставление кредитов, полученные проценты и пр.) составил 149 201 евро, что превышает показатель 2016 г. на 255 580 евро.

4. Прочие доходы. К обозначенной категории доходов отнесены выручка от работы консистории – 927 120 евро (рост на 90 % относительно 2016 г.); прибыль от реализации недвижимости, поступления от конгрегаций – 575 506 евро, доходы от работы Института богословия 122 474 (сокращение на 30 % от уровня 2016 г.), безвозмездно переданное церкви имущество (34 539 евро), деятельность семейного центра, которая принесла 17 868 евро и пр. Всего по итогам 2017 г. 1 791 787 евро. Показатель превышает результат 2016 г. на 514 641 евро (рост на 40 %) и 2015 г. на 744 812 евро (рост на 71 %).

5. Полученные проценты по вложениям – 2463 евро, что превышает уровень 2016 г. почти в 60 раз. В 2017 г. также получено кредитов на 3960 евро на срок до 12 месяцев, в 2016 г. – на 80 000 евро. Если к 2016 г. общая сумма накопленных кредитов составляла 2 633 886 евро (из них долгосрочных (до 5 лет) – 93 %), то на 2017 г. уже 2 438 490 евро (долгосрочных – 93 %). Ввиду грамотной финансовой политики сокращение

объема кредитов составило 7,5 %. Аналогичную тенденцию демонстрирует и балансовая стоимость активов, заложенных в качестве обеспечения кредитов, которая третий год продолжает сокращаться: на 2017 г. она составила 5429256, что на 1,5 % меньше, чем в 2016 г. и на 3 % меньше, чем в 2015 г. В то же время остаточная стоимость такого значимого элемента активов, как объекты недвижимости, составляет 18189363 евро, что на 2 % ниже оценки за 2016 г. и на 3,5 % ниже уровня 2015 г. Соответственно, имущество, использованное в качестве залогового в рассматриваемый период, не превосходило 30 % стоимости недвижимости, находящейся в собственности церкви.

100

Интерес представляет отображение распределения собственных доходов церкви за 2017 г. по группам: сдача имущества в аренду — 36 %, консистория — 23 %, пожертвования и гранты — 16 %, поступления от конгрегаций — 14 %, взносы — 6 %, институт богословия — 3 %, безвозмездно переданное имущество — 1 %, услуги — 1 %, публикации — менее 1 %.

В свою очередь, расходы ЭЕЛЦ подразделяются на следующие категории:

а) операционные расходы (богослужебные принадлежности, материалы, обучение и пр.) в размере 2001331 евро, что свидетельствует о возрастании данного типа расходов по сравнению с показателем 2016 г. на 31 %. Общий денежный поток от финансовой деятельности — 252331 евро, что показывает сравнительное ухудшение показателя с уровня 2016 г. (-164396 евро) — 45 %;

б) затраты на оплату труда составляют 41 %, или 1818109 евро (собственно заработная плата — 1371569 евро и налог — 446540 евро), что превышает показатель 2016 г. на 14 % вследствие роста среднего числа официально зарегистрированных работающих со 132 до 154 человек. Очевидным становится, что часть священников не состоит в штате ЭЕЛЦ;

в) прочие расходы — 1 %. В абсолютных цифрах членские взносы — 17539 евро, земельный налог — 22423 евро и прочие расходы: всего 62987 евро, что ниже показателя 2016 г. на 39 %;

г) пожертвования и гранты, предоставляемые церковью третьим лицам и организациям — 5 %, или 228994 евро, что ниже показателя 2016 г. на 49 %;

д) расходы по обслуживанию кредитов — 1 %, или 39029 евро, что ниже показателя 2016 г. на 25 % и ниже уровня 2015 г. на 40 %, что говорит о грамотной финансовой политике церкви. Одновременно и уровень затрат на погашение полученных кредитов (211267 евро) также несколько превышает показатели предыдущих лет;

е) амортизация — 7 %, или 331131 евро, что ниже показателя 2016 г. на 10 %. Данные расходы также включают оценку снижения стоимости основных средств.

При анализе бюджета за 2016 г. в части пассивов баланса выделяется положительная тенденция к созданию резервного капитала на сумму

47521 евро, а также снижение доли долгосрочных обязательств на 4%. Создание резервного капитала свидетельствует об увеличении уровня финансовой независимости ЭЕЛЦ от внешних факторов.

Стоит обратить внимание на значительное увеличение убытка (на 97%), в отчетном 2016 г. расходы ЭЕЛЦ были значительно выше доходов. Если в дальнейшем продолжится такая динамика, то ЭЕЛЦ понадобится дополнительное привлечение средств со стороны (например, пожертвования и гранты) для увеличения доходности. Также возможно ЭЕЛЦ стоит пересмотреть свою политику расходов, так как преобладающую часть расходов, согласно отчету о прибылях и убытках, составляют расходы на оплату труда, следовательно, возможно сокращение священников и персонала в ЭЕЛЦ.

Сумма собственного капитала ЭЕЛЦ на конец 2016 г. составила 18400033 евро (с учетом результатов прошлых периодов), что отражает положение финансовой устойчивости организации, так как ее капитал составляет внеоборотные и часть оборотных активов.

Следующим важным аспектом анализа является оценка устойчивости ЭЕЛЦ, проведенная по отчетным данным за 2016 г. Анализируя финансовую устойчивость, можно выявить, в какой мере проявляется зависимость ЭЕЛЦ от заемных средств. ЭЕЛЦ не использует собственные средства при осуществлении своей деятельности, что является низко рискованной политикой, но стоит отметить, что ЭЕЛЦ увеличила незначительно долю собственного капитала в обороте на конец 2016 г. Если данная динамика будет сохраняться, то деятельность будет осуществляться рискованно. Несмотря на значение величины собственных оборотных средств для оценки устойчивости финансового состояния собственный капитал, выступая абсолютным показателем, не дает возможности объективно судить о том, какую роль он играет для оборотных активов. В динамике обнаруживается недостаток оборотных средств организации и долгосрочных заемных средств, а также выражение объема источниковой базы, позволяющей сформировать запасы и затраты. В 2015 г. показатели были ниже, следовательно, произошло положительное изменение. На основе трехмерного показателя можно оценить тип финансовой устойчивости. В 2016 г. состояние ЭЕЛЦ оценивается как неустойчивое. ЭЕЛЦ стоит задуматься о дополнительных источниках привлечения средств для финансирования деятельности.

О состоянии финансовой устойчивости можно судить, и опираясь на данные о собственных и заемных средствах, анализируя их с применением финансовых коэффициентов. Далее возможно рассчитать и сравнить имеющиеся значения с установленными базисными величинами, чтобы потом проанализировать изменения в динамике. Оценку финансовой устойчивости ЭЕЛЦ позволяет провести обращение к относительным финансовым коэффициентам.

Коэффициент автономии принимает значение выше порогового (его минимум принято определять как 0,5): у ЭЕЛЦ высокая степень финансовой зависимости, наблюдается устойчивость данного коэффициента.

Коэффициент соотношения заемных и собственных средств показывает, какой объем первых был привлечен относительно одной денежной единицы вложенных в активы последних. Значение 0,17 свидетельствует о финансовой устойчивости ЭЕЛЦ, так как находится в рамках порогового значения 0,7. В случае роста данного коэффициента можно будет говорить о финансовой зависимости от внешних источников и потери устойчивости.

Коэффициент обеспеченности собственными средствами, по расчетам имеющий отрицательное значение (-3,35), позволяет говорить, что собственными оборотными средствами для финансовой устойчивости ЭЕЛЦ не располагает.

Коэффициент маневренности, нормативное значение которого 0,2–0,5 отражает возможности для пополнения оборотных средств из собственных источников организации, применительно к ЭЕЛЦ составляет (-0,13) и позволяет говорить об отсутствии для нее возможности финансового маневра

Стабильно для деятельности ЭЕЛЦ значение такого показателя, как коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных средств (0,04). С его помощью можно определить объем внеоборотных средств, приходящийся на 1 денежную единицу оборотных активов. Обозначенный показатель прямо зависит от объема средств, вложенных в оборотные активы.

Применение в качестве аналитического инструмента относительных коэффициентов придает полноту объективности оценки абсолютных показателей финансовой устойчивости. Ликвидность и платежеспособность организации являются индикаторами ее финансового состояния, отражающими способность в срок и в полном объеме рассчитаться по краткосрочным обязательствам.

Оценка ликвидности баланса позволяет справиться с задачей выявления величины покрытия обязательств активами, период перевода которых в форму денежных единиц будет равен сроку погашения обязательств. При определении ликвидности баланса группы актива и пассива сопоставляются между собой. Об абсолютной ликвидности баланса можно судить по выполнению нормативных неравенств.

Сопоставление $A1 - П1$ и $A2 - П2$ позволяет выявить текущую ликвидность, сравнение $A3 - П3$ отражает перспективную ликвидность. Четвертое неравенство носит балансирующий характер, его выполнение свидетельствует о наличии собственных оборотных средств. Состояние ЭЕЛЦ отклоняется от нормы, при этом отличается своей стабильностью ($A1 \leq П1$; $A2 \leq П2$; $A3 \leq П3$; $A4 \geq П4$).

Такой показатель, как коэффициент ликвидности, дает возможность судить о том, в какой мере текущие обязательства обеспечены ликвидными средствами. Значение коэффициента текущей ликвидности должно превышать 1 (хотя он зависит от ряда факторов, в том числе от страны, отрасли хозяйства и т. д.). В любом случае применительно к ЭЕЛЦ данный показатель стабилен и находится на границе нормы. Рекомендуемый интервал коэффициента быстрой ликвидности пребывает в границах от 0,7 до 1,5. Данный показатель находится в этих границах.

Коэффициент абсолютной ликвидности – это способность организации выполнять текущие обязательства за счет погашения денежными средствами. Значение данного показателя неизменно и характеризуется как наличие невостребованных денежных сумм на счетах ЭЕЛЦ. Получается, что ей стоит пересмотреть политику использования денежных средств.

Финансовая устойчивость организации зависит от чистого оборотного капитала. Данное значение существенно уменьшилось (почти в 3 раза, с 157 159 до 45 667 евро), в связи с этим можно говорить о снижении ликвидности и уменьшении кредитоспособности ЭЕЛЦ.

Завершающим этапом анализа финансово-экономического состояния является оценка эффективности хозяйственной деятельности.

Чтобы судить о степени эффективности использования ресурсов, которые имеются в распоряжении ЭЕЛЦ (к таковым можно отнести материальные, трудовые, денежные и т.д.), следует использовать относительные показатели деловой активности. Грамотное управление финансами подразумевает достижение максимальной эффективности в использовании оборотных средств, а контроль за соблюдением этого требования осуществляется с помощью расчета показателей оборачиваемости.

Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности сигнализирует об отсутствии проблем оплаты от покупателей. Оборачиваемость дебиторской задолженности и потребности компании в оборотном капитале находятся в отрицательной зависимости. Увеличение данного показателя дает повод задуматься об изменении политики в части дебиторской задолженности.

Расчет с кредиторами также увеличился по сравнению с 2015 г., в 2016 г. можно говорить о том, что ЭЕЛЦ выполняет расчетные обязательства по отношению к своим партнерам. Период сбора кредиторской задолженности снизился.

Операционный цикл является одним из ключевых индикаторов эффективности управления оборотным капиталом. Снижение на 17 ед. продолжительности операционного цикла приводит к спаду потребности в оборотном капитале.

Эффективность деятельности ЭЕЛЦ в финансовом смысле характеризуется значением показателей прибыли и рентабельности. В первую очередь, они зависят от объема реализованной продукции, уровня и структуры затрат. Объем прибыли – одна из самых распространенных и обобщенных характеристик, отражающих эффективность деятельности организации, а рентабельность – один из основных стоимостных качественных показателей эффективности производства, характеризующий уровень отдачи затрат и степень использования средств в процессе производства и реализации продукции.

Рентабельность продаж отражает, какой процент прибыли получает от них ЭЕЛЦ. Данный показатель уменьшился на 6 % за год (с 44 до 38 %), это связано с уменьшением финансового и операционного циклов. Продукция, которую предлагает к продаже ЭЕЛЦ (книги, свечи,

изделия ручной работы) пользовалась бы гораздо большим спросом, если бы численность верующих лютеран в стране была шире и многочисленнее.

Рентабельность активов отражает, насколько активы организации способны приносить прибыль. Данная способность у ЭЕЛЦ увеличилась на 1 % (до 7 %).

В заключение хотелось бы отметить, что финансовое состояние ЭЕЛЦ достаточно стабильно, отличается высокой долей собственного капитала. Снижение значений ликвидности и рентабельности за 2016 г. незначительны, но в случае продолжения негативной динамики спада возможно наступление кризисного состояния. На данный момент уже существует риск дальнейшего спада за счет увеличения роста убытков. Как было сказано ранее, ЭЕЛЦ следует пересмотреть ряд управленческой политики в части оплаты труда, также возможен поиск путей снижения расходов на основной вид деятельности.

ЭЕЛЦ обозначила и пытается расширять свою социальную роль в стране, хотя ее модель состояния и развития на данный момент существенно отличается от стран Северной Европы, где лютеранская церковь является государственной структурой (Финляндия) или до недавнего времени была ею (Норвегия, Швеция). Например, в перечисленных странах доля членов лютеранской церкви колеблется в пределах 60 % от общей численности населения, то есть, как минимум, в 5 раз выше, чем в Эстонии. В странах Северной Европы лютеранство остается, несмотря на процессы секуляризации, значимой частью культуры и признаком идентификации коренного населения [9]. Также в отличие от Эстонии в этих государствах существует практика взимания обязательного церковного налога или членских приходских взносов. Различия эти обусловлены историческими и политическими условиями становления и развития конфессионального пространства в обозначенных государствах.

Анализ экономической деятельности Эстонской православной церкви Московского патриархата

ЭПЦМП – самоуправляемая единица канонической юрисдикции Русской православной церкви. Две ее епархии – Таллинская и Нарвская – объединяют 32 православных прихода, штат духовенства которых представлен 58 священнослужителями. Статистическая информация о количестве совершенных церковных обрядов и числа людей, участвовавших в них, в открытом доступе ЭПЦМП не предоставляются. И объем исходных данных для проведения исследования в области экономической деятельности гораздо меньше, чем в ЭЕЛЦ, что выступает в качестве весьма затруднительного обстоятельства и создает предпосылки для асимметрии данных. Тем не менее результатов более подробного изучения экономических проявлений в рамках религиозной организации опубликовано не было.

Проводя анализ основных показателей финансовой деятельности Таллинской епархии и Нарвского епархиального управления за 2017 г., следует отметить состав доходных и расходных статей бюджета:

— доходы складываются из доходов от уставной деятельности (68,5 %, рост на 11 % относительно уровня 2016 г.), целевых пожертвований от физических и юридических лиц (30 %, рост на 26 %) и бюджетных средств Эстонского совета церковью (ЭСЦ) (1,5 %, без изменений);

— расходы включают отчисления на нужды церковного управления (8,7 %, рост относительно 2016 г. на 9,6 %), зарплату и налоги (48,5 %, рост на 9 %), ремонт, строительство и целевые пожертвования (22 %, рост на 39 %), расходование средств ЭСЦ (1,7 %, без изменений), благотворительность (0,6 %, рост на 98 %), общехозяйственные расходы (13 %, рост на 1 %), на церковные товары (3,2 %, сокращение на 31 %), помощь малоимущим приходам (1,3 %, рост в 5,6 раза), отчисления в фонд образования и катехизации (0,15 %, без изменений), на издание газеты (0,45 %, практически без изменений).

Положительный финансовый результат отчетного года (2017) 55 676 евро, что превышает (чуть более, чем в два раза) результат 2016 г.

Структура доходов Таллинской и Нарвской епархий представлена доходами от уставной деятельности — 68 %, целевыми пожертвованиями физических и юридических лиц — 30 %, бюджетными средствами ЭСЦ — 2 %.

Структура расходов Таллинской и Нарвской епархий:

- заработная плата и налоги — 49 %;
- ремонт, строительство и целевые пожертвования — 22 %;
- общехозяйственные расходы — 13 %;
- отчисления на нужды церковного управления — 9 %;
- закупка церковных принадлежностей — 3 %;
- целевые расходы из средств ЭСЦ — 2 %;
- благотворительность — менее 1 %;
- помощь малоимущим приходам — менее 1 %;
- издание общецерковной газеты и отчисления в фонд образования и катехизации — менее 1 %.

Отдельно можно провести анализ основных показателей финансовой деятельности церковного управления ЭПЦМП (ЦУ ЭПЦМП), которые также являются показательными с точки зрения оценки финансового состояния ЭПЦМП. Основными источниками доходов и образования имущества ЦУ ЭПЦМП являются:

- 1) церковные взносы — 151 362,96 евро (45 %);
- 2) доходы от реализации церковных принадлежностей и изданий — 21 466 евро (6 %);
- 3) нецелевые пожертвования — 32 422,91 евро (10 %);
- 4) целевые пожертвования (на строительство храмов, на зарплату священников, на юбилейные мероприятия при их наличии, на отдел катехизации и образования, на помощь малоимущим приходам, на ремонт церковей, на проведение детских лагерей и пр.) — 131 263,24 евро (39 %).

В целом по основной деятельности и целевым пожертвованиям сумма поступлений составила на 2017 г. 336516,81 евро.

В отчетном периоде на 2017 г. большую долю доходов составили церковные взносы, которые составляют почти 45 % от общего объема доходов. Следует упомянуть тот факт, что ЭПЦМП на 60 % находится на самообеспечении из поступлений по основному виду деятельности. Оставшаяся часть всех доходов составляет помощь сторонних организаций в виде целевых пожертвований. Так, на 2017 г. вторым по величине источником, четко определенным в отчете, является целевая помощь от ЭСЦ. Эта сумма представляет фиксированный доход. В основном денежные средства идут на проведение ремонтных работ, а также на издательство православной литературы на эстонском языке. Остальные строки дохода не являются основными, поэтому их доля менее существенна. Структура доходов Таллинской и Нарвской епархий отличается от доходов ЦУ ЭПЦМП, характеризующихся несколько более сложной системой в силу особенностей используемой системы финансирования ЦУ ЭПЦМП и более подробного освящения в бюджетах.

Обращаясь к анализу финансовой составляющей деятельности ЦУ ЭПЦМП, следует отметить, что расходная часть бюджета в 2017 г. включает следующие статьи нецелевых расходов церкви: аренда помещений, коммунальные платежи, транспорт, банковские и финансовые расходы, заработная плата, налоги и пошлины, командировки и приемы, амортизация и износ оборудования, почта и связь, хозяйственные нужды и инвентарь, церковные принадлежности и издания, канцелярия и оргтехника, оплата услуг (охрана, нотариус и пр.), представительские расходы, визы, страховки, поддержка интернет-страницы, ремонт квартирной собственности, благотворительная помощь. Общая сумма затрат по основной деятельности составляет 212920,1 евро.

Целевые расходы (131263,24 евро) включают расходование целевой помощи от ЭСЦ на праздничные мероприятия, строительство и благоустройство храмов, поддержку отдела катехизации и образования, помощь малоимущим, детские лагеря, зарплаты священников и пр., и в точности соответствуют направлениям целевых пожертвований и поступлений. Расходование средств целевых фондов не оказывает влияния на формирование итогового финансового результата за год.

Структура расходов ЦУ ЭПЦМП:

- целевые расходы – 39 %;
- заработная плата – 29 %;
- общехозяйственные расходы – 13 %;
- налоги – 10 %;
- закупка церковных принадлежностей – 6 %;
- прочие – 6 %;
- транспорт – 5 %;
- аренда – 2 %;
- представительские расходы – 1 %;
- банковские расходы – менее 1 %.

По части расходов в 2017 г. наблюдается следующую ситуацию. Доля затрат по основной деятельности составляет 61 %. В структуру данных расходов входят расходы на заработную плату, что составляет 30 % от общего числа, налоговые выплаты и госпошлины — 10 %. Стоит также обратить внимание на то, что все целевые доходы использованы по назначению, однако не все суммы совпадают с плановыми. Так, например, по отчету на амортизацию израсходовано примерно в два раза больше, чем это прописано в плане, но резко были сокращены затраты на поддержку интернет-страницы. Существенно превышены также целевые расходы на праздничные мероприятия, что связано с празднованием 100-летнего юбилея, что могло послужить причиной ограничения средств на получение церковных товаров и книг через ЦУ ЭПЦМП. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 2018 г., когда были значительно превышены расходы на прием гостей и праздничные мероприятия в связи с выборами нового предстоятеля ЭПЦМП. Как указывается в отчетах, данные факторы в дальнейшем необходимо учитывать при финансовом планировании, что, вероятно, потребует создания специальных фондов.

Баланс ЦУ ЭПЦМП за 2017 г. имеет дефицит в 7666,53 евро, в то время как Таллинской и Нарвской епархий, как уже отмечалось, удалось сформировать незначительные резервы. Подробное рассмотрение исполнения доходной и расходной частей бюджета показывает, что отрицательный баланс по итогу зависит не только от незапланированных трат, но и от недополученной суммы пожертвований. Данная ситуация демонстрирует, что денежные потоки от основных пожертвований, покрывают только 95 % всех основных расходов, остаток приходится на прочие пожертвования. Однако не стоит забывать, что такие пожертвования имеют характер незапланированных и являются резервом.

Общий объем доходов и расходов ЭПЦМП растет, что говорит не только о возрастании с каждым годом объема нецелевых и целевых пожертвований, но и об увеличении числа верующих. Самые высокие темпы роста в 2017 г. наблюдались у расходов на ремонт и строительство, на благотворительность, а также в объемах целевых поступлений. В бюджете на 2018 г. мы можем видеть также возрастание всех категорий расходов (в особенности, в части помощи малоимущим приходам — рост в 5 раз до 23 365 евро, на ремонт и строительство — до 757 334 евро (почти в 2 раза). Исключение составляют затраты на издание общецерковной газеты: сокращение на 10 % до 7475 евро при совокупном объеме расходов в 2277 945 евро относительно 1781 953 евро в 2017 г.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод, сводящийся к тому, что финансовое состояние ЭПЦМП на 2017 г. не показало положительных результатов. Во-первых, это связано с сокращением объемов поступлений от основных пожертвований на 1 % от прогнозного. Во-вторых, для покрытия всех затрат использовались резервные средства, и, как итог, по многим статьям на 2018 г. их не удалось сформировать. По некото-

рым статьям (например, на печатное издание «Православного собеседника») был потрачен резерв, сформированный накоплениями прошлых лет. В-третьих, помощь малоимущим приходам и рост приходских расходов на закупки общецерковных предметов не способствуют сбалансированному выполнению бюджета, хотя у некоторых приходов Таллинской епархии общий результат деятельности позволяет создавать даже небольшие накопления. В последующие годы запланированы мероприятия по компенсации накопленного бюджетного дефицита (например, рост на 2 % общей суммы приходских доходов в виде пожертвований и поступлений). Для сравнения, ЭЕЛЦ на данный момент является более финансово стабильной, несмотря на значительный объем привлекаемых внешних ресурсов в форме кредитов, на фоне снижения ликвидности и объемов пожертвований. Как объясняет ЦУ это во многом связано с ошибками в финансовом менеджменте церкви. Например, затраты епархий ЭПЦМП на заработную плату (с учетом выплачиваемых налогов и неизменности уровня самой заработной платы) составляют около половины совокупных расходов (в отличие от ЦУ ЭПЦМП – 39%; ЭЛЦ – 40%), и в отчетах ЦУ ЭПЦМП содержатся рекомендации епархиям по пересмотру порядка оплаты труда и поиска новых способов снижения расходов на основную деятельность.

Если же попытаться очень коротко и схематично обрисовать современное экономическое состояние ЭЕЛЦ, то можно утверждать только одно: эта церковь едва «держится на плаву». Средств на восстановление своего былого влияния у нее нет. Не хватает денег на строительство новых храмов или реконструкцию уже существующих; оно может осуществляться только за счет внешних источников, в том числе и государственных. Однако привлечение этих внешних источников в условиях вялотекущего кризиса современной эстонской государственности вряд ли возможно в том объеме, который необходим ЭЕЛЦ.

Анализ финансового состояния обоих ведущих религиозных институтов Эстонии позволяет говорить о том, что результаты применения экономико-статистического научного инструментария отражают тенденции конфессиональных процессов на национальном и региональном уровнях. Оценка экономической деятельности религиозных организаций заслуживает более широкого использования в исследованиях, предметом которых выступает конфессиональное пространство.

Список литературы

1. Шведова В. В. Становление географии религий как научной дисциплины в общественно-географической познавательной области // Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема. 2015. №4 (21). С. 113–124.

2. Мраморнов А. А., Мраморнов А. И. Особенности изучения епархиальной истории Русской Православной Церкви (к вопросу о новом научном направлении) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №4. С. 75–80.

3. Шитиков Ф. В. Географические особенности религиозной ситуации в республике Бурятия // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. №1 (17). С. 231–238.

4. Лагушева Н.Н. Паломничество и религиозный туризм: грани различия (размышления в рамках круглого стола) // Вестник Российской международной академии туризма. 2017. №1. С. 95–101.

5. Манаков А.Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX – начале XXI вв. // Географический вестник. 2019. №2 (49). С. 13–24.

6. Манаков А.Г., Суворков П.Э. Сдвиги в конфессиональном пространстве России в XVIII – начале XX в.: историко-географический анализ // Известия Русского географического общества. 2018. Вып. 2. С. 3–15.

7. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. №3. С. 113–126.

8. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. №3 (82). С. 102–113.

9. Лункин Р.Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. 2011. №2 (46). С. 125–137.

10. Захаров И.А. Факторы поляризации конфессионального пространства Эфиопии // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. №4. С. 178–188.

11. Захаров И.А. Роль миссионерских станций в распространении христианства в Северо-Западной Африке // Региональные исследования. 2018. №4. С. 36–43.

12. Сафронов С.Г. Факторы развития религиозной среды на постсоветском пространстве // Проблемы безопасности российского общества. // 2015. №2. С. 125–131.

13. Элбакян Е.С. Глобальное и этноконфессиональное в религиозной ситуации на постсоветском пространстве // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. №3. С. 121–132.

14. Филиппов Б.А. Церковь и государство после падения советской системы: проблемы и решения (на примере Венгрии, Польши, Чехии) // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. №25. С. 65–70.

15. Дворников Ю.В., Дементьева М.Б. Религиозный ландшафт США как совокупность религиозных геосистем // Псковский регионологический журнал. 2017. №4 (32). С. 16–30.

16. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1. С. 92–108. doi: 10.5922/2078-8555-2019-1-7.

17. Peri Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands // European Journal of population. 2016. №2. P. 231–265.

18. Batalla E. V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion // Religions. 2019. №10 (3). P. 197–207. doi: <https://doi.org/10.3390/rel10030197>.

19. Jarnecki M., Palinczak M. Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechoslowackim epizodzie jej dziejów // Sprawy Narodowosciowe, Seria nowa. 2014. №45. S. 88–105. doi: 10.11649/sn.2014.025.

20. Богатова О.А., Долгаева Е.И., Митрофанова А.В. Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты // Регионология. 2019. Т. 27, №3. С. 489–512. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512>.

21. Гогин А.А., Гогина В.Н. Правовые аспекты экономической деятельности религиозных организаций: прошлое и настоящее. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. №2. С. 13–21.
22. Гориславская Н.В. Особенности экономического анализа деятельности религиозных организаций // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2014. №4. С. 85–91.
23. Сергеев П.В. Коммерческая деятельность религиозных организаций как гражданско-правовая конструкция. // Современные научные исследования и инновации. 2011. №3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1309> (дата обращения: 07.10.2019).
24. Балабейкина О.А., Лавхаева Д.Н. Англиканская Церковь: экономический, правовой, территориальный аспекты проявления конфессиональной деятельности в Великобритании // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. №1. С. 91–98.
25. Сухарев А.Н. Экономические основы деятельности Русской Православной Церкви в современном мире // Финансы и кредит. 2014. №27 (603). С. 20–26.
26. Котов Л.А. Новая экономика Русской православной церкви: практика метаморфоз венчурного капитала // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. №32. С. 56–60.
27. Durmus B., Shipman D. The Effect of Culture on Food Consumption; a Case of Special Religious Days in Turkey // Journal of Food Research. 2017. Vol. 6, №2. doi: 10.5539/jfr.v6n2p92.
28. Campante F., Yanagizawa-Drott D. Does religion Affect Economic: Growth and Happiness? Evidence from Ramadan // Quarterly Journal of Economics. 2015. Vol. 130. P. 615–658.
29. Зверев К.А. Православная Церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета. 2014. №1. С. 36–39.
30. Eesti Evangeelne Luterlik Kirik: majandusaasta aruane, 2016. URL: http://www.eelk.ee/wp-content/uploads/2017/04/Aruanne_80208720.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
31. Eesti Evangeelne Luterlik Kirik: majandusaasta aruane, 2017. URL: <http://www.eelk.ee/wp-content/uploads/2018/10/28.06.2018-EELK-Äriregistri-aruane.pdf> (дата обращения: 06.10.2019).
32. Moskva Patriarhaadi Eesti Õigeusu Kirik: majandusaasta aruane, 2017. URL: <https://www.teatmik.ee/et/personlegal/80202812-Moskva-Patriarhaadi-Eesti> (дата обращения: 21.10.2019).

Об авторах

Ольга Александровна Балабейкина – канд. геогр. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: olga8011@yandex.ru

Василий Львович Мартынов – д-р геогр. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Анна Андреевна Янковская – канд. экон. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: aia777@yandex.ru

The authors

Dr Olga A. Balabeikina, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: olga8011@yandex.ru

Prof. Vasiliy L. Martynov, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Dr Anna A. Iankovskaia, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: aia777@yandex.ru

Т. К. Примак, С. В. Лонская

Рец. на книгу: Серков П. П. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования). — М.: Норма, 2020. — 688 с.

112

В 2020 г. издательством «Норма» выпущена в свет монография доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Петра Павловича Серкова «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)».

Динамичность социально-правовой реальности требует от науки находить новые подходы к объяснению и прогнозированию правовых явлений. Последние, как известно, познаются через категории и понятия, формулируемые в рамках общей теории права и отраслевых юридических наук. Одной из фундаментальных категорий юриспруденции, в которой реализуется социальная жизнь права, идеи правового регулирования, юридически закреплённые модели должного поведения, является правоотношение. Интерес к исследованию этой проблематики не ослабевает. Но по большей части дискуссии идут в рамках обсуждения понимания правоотношения через участвующие в его формировании основные элементы (связь — фактическое отношение — общественное отношение) или элементы структуры (субъекты — объект — содержание), выделения тех или иных признаков, выбора критериев и многообразия классификаций. Однако многочисленность и разнообразие точек зрения в научной и учебной литературе отнюдь не исчерпывают проблематику правоотношения как фундаментальной юридической категории и не закрывают пути для научного поиска. Новая монография П. П. Серкова является подтверждением тому.

Автор не в первый раз обращается к категории правоотношения¹. Но в отличие от трудов предшественников и в продолжение собственных размышлений, П. П. Серков уже в названии новой монографии акцентирует внимание на изучении нравственного компонента механизма правоотношений. Как представляется, автору это удалось сделать блестяще и во многом благодаря использованию новых методологических подходов, данных междисциплинарных исследований, что компенсирует характерную для отечественной юриспруденции позитивистскую приверженность к юридико-догматическому инструментарию.

В первой главе обоснована ценностная природа права и морали, сформулированы отличительные признаки морали и нравственности, показано, что мораль выступает источником субъективного осознания насущной потребности взаимности, паритетности и принуждения.

¹ Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : в 3 ч. М., 2018.

В свою очередь нравственность, «формулированная» в морали, преодолевает анархию субъективных интересов, проникающих в право. Особо отметим подробный обзор и критический разбор идейных источников морали и нравственности, сделанный автором, в частности, полемичный анализ идей о соотношении морали, нравственности и права в концепциях И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Г. В. Мальцева, А. В. Полякова.

Во второй главе автор детализировал понимание нравственного компонента механизма правоотношений посредством системного исследования трех сегментов механизма индивидуальных конституционных правоотношений (законодательного, исполнительного, правосудного). Содержание третьей главы затрагивает такие аспекты, как нравственные основы доказывания в юридической науке и практике правового регулирования, соотношение правовой теории и правовой действительности, правосознание и правопонимание, нравственные начала и перспективы юридической науки.

Многие авторские выводы оригинальны, вызывают научный интерес и составляют несомненное достоинство работы. В первую очередь заслуга П. П. Серкова состоит в том, что он, придерживаясь классических канонов (правоотношение — связь сторон, особая правовая форма), исследует правоотношение как способ правового регулирования, эффективность которого напрямую зависит от общества и государства. Безусловно оправдан авторский подход в рассмотрении проблематики правоотношений в единстве их содержания и формы, социального и правового контекстов, с использованием исторических, психологических, антропологических данных. Также, отдавая должное формальным правовым нормам, П. П. Серков исходит из приоритета индивидуального взаимодействия, что помогает лучше понять природу правоотношений и констатировать их разнообразие. Нравственность и правовое регулирование рассматриваются автором в их непосредственной взаимосвязи, которая приобретает конкретные очертания. И наконец, автор выводит на первое место потенциал живого человека, солидаризируясь здесь с гуманистической традицией и даже с критикуемым им И. Кантом, видевшим в человеке цель, а не средство. На последнее обстоятельство надо обратить особое внимание, поскольку многие российские ученые, юристы, анализируя правовые проблемы в законодательной, исполнительной, судебной деятельности, действуют, как уже отмечалось выше, в рамках доминирующей позитивистской парадигмы, в которой завуалирована роль человека. Но ведь право — это волевой регулятор, привязанный к живому человеку, принимающему решения и обладающему свободой воли. И человек, принимая решение, например, о формировании правовых норм, делает это в соответствии со своими субъективными представлениями, уровнем нравственности, правовой культуры, правосознания, на основе определенного жизненного и профессионального опыта, обладая той или иной мерой свободы, ответственности.

Помимо концептуальных суждений автора, в монографии мы находим и ценные результаты, имеющие значение для методологии научного познания. Так, сконструированная автором схема «субъектив-

ные интересы – публичные потребности – субъективные потребности – цели – правовые статусы – субъективные взаимные и паритетные права и обязанности – объект правоотношения» способна быть эффективным аналитическим инструментом – познавательной моделью, так как в ней механизм правоотношений непосредственным образом связан с идейным содержанием правовых норм Конституции РФ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов не ради права, а ради потребностей².

Изучая результаты современной формализации законодательных идей, автор обоснованно утверждает, что их не следует оценивать через общую категорию закона. Идейное содержание каждой правовой нормы независимо от законодательной воли предназначается не для самостоятельного использования, а для самостоятельной совокупности в каждом отдельно взятом механизме правоотношений. Действие идейного содержания каждой нормы кооперируется с идейным содержанием других правовых норм³. Идейным ядром законодательной методологии выступает условие установления надлежащего субъективного поведения при достижении надлежащих потребностей. Только надлежащее субъективное поведение и такие же потребности свидетельствуют о конкретике должного⁴.

Воздав должное очевидным достоинствам научного труда, отметим и то, что в монографии П.П. Серкова есть немало спорных выводов и предложений, что и должно присутствовать в настоящем научном фундаментальном исследовании. Например, отмечается, что субъективные интересы имеют место в правовой действительности, но они вообще «не допускаются» в качестве реальных «участников» правового регулирования правовой теорией⁵. На наш взгляд, в этой части с автором можно поспорить, так как существует такая специфическая правовая категория, как «законный интерес». Субъективные интересы субъекта могут быть признаны судом законными и требующими защиты. Признание законного интереса нарушенным влечет за собой юридические последствия, порождает новые правила поведения, которые через правовые позиции высших судебных органов могут впоследствии закрепляться в законодательстве.

Следует отметить, что 2020-й стал годом испытаний как для общества, так и для государственных институтов. Ответом на вызовы «новой нормальности» должны быть адекватные меры и средства по преодолению кризисных явлений, среди которых важная роль принадлежит правовому регулированию. Эти факторы актуализируют поиск новых решений, объяснительных и прогностических моделей, что обуславливает высокую актуальность научного труда П.П. Серкова, соответствие проведенного исследования запросам современной юридической теории и практики.

² Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М., 2020. С. 236–237.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 252.

⁵ Там же. С. 27.

В заключение отметим, что рецензируемая монография производит самое положительное впечатление. Автор глубоко погружен в тему, он всесторонне исследует ее. Полагаем, что монография П.П. Серкова формирует методологическую основу современной доктрины правообразования и правореализации, содержит завершенную нравственную концепцию правоотношения, существенно обогащает юридическую науку, а следовательно, заслуживает самого пристального внимания законодателей, ученых, практикующих юристов.

Список литературы

1. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : в 3 ч. М., 2018.
2. Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М., 2020.

Об авторах

Татьяна Клавдиевна Примак — д-р юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: TPrimak@kantiana.ru

Светлана Владимировна Лонская — д-р юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: SLonskaya@kantiana.ru

The authors

Prof. Tatiana K. Primak, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: TPrimak@kantiana.ru

Prof. Svetlana V. Lonskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: SLonskaya@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
№ 4

2020

Редактор *Н. П. Антонова*. Корректор *О. М. Бамов*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 11.05.2021 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 10,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 47
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6